

Н. А. Аванесова

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.А. АВАНЕСОВА

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ:

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Самарканд 2020

УДК 902.5(575.1)

ВБК 63.4

A 181

Аванесова Н.А. Археология Средней Азии: энеолит и бронзовый век. Учебник. – Самарканд: Издательство "SHABNAM OMAD NUR".

Учебник вводит будущего историка, археолога, этнолога в древности эпохи палеометалла через впечатляющее археологическое наследие обитателей Средней Азии. Формирует у студентов представление об истории региона, прошлое которого реконструируется, преимущественно, на основе вещественных источников. На основе археологических комплексов энеолита и бронзового века (вторая половина V – конец II тыс. до н.э.) воссоздается картина поступательного развития исторических процессов. Учтены важнейшие археологические открытия эпохи палеометалла, новые методы изучения и датирования находок. Композиционно работа рассматривается не по географическим регионам, а по археологическим культурам двух историко-культурных зон: древних земледельцев и скотоводов.

Учебник адресован студентам, магистрантам, стажерам-исследователям исторических факультетов всех форм высших учебных заведений.

Ключевые слова: археология, Средняя Азия, историческая наука, археологическая наука, эпоха палеометалла, вещественные источники

Рецензенты: д.и.н., проф. **М.Д. Джуракулов**
д.и.н., проф. **Б.Х. Матбабаев**

Ответственный редактор: акад. **А.А. Аскарров**

Учебник рекомендован к печати решением Совета Самаркандского государственного университета от 29 февраля 2020 года протокол №7

ISBN – 978-9943-6319-3-9

© Н.А. Аванесова 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		6
Введение		9
Глава I	Памятники энеолита	24
Раздел 1	Материальная культура	24
1.1.	Поселения раннего энеолита	24
1.2.	Поселения и постройки развитого энеолита	25
1.3.	Поселения и постройки позднего энеолита	29
1.4.	Производственный инвентарь	32
1.5.	Керамика	34
Раздел 2	Хозяйство	38
2.1.	Земледелие и скотоводство	38
2.2.	Домашние промыслы	41
Раздел 3	Общественные отношения	43
Раздел 4	Духовная культура	45
4.1.	Погребальный обряд	45
4.2.	Антропоморфная скульптура	48
4.3.	Зооморфная скульптура и поделки их глины	51
4.4.	Украшения и амулеты	52
4.5.	Проблема семантики керамической росписи	53
Раздел 5	Культурные связи	56
Раздел 6	Жуков – святилище ранних скотоводов Зеравшана	59
6.1.	Материальная культура	61
6.2.	Генезис и культурная принадлежность	64
Глава II	Оседло-земледельческие культуры эпохи бронзы	67
Раздел 1	Культура Алтын-депе	69
1.1.	Краткая характеристика основных памятников	70
1.2.	Поселения периода ранней бронзы	84
1.3.	Поселения эпохи развитой бронзы	89
1.4.	Кризис Алтындепинской культуры	98
Раздел 2	Сумбарская культура	103
2.1.	Могильник Пархай II	103
Раздел 3	Мургабская культура	109
3.1.	Материальная культура	109
3.2.	Мургабские памятники времени Намазга VI	113
3.3.	Генезис культуры	116
Раздел 4	Саразмская культура	117

4.1.	Материальная культура	118
4.2.	Хозяйство	119
4.3.	Погребальный обряд	120
4.4.	Генезис и культурные связи	121
Раздел 5	Сапаллинская культура	122
5.1.	Сапаллитепа	123
5.2.	Поселение Джаркутан	125
5.3.	Некрополь Бустон VI	134
5.4.	Материальная культура	139
5.5.	Экономика	146
Раздел 6	Бактрийско-Маргианская археологическая культура (БМАК)	147
6.1.	Материальная культура	148
6.2.	Погребальный обряд	155
6.3.	Хронология	158
6.4.	Генезис БМАК	160
Глава III	Культуры Степной бронзы	164
Раздел 1	Памятники андроновской историко-культурной общности (АИКО)	167
1.1.	Зеравшанский вариант АИКО	167
1.2.	Андроновские памятники Киргизии – Таньшанско-Семиреченский вариант	174
1.3.	Памятники Центральной части Среднеазиатского междуречья	178
1.4.	Скотоводческие памятники Памира и Припамирья	180
1.5.	Памятники восточного Прикаспия и Туркмении	181
1.6.	Хозяйство	184
1.7.	Вопросы общественного строя	187
1.8.	Проблема происхождения	188
Раздел 2	Тазабагьябская культура	191
Раздел 3	Кайраккумская культура	193
Глава IV	Синкретические культуры	197
Раздел 1	Культура Заманбаба	198
Раздел 2	Бишкентская и Вахшская культуры	204
Раздел 3	Чустская культура	212
3.1.	Распространение памятников	212
3.2.	Материальная культура	213
3.3.	Экономика	220

3.4.	Погребальный обряд	222
3.5.	Генезис и хронология	223
Заключение		227
Основная рекомендуемая литература (для дополнительного чтения)		230
Список сокращений		236
Приложение (иллюстрации к главам учебника)		237
Схематическая карта расположения памятников энеолита и бронзы на территории Средней Азии		238
Иллюстрации к I главе		240
Иллюстрации к II главе		246
Иллюстрации к III главе		260
Иллюстрации к IV главе		268

Предисловие

Учебник «Археология Средней Азии: энеолит и бронзовый век» предназначен для студентов исторических факультетов высших учебных заведений Республики Узбекистан согласно государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования. Как учебная дисциплина входит в основную базовую образовательную программу выпускника Высшей школы 5120300 по специальности «История» (по странам и регионам) и 5120400 по специальности «Археология». Предмет рассчитан на один учебный семестр на первых курсах и углубленному спецкурсу «Энеолит и бронза Средней Азии» предназначенный для 4-х курсов. В данной работе Средняя Азия рассматривается в рамках территории азиатских стран – Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Кыргызстана, но изложение материала эпохи палеометалла даётся в соответствии с границами древних культурно-хозяйственных областей, а не по географическим регионам.

В основе Учебника лежат материалы, заложенные автором в Учебном пособии «Эпоха бронзы Средней» Азии (Самарканд 1989 год), давно ставший библиографической редкостью. Со времени издания указанного пособия, число источников по энеолиту и бронзе Средней Азии неизмеримо возросло, стало гораздо шире, обогатилась новыми существенными данными. Вследствие этого во многом изменилось понимание природы исторических процессов, протекающих на фоне заявленных эпох.

Современное состояние источников делает актуальным необходимость появления Учебника, который предназначен для вовлечения учащегося в процесс освоения знаний, за счёт систематизированного и комплексного изложения материала. Последнее будет способствовать формированию у студента умения анализировать факты, навыков системного анализа археологического материала. Следует отметить, что концепция, положенная в основу "пособия", в целом сохраняется, но на новом, более обширном материале приводятся наиболее аргументированные точки зрения по

основным вопросам археологии Средней Азии. Вводятся новые главы – «Памятники энеолита», «Культуры степной бронзы» и ряд разделов, представляющие большой методический интерес.

Эпоха палеометалла рассматривается как качественный рубеж в культурном развитии человечества, на основе которой происходило развитие социокультурных явлений с присущими им чертами локальной специфики. Археологические культуры рассматриваются исходя из естественно-географических условий, в которых развивались древние историко-культурные образования. Учтены также результаты последних достижений археологической науки региона. Было установлено, что высокоразвитые культуры IV-II тыс. до н.э. явились, в основном, приемниками местных традиций, но вместе с тем, имели тесные взаимосвязи с сопредельными культурами северной части степной Евразии и Передней Азии.

Материал расположен применительно к курсу, по археологическим культурам, иллюстрирован, что важно для знакомства с вещественными источниками.

Период, рассматриваемый в учебнике, охватывает время V-II тыс. до н.э., богат крупными историческими событиями. Он включает сложение больших историко-культурных общностей: ранних земледельцев на юге и пастушеский племён на севере Средней Азии, тесно связанных между собой.

Настоящий учебник не претендует на исчерпывающее описание систематизированного материала. Свою задачу автор рассматривает как возможность дать общее представление о материальной культуре, наметить некоторые закономерности и тенденции исторического развития. Средствами археологии пыталась показать, что в древности обсуждаемая территория была ареной многих крупных событий мировой истории и что население региона внесло значительный вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Мы попытались в пределах возможного ввести студентов в лабораторию исследовательского поиска, в которой найдут себе дело будущие археологи и историки.

Рукопись учебника обсуждена на кафедре Археологии исторического факультета СамГУ и рекомендована решением Ученого совета истфака к изданию.

Автор искренне благодарит всех, кто своими советами способствовал написанию данного учебника.

ВВЕДЕНИЕ

Средняя Азия — обширный историко-географический регион, полный природных контрастов. Это огромная страна гор, степей и пустынь со своеобразным комплексом характерных для нее природных физико-географических условий.

Плодородные долины Мургаба, Теджена, Зеравшана, Вахша, Сырдарьи и Амударьи; барханы пустынь Каракумы и Кызылкумы; горные кряжи заоблачных высот Памиро-Алая и Тянь-Шаня; мягкие склоны предгорий Алтайского, Туркестанского, Зеравшанского и Гиссарского хребтов — таков ландшафт Средней Азии. Различия физико-географической среды обусловили некоторое своеобразие исторического процесса

В эпоху палеометалла (вторая половина V – конец II тыс. до н.э.) на юге Средней Азии развивается древнеземледельческая культура Анау-Намазга, на севере складывается и утверждается культура скотоводческих племен. Все многообразие племен Средней Азии, группировавшихся по отдельным, природой разграниченным участкам, жило не замкнутыми, изолированными друг от друга группами, а общей жизнью со всеми скотоводческими племенами степной полосы Евразии и оседло-земледельческими общинами пояса древневосточной цивилизации. Этому благоприятствовала общность естественно-географической среды и социально-экономического развития, языковая (индоевропейцы) и культурная близость.

Закономерности, определяющие преемственность традиций и зарождение нового в истории человеческого общества, отчетливее всего проявляют себя в периоде кардинальных исторических сдвигов, на их хронологических и пространственных рубежах. В немалой степени такие сдвиги связаны с утверждением производящей экономики и расцветом металлургии эпохи энеолита и бронзы. В это время складывается весьма сложный характер генетического и функционального соотношения различных социально-экономических структур доисторического общества, происходят определенные сдвиги в мировоззрении, психологии и т. д.

В южных областях Средней Азии во второй половине V тыс. до н.э. в материальном производстве произошли значительные изменения – люди научились делать предметы из металла. Медь была первым металлом, из которого, наряду с каменными, стали изготавливать орудия труда. Отсюда в соответствии с семантикой слова, этот период характеризуется как «энеолит» то есть медно-каменный век. Значение указанного открытия для развития культурных и социальных процессов в древности трудно переоценить. Металл был одним из основных видов сырья, его добывали для внутреннего потребления и товарообмена. Этот материал позволяет ставить и решать проблемы развития ранней металлургии и металлообработки, распространение технологических и иных достижений, сложение в обществе факторов, которые определяют степень его готовности к принятию технических и культурных инноваций.

Бронзовый век (середина III – конец II тыс. до н.э.) ознаменован формированием древней цивилизации с протогородами, расширением межплеменных связей, сложением института власти. Его основные признаки – освоение технологии горного дела, металлургии и металлообработки. Развитие производительных сил археологически запечатлено в остатках различных производств: медеплавильного, керамического, камнеобрабатывающего, ткацкого, строительного, свидетельствующих, что в середине III тыс. до н. э. здесь имело место формирование и распространение технических и технологических достижений, близких древнейшим цивилизациям Востока. Именно эти достижения и составляли экономическую основу раннегородской цивилизации эпохи бронзы обитателей юга Средней Азии. Чего не скажешь о северных степных зонах, где в это время технические достижения эпохи бронзы заметно запаздывали и производящая экономика развивалась с преобладающим скотоводческим направлением. Это отнюдь не означает, что северная часть Средней Азии играла пассивную роль в общеисторическом процессе. Особая роль каждой из географических зон в формировании специфических хозяйственных укладов первобытных обществ предполагала в

известной степени локализацию специфических признаков материальной и духовной культуры этнических группировок. Однако на определенных стадиях исторического развития географические границы становились исходным пунктом активного взаимодействия этих группировок. Археологические памятники именно таких пограничных районов в большой степени, чем где-либо содержат информацию для решения вопросов синхронизации материальных комплексов и изучения механизма формирования, новых этнокультурных образований.

Исторические судьбы среднеазиатского населения издревле тесно переплетены. Характерную черту их этносоциальной структуры составляло с древнейших времен соседство и сосуществование оседлого и пастушеского населений. История населения палеометалла Средней Азии изучена нами по археологическим культурам. Ибо археология, исследующая памятники материальной культуры прошлого, является почти единственным источником наших знаний о древних эпохах. Но прежде чем перейти к характеристике археологических культур, следует дать общее понятие о энеолите и бронзе как исторической эпохе и культурной стадии человеческого развития.

Краткая характеристика и общие представления о палеометаллическом периоде

Энеолит является особой эпохой в историческом развитии населения указанной территории. От предшествующего джейтунского периода эпоха энеолита отличается многими чертами. Важнейшими из них следует считать следующие: 1) прочную оседлость на базе сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства с применением искусственного орошения; 2) интенсивное освоение значительной территории и увеличение плотности населения, приводящее к выделению и усилению локальных вариантов культуры; 3) освоение и внедрение в практику ряда новых навыков и целых отраслей домашнего производства (металлургия, прядение, формовка кирпича, усовершенствование гончарства и мн. др.); 4)

усложнение общественных отношений, приведшее, по-видимому, в итоге к сложению патриархального рода со всеми вытекающими отсюда изменениями в идеологических представлениях; 5) на данном этапе южнотуркменские общины оказываются теснее втянутыми в сферу культур расписной керамики Переднего Востока и как следствие в орбиту древневосточных цивилизаций.

Памятники ранних земледельцев представлены остатками своеобразных поселений, которые в специальной литературе получили наименование «тепе» (депе) или «теллей». Это холмы, довольно крупные по площади, которые образовались в результате деятельности многих поколений людей, веками живших на одних и тех же местах. Толщина их культурных слоев иногда достигает нескольких десятков метров. Такие "холмы" стали предметом пристального изучения археологов.

После раскопок, осуществленных экспедицией Р. Пампелли в 1904 г., Г. Шмидтом была предложена периодизация культуры оседлых земледельцев Южной Туркмении по поселению Анау (Анау I-IV), которой пользовались все исследователи в течение 50 лет. Грандиозные шурфы на крупнейшем поселении края Намазга-депе позволили детализировать эту периодизацию и выделить шесть последовательных культурно-хронологических комплексов, получивших соответственно наименования Намазга I-VI.

Энеолит Южной Туркмении охватывает три нижних хронологических периода стратиграфической схемы — Намазга I (Анау 1Б), Намазга II (Анау II) и Намазга III, которые соответственно в общих чертах можно считать ранним, развитым и поздним энеолитом.

В настоящее время стратиграфическая колонка Намазга в ее соответствии с эпохами и абсолютными датировками выглядит так:

Намазга I – (середина V — первая половина IV тыс. до и. э.) — характерны дома из сырцового кирпича, одиночные скорченные погребения, лепная от руки посуда с одноцветной росписью, медные изделия, женские статуэтки. Население было сосредоточено в северной части поселка. Это эпоха раннего энеолита.

Намазга II – (вторая половина IV тыс. до н. э.). Особенность этого периода – появление посуды с двухцветной росписью. Это эпоха среднего энеолита.

Намазга III – (конец IV – начало III тыс. до н. э.). Определяющим признаком этого периода является широкое развитие зооморфной орнаментации. Имеется геометрический орнамент. Появляется серая керамика. Это эпоха позднего энеолита.

Намазга IV – (середина III тыс. до н. э.). Появление гончарного круга. Зооморфный орнамент вырождается, а геометрический, достигающий совершенства определяет особенность керамического комплекса. Поселение с площадью 70 га имело обводную стену из сырцового кирпича. Использование бронзовых орудий. Разрешена транспортная проблема, использование верблюда в качестве тягловой силы. Это время ранней бронзы.

Намазга V – (конец III – начало II тыс. до н. э.). Вся посуда сделана на гончарном круге. Геометрический орнамент и серая керамика отсутствуют. Украшением посуды является сама форма. Появляются двухъярусные керамические печи, плоскостные терракотовые фигурки женщин, глиняные модели двухосных повозок. Дома большие, многокомнатные, разделенные улочками. Это время средней бронзы.

Намазга VI – (середина и вторая половина II тыс. до н.э.). Определяющим признаком вновь становится украшение поверхности сосудов, в частности красным ангобом с лощением, вновь возрождается серая керамика. К концу периода появляется небрежная геометрическая роспись на лепной посуде. В это же время появляется степная лепная керамика. Площадь поселения сокращается в несколько раз.

В истории становления и развития культуры оседло-земледельческих общин юга Средней Азии важное значение имела благоприятная природная среда северной подгорной равнины Копетдага, освоенной первыми земледельцами и скотоводами джейтунской неолитической культуры в конце VII-VI тыс. до н. э. Современной климатической обстановке в Средней Азии

предшествовал более влажный атлантический период, причем первая, наиболее теплая и влажная половина климатического оптимума голоцена приходится на VI-IV тысяч. до н. э. По мнению большинства исследователей, аридизация климата началась в конце атлантического периода и продолжается до настоящего времени.

Энеолитическая *анауская культура* Южного Туркменистана, которая складывается в середине V тысяч. до н. э. на основе джейтунского неолита и комплексов типа Анау IA, имевших вероятно иранское происхождение, развивалась вплоть до конца IV тысяч. до н. э. в благоприятных климатических условиях.

Археологический комплекс на раннеэнеолитическом этапе Анау IB/Намазга I (вторая половина V — первая треть IV тысяч. до н. э.) соединил в себе как джейтунские традиции (однокомнатные дома, керамика с крупными органическими примесями в тесте, настенные росписи святилищ красной и черной красками, так и инновации комплексов типа Анау IA (прямоугольный кирпич, окраска полов святилищ в черный цвет, медные ножи и шилья, категории терракотовых и глиняных орудий).

Экономической основой анауской культуры было земледелие, которое в период раннего энеолита сочетало в себе неполивные и орошаемые формы. В это время на подгорной равнине Копетдага растет количество поселений, расположенных как в конусах выноса, так и несколько выше по течению практически всех водных артерий, стекавших с гор, что предполагает начало искусственного орошения. К концу периода раннего энеолита формируется оазисная система расселения и резко повышается плотность населения. Многометровые строительные остатки этого периода выявлены в основании практически всех средних и крупных поселений — тепе эпохи энеолита и бронзы подгорной зоны Копетдага и долины р. Теджен.

В результате экономического и культурного развития раннеэнеолитических общин в середине — второй половине IV тысяч. до н. э. на территории Северного Копетдага сформировались два локальных варианта анауской культуры периода среднего энеолита,

представленные комплексами типа Намазга II в центральной части подгорной зоны и комплексами *ялангачского и раннегеоксюрского* типов в юго-восточной. О росте уровня культуры и усложнении организации общества времени среднего энеолита свидетельствуют строительство ограждающих стен поселений; организованная система застройки отдельными домохозяйствами, состоявшими из однокомнатных домов с внутренним членением пространства и прилегающих дворов (хозяйственных и парадных); яркие комплексы материальной культуры. Экономической основой этого подъема культуры являлись земледелие, которое было уже исключительно поливным и основанным как на паводковых разливах, так и на регулярном орошении с помощью каналов и арыков, развитое скотоводство и специализированная охота, а также технологически отработанные производства изделий из глины, металла, камня и, вероятно, дерева.

Количество поселений в период среднего энеолита несколько уменьшается, но при этом складывается их иерархическая структура с выделением центров площадью до 8-14 га (Геоксюр 1, Илгынлы-депе, Кара-депе и Намазга-депе, а также, вероятно, Алтын-депе и Улуг-депе). Таким образом, плотность населения продолжает расти. Отдельные группы населения из Южного Туркменистана продвигаются на восток и северо-восток — в дельту Мургаба и далее, в верховья Зеравшана. Здесь, на границе горной и равнинной части долины р. Зеравшан переселенцами с юга Средней Азии был основан Саразм — древний центр обработки рудного и каменного сырья, добывавшегося в горах выше по течению реки. Для строительства энеолитического Саразма характерны как традиции южных земледельцев, так и, вероятно, традиции домостроительства местных неолитических племен.

В период позднего энеолита, в конце IV — начале III тыс. до н.э. система расселения в Южном Туркменистане начинает меняться. В результате начинающегося процесса аридизации происходит миграция водных русел и идет концентрация населения на ограниченном числе средних и крупных поселений (Геоксюр 1,

Алтын-депе, Хапуз-депе, Улуг-депе, Намазга-депе, Кара-депе, Гара-депе). Эти поселения плотно застроены жилыми домами из одного-трех помещений, имевшими общий двор, в которых часто находились коллективные зернохранилища. Именно в период позднего энеолита резко увеличивается (до 25-30 га) площадь двух наиболее крупных центров — Алтын-депе и Намазга-депе. В середине периода полностью запустевает Геоксюрский оазис, население которого перемещается вверх по Теджену и основывает Хапуз-депе. В конце периода прекращает существование Кара-депе, а в начале периода ранней бронзы — и расположенный рядом Гара-депе, население которых, видимо, постепенно концентрируется в межгорной долине Даррагац (Ярым-депе). По сути культурные комплексы конца позднего энеолита — ранней бронзы (около 2800–2400 гг. до н. э.) представлены почти исключительно на самых крупных поселениях подгорной зоны Копетдага и древней долины Теджена — Намазга-депе, Улуг-депе, Хапуз-депе и Алтын-депе.

Бронзовый век — период истории человечества, когда широко распространилось изготовление из искусственных сплавов орудия и оружия, использовавшихся наряду с каменными или вместо них.

Именно металлургия вызвала целый переворот в характере производительных сил и открыла новые возможности для развития хозяйства и социальных отношений. Для появления металлургического производства необходимы следующие условия и предпосылки: наличие металла, причем не в недрах земли, а на поверхности и в виде самородков и наличие относительно высокоразвитых производительных сил, уровень которых позволил бы, во-первых, освоить сложный металлургический процесс, во-вторых, иметь достаточные избытки продуктов питания для прокормления людей, занимающихся металлургией.

Металлопроизводство становится в этот период одним из важных секторов производящей экономике. Наличие в регионе собственной минерально-сырьевой базы для горно-металлургического производства обеспечивало стабильность хозяйственно-культурной

системы, стимулировала торгового обменную деятельность и развитие социальных институтов.

Различают *четыре этапа развития металлургии*. На *первом этапе* медь принимали за разновидность камня и обрабатывали ее как камень – техникой двухсторонней оббивки. Это было начало холоднойковки, очень быстро развившейся. Сравнительно скоро узнали преимуществаковки нагретого металла.

Каким образом люди открыли металл, можно только догадываться. Не исключено, что человека привлек блеск красного минерала, недаром из самородной меди раньше всего выковывают украшения, и только потом — орудия, первоначально мелкие. Некоторые разновидности медных руд в природе также красивы, например, малахит, из которого тоже сначала делали украшения, а потом стали использовать как медную руду. Может быть, случай, когда изделия из самородной меди попали в огонь, расплавились, а при остывании приняли новую форму, привел к открытию плавления меди. Впрочем, не следует придавать особого значения именно случаю, так как, по словам Л. Пастера, случай помогает подготовленному уму. Как бы то ни было, плавление самородной меди и отливка простых изделий в открытые формы составляет содержание *второго этапа* открытия древней металлургии. Он подготовил *следующий, наиболее важный этап*, который знаменуется выплавкой меди из руд. Открытие выплавки датируют VI тыс. до н.э. Наконец, *четвертый этап* соответствует уже той эпохе, которую называют бронзовым веком в собственном смысле слова. На этом этапе изобретают искусственные сплавы на медной основе, т. е. бронзу.

Древние рудники, хотя и редки, но все же археологам известны, и, сколько возможно, изучены. Месторождения меди, видимо, открывали по внешним признакам; они выдают себя, например, выступающими на поверхности земли зелеными пятнами окислов. Такие признаки древние рудокопы несомненно, уже знали. Однако не всякая медная руда годилась для выплавки меди. Для этого не годились сульфидные руды, т.к. древний металлург не умел отделить

медь от серы. В дело шли только так называемые окисленные руды, в использовании которых тоже существует трудность: в большинстве они перекрыты так называемыми «железными шляпами» — мощным залежами бурой железной руды. Это еще более суживало круг и без того редких меднорудных залежей. В тех местах, где не было высококачественных руд, использовали небогатые медистые песчаники, например — Кызылкумы.

При добыче руды использовались каменные молоты, которые встречаются в таких рудниках. Подобные находки очень редки, но они с несомненностью свидетельствуют, что глубокие разработки рудных месторождений существовали еще в бронзовом веке.

Отмечено, что использовать металл первыми начинали, как правило, племена, основу хозяйства которых составляло земледелие или скотоводство, т. е. производящие отрасли. Это вполне согласуется с активным характером деятельности металлурга. Металлургия может рассматриваться как отрасль производящего хозяйства.

Древнейшие в мире металлические вещи найдены при раскопках в Чатал-Уюке (Анатолия). Они датируются рубежом VII-VI тыс. до н. э. В Двуречье металл узнали лишь в VI тыс., в Египте — в V тыс. На территории Восточной Европы древнейшие находки датируются V тыс. до н. э.

Еще недавно считали, что от природы мягкая медь не выдерживала соперничества с камнем, и это было одной из важных причин малой распространенности медных орудий. Действительно, в работе медное лезвие заминается. Но и каменное лезвие не безупречно, оно выкрашивается и его приходится выбрасывать, в то время как медное можно подточить. Опыты, проделанные в специальной археологической лаборатории, показали, что производственные процессы, выполняемые параллельно инструментами из обоих материалов, быстрее завершаются медными орудиями, несмотря на их мягкость. Следовательно, редкость медных орудий объясняется не плохими рабочими качествами, иначе их вряд ли изготовляли бы вообще. Эта редкость — следствие

редкости самого материала, высокой стоимости меди. Из меди сначала делали украшения и мелкие колющие и режущие орудия — ножи, шилья: в них медь соперничает с камнем.

Открытие металла способствовало развитию обмена между отдаленными странами: ведь производить медь могли только там, где имеются медные руды. Складываются тысячекилометровые торговые пути, расширяются экономические связи. Длинным путям были нужны надежные средства передвижения и именно в энеолите делается одно из важнейших открытий человечества: изобретается колесо. В эту эпоху, открывающую бронзовый век, широко распространяется земледелие, которое у ряда племен становится основной формой хозяйства. Оно господствует на огромной территории от Египта до Китая. Главное содержание прогресса в энеолите — изобретение металла, дальнейшее расселение человечества и распространение производящего хозяйства. Но это не значит, что земледелие составляло единственное занятие энеолитических племен. К энеолиту относят и ряд скотоводческих культур и даже охотничье-рыболовецких.

Совершенно ясно, что обеспечение потребностей в продуктах питания населения таких оседлоземледельческих центров площадью до 30 га возможно только при ирригационном земледелии и серьезных изменениях в технологии основных видов производств и организации производства и общества. Эти изменения, которые в значительной степени прослежены на материалах Алтын-депе, где в период ранней бронзы шел процесс формирования производственной базы специализированного ремесла — экономической основы древнего протогорода, совпадают с нарастанием процесса аридизации климата и, вероятно, отражают адаптацию южнотуркменистанских общин к постепенно ухудшающимся условиям природной среды в III тыс. до н. э.

В развитии строительства и организации жизненного пространства на Алтын-депе выделяются два этапа. Для первого (поздний энеолит — середина ранней бронзы) характерна застройка двухкомнатными домами, группирующимися в массивы-кварталы, и

выделение производственных участков во дворах на краю квартала. В это же время возводятся подпорные стены, оформляется юго-западный въезд на поселение и формируются две, пересекающиеся почти в центре поселения, магистральные улицы. Для второго этапа (поздний этап ранней бронзы — средняя бронза) характерна плотная застройка 3-4-х комнатными домами, с несколькими дополнительными подсобными помещениями и отдельными хозяйственными двориками, разветвленная уличная сеть и обособление в масштабах всего поселения специализированных производственных участков гончаров и, вероятно, металлургов. Около 2400 гг. до н. э. возводятся мощные обводные стены и пилоны на юго-западном въезде, а чуть позднее — монументальный ступенчатый культовый комплекс на восточном краю Алтын-депе. Интересно, что четко спланированные 4-6 комнатные дома появляются в Саразме раньше, чем на поселениях Южного Туркменистана, уже в первой половине III тыс. до н. э.

Однако объем воды небольших речек и ручьев подгорной зоны Копетдага был уже явно недостаточен для жизнеобеспечения возросшей массы населения крупных центров конца периода ранней — начала периода средней бронзы. Этими причинами — ограниченностью водных ресурсов и нарастающей аридизацией климата, скорее всего, и было обусловлено широкое освоение древней дельты Мургаба в последней трети III тыс. до н. э.

Важную роль в обеспечении мобильности населения Южного Туркменистана и широких культурно-торговых взаимодействий периода средней бронзы сыграло также одомашнивание верблюда-бактриана в середине III тыс. до н. э. В результате культурной и торговой экспансии древних земледельцев на восток и юго-восток возникают оседло-земледельческие поселения в бассейне Амударьи — так называемая цивилизация Окса (памятники Северного Афганистана и культура Сапалли), прямые влияния которой в конце III — начале II тыс. до н. э. доходят до Южного Таджикистана и Ферганы (погребальные комплексы: Фархор, Гелот, Шагым).

Использование бронзы вызвало применение ранее неизвестных технологических процессов: плавления с легирующими компонентами, сварки,ковки, паяния, волочения. Они неизмеримо ускорили и облегчили производство самих орудий труда и позволили многократно переделывать (путем повторной отливки) испорченные изделия, тогда как сломавшиеся каменные почти всегда приходилось выбрасывать. Появились новые возможности в обработке дерева, кости, кожи, камня, а это привело к перевороту во всей хозяйственной жизни. Обязательным элементом экономической системы становятся разнообразные домашние промыслы, не связанные прямым образом с изготовлением орудий труда, наблюдается расцвет прикладного искусства. Технологическая специализация этих промыслов, возросшая с внедрением металлургии в сферу производства, требовала от исполнителей все большего профессионализма, что привело к появлению общинного обмена. В это время наблюдается несомненный прогресс сельскохозяйственного производства, имевшего в Средней Азии преимущественно смешанный характер, а определить относительное значение двух его важнейших отраслей — земледелия и скотоводства на начальном этапе очень трудно. Специфика археологических данных такова, что мы можем установить, какие злаки выращивались и какие виды скота разводились, но не получаем ответа на вопрос, в какой степени производство пищи основывалось на разведении домашних животных, а в какой — на выращивании культурных растений.

Развитие производительных сил и производственных отношений способствовало развитию общественного разделения труда и, следовательно, привело к хозяйственной специализации. Примерно в то же время, когда человеком было открыто производство искусственного металла, происходит выделение пастушеских племен из массы земледельческо-скотоводческое и охотничье население. Это первое общественное разделение труда не следует представлять себе в виде кратковременного события, совсем напротив, это был постепенный процесс. Причем чисто земледельческих племен, то есть

таких, которые занимались бы только одним земледелием, не существовало. На той ступени развития мотыжное земледелие не могло полностью обеспечить земледельцев пищей, а плужное земледелие вообще немыслимо без скота. Поэтому все земледельческие племена занимались подсобным скотоводством, не оставляя также охоты и рыболовства. Что касается скотоводческих племен, то многие из них вовсе не занимались земледелием, особенно в степях и предгорьях, богатых травами. Степное скотоводство давало больше продуктов, чем мотыжное земледелие, и позволило избытки обменивать на хлеб и пр.

Род начал формироваться из родственников по мужской линии и вошел в историю под названием патриархального. Разделение труда и первобытные формы обмена послужили предпосылкой для развития сношений между населением отдельных областей, а это в свою очередь сыграло большую роль в ускорении темпа их хозяйственной и общественной жизни. Были установлены меновые связи между районами, где имелись месторождения металлов, добывались редкие породы камня и т. д. Были усовершенствованы средства сообщения, появились колесные повозки. Во второй половине III тыс. до н.э. на юге Средней Азии в повозку впрягали верблюда, а с первой четверти II тыс. до н. э. на огромном ареале от Средней Азии и Казахстана до Эгеиды стала широко применяться конная упряжка. Таким образом, обмен нарушал экономическую замкнутость основной ячейки доисторического общества.

Развитие новых форм хозяйства, связанное с накоплением ценностей в виде стад домашнего скота, запасов хлеба, металла и т. д. повлияло на изменение формы собственности. Производственный процесс все больше индивидуализировался, а индивидуальный труд стал источником частного присвоения. Коллективное хозяйство и коллективная собственность родовой общины превратились в частное хозяйство и частную собственность отдельных семей, что в свою очередь стало источником имущественного неравенства внутри рода. Таким образом, вместо общественной родовой собственности складывается частная собственность отдельных семей.

В материалах Средней Азии это подтверждается находками большого количества кладов бронзовых предметов, бывших частной собственностью отдельных семей или отдельных лиц и свидетельствующих одновременно о широких экономических связях, развитии меновой торговли и первоначального накопления. Возникновение имущественного неравенства подрывало основы первобытнообщинных отношений, поэтому сложение патриархально-родовых отношений с господствующим положением мужчины в семье и роде многие исследователи считают началом разложения первобытной общины.

Многочисленные археологические комплексы эпохи бронзы Средней Азии отражают все богатство и многообразие реального исторического процесса, диалектически сочетающие общее и особенное в развитии культурного наследия. Картографирование культурных явлений среднеазиатских памятников эпохи бронзы позволило выявить ряд археологических культур в двух историко-культурных областях. Степи Средней Азии от высоких притяньшанских нагорий до междугорья Амударьи и Сырдарьи были заселены скотоводческими племенами андроновско-тазабагьябской общности, входившими в ареал евразийских культур степной бронзы; южные пределы изучаемого региона, особенно районы северных предгорий Копетдага вплоть до приамударьинского района, были областью развития оседло-земледельческих племен, входивших в ареал древневосточных протогородских цивилизаций.

ГЛАВА I

Памятники энеолита

В южных районах Средней Азии на базе достижений Джейтунской раннеземледельческой культуры, распространения металла и новых элементов хозяйства, развивалась яркая энеолитическая культура, известная как Анауская.

Культура человеческого общества на любой стадии его развития складывается из нескольких основных компонентов: материальная культура (жилища и поселения, орудия производства, способ ведения хозяйства и его отрасли), общественные и семейные отношения и духовная культура (культы, верования, обряды). Исходя из этой посылки, характеристика земледельцев культуры Анау поры энеолита и построена на рассмотрении трех названных компонентов.

Раздел 1

Материальная культура

1.1. Поселения раннего энеолита

Анауские памятники сосредоточены в предгорьях Копетдага. Раскопки поселений Анау, Намазга-депе, Кара-депе на значительной площади дали возможность судить о типе жилых строений, увидеть тенденцию их развития, а также составить представление об общем облике поселений на равных этапах развития культур древних земледельцев.

Несмотря на то, что поселения подгорной полосы Копетдага времени раннего энеолита (Намазга I) изучены слабо, можно утверждать, что население этих мест обитало в поселках, значительных по площади и количеству домов. Каждый поселок состоял из ряда жилых однокомнатных домов (Яссы-депе), причем становится заметной тенденция к их слиянию в один многокомнатный дом. Не будет ошибкой считать, что ко времени Намазга II в подгорной полосе переход от однокомнатных домов к многокомнатным уже завершился.

Значительно больше данных в этом плане дали раскопки поселений Геоксюрского оазиса, на материалах которого и строится предлагаемая ниже эволюция жилищ. Наиболее ранним здесь является Дашлыджи-депе, относимое ко времени позднего Намазга I. Оно во всех трех слоях содержит остатки однокомнатных домов, в которых тенденция к слиянию еще не наблюдается. Более того, они, так же как и в неолите, не дифференцированы, хотя в сторону этого можно отметить кое-какие сдвиги. Здесь мы уже не наблюдаем той характерной «стандартности», которая так типична для Джейтуна: дома имеют различную ориентацию входа и отличаются незначительным своеобразием в оформлении интерьеров. Пока остается открытым вопрос о наличии оборонительных сооружений в этом периоде, однако все же можно склониться к тому, что специальных обводных стен еще не строили. Можно полагать, что первые поколения обитателей Геоксюрского оазиса, еще не порвавшие непосредственных связей с населением подгорной равнины, жили так же, как их предки. Поселение не было укреплено и состояло из маленьких однокомнатных домов.

Жилые дома Дышлыджи-депе имеют ряд общих черт. Так, например, все они небольших размеров (около 10 м²); в левом от входа углу находится квадратный в плане очаг, сделанный из поставленных на ребро кирпичей. Один из углов комнаты отгорожен выступающей поперечной стенкой. Одно помещение выделяется из числа остальных значительно большими размерами, долговременным существованием и тщательной отделкой интерьера; однако в целом оно такое же, как и остальные.

1.2. Поселения и постройки развитого энеолита

Иную картину мы наблюдаем в Геоксюрском оазисе на следующем, ялангачском этапе (период Намазга II). Здесь поселения по-прежнему состоят из небольших однокомнатных домов (Ялангач-депе, Муллали-депе и др.), но теперь они окружены оборонительными стенами, которыми охвачена значительная площадь, от 300 до 800 м². В плане это многоугольник, стороны

которого имеют 8,5-10 м в длину. Между отрезками стен, на их изгибах, расположены круглые постройки. Их входные проемы направлены внутрь огражденного участка. Тот участок стен круглой постройки, который обращен наружу, по своей толщине одинаков с обводной стеной, т. е. достигает 50 см (обращенные внутрь стены вдвое тоньше). Заполнение круглых помещений ничем не отличается от заполнения жилых домов. В круглых «башнях» отсутствуют крупные бытовые очаги, но в ряде случаев имеются небольшие открытые жаровни, сооруженные непосредственно на полу. По-видимому, круглые постройки, включенные в периметр ограды, в ряде случаев использовались для жилья, хотя в настоящее время трудно утверждать, что они предназначались именно для этого.

Внутри огражденного участка верхнего строительного горизонта Ялангач-депе сохранилось несколько сооружений. Это крупное центральное помещение площадью около 37 м² со стенами из двух рядов кирпича, внутри которого расположена прямоугольная двухчастная жаровня-подиум. Такая же жаровня-подиум, только меньшего размера, имеется и в другом помещении. Третьим сооружением является круглое (6,1 м в диаметре) здание.

Сооружения второго строительного горизонта вскрыты на северо-западной половине холма. Так же как и в первом горизонте, продолжает существовать центральное помещение. На его юго-западной стене был расчищен уникальный антропоморфный налест из слегка обожженной глины.

Остальная часть поселения состоит из ряда помещений, сосредоточенных в западной части холма. Это типично жилая часть поселка. Тут мы видим, по меньшей мере пять жилых домов и несколько комнат хозяйственного назначения. Все жилые дома сравнительно небольшие по площади; неизменно слева от входа находится очаг, приподнятый над полом.

Во многом близка к описанной и планировка поселения Мулалидеде. Оно состояло из окруженных обводной стеной однокомнатных домов, хотя уже заметна тенденция к их слиянию. Жилое помещение представляло собой почти квадратную комнату площадью около 10

м². Почти во всех жилых домах сохранились остатки угловых прямоугольных очагов, которые по своей конструкции почти не отличались от ялангачских.

Особняком на поселении стоят два здания. Первое, прямоугольное, ориентированное углами по сторонам горизонта, имеет утолщенные стены и в одном из углов тщательно сделанную двухчастную жаровню-подиум, окруженную бортиком и разделенную ступенькой на две разновысокие части; в пониженной отмечены следы слабого огня.

Другое здание представляет собой круглый дом около 6 м в поперечнике со стенами толщиной до одного метра. Там были найдены зернотерки и каменные напярсла, а в северо-восточной части находился овальный отсек с небольшой обмазанной глиной круглой ямой.

Раскопки пяти других поселений Геоксюрского оазиса свидетельствуют о типичности перечисленных элементов. Так, на Акча-депе, помимо жилищ, открыто здание с прямоугольной глиняной жаровней-подиумом и часть круглого дома. На Айна-депе, в его третьем строительном горизонте, вскрыт жилой комплекс из нескольких помещений, где наряду с бытовым очагом найдена такая же жаровня-подиум и в смежной комнате — круглый жертвенник. На поселениях Геоксюр 1, Геоксюр 7 и Геоксюр 9 вскрыты жилища и части обводных стен.

Все жилые постройки ялангачского этапа объединяются в три группы. К первой относятся прямоугольные дома без очагов. Ко второй – те, у которых в один из углов (обычно или слева от входа, или дальний правый) помещен крупный бытовой очаг. Третья группа домов, незначительная количественно, наиболее интересна — именно в ней наблюдается тенденция к многокомнатности, поскольку почти каждый из домов имеет пристройку, вход в которую возможен только через дом. Кроме обычного углового очага для хозяйственных нужд, в этих домах имеется жаровня-подиум; такая жаровня является характерным атрибутом общественных домов – зародышей родовых святилищ.

Таким образом, для времени Намазга II в Геоксюрском оазисе характерны укрепленные поселения, состоящие из однокомнатных домов трех разновидностей с отчетливой тенденцией к образованию многокомнатных домов. Этот период — последний, в котором можно проследить переживание джейтунских домостроительных традиций. Другой характерной особенностью поселения ялангачского этапа следует считать появление особой группы сооружений, изменявшей существо поселка по сравнению с дашлыджинским этапом. Это крупные здания явно общественных функций.

Появление различных сооружений нежилого назначения в Геоксюрском оазисе с достоверностью фиксируется лишь с ялангачского этапа, т. е. со времени Намазга II, хотя некоторые такие сооружения отмечаются и ранее. Наиболее существенными среди них следует считать прямоугольные общественные дома и круглые, отдельно стоящие здания.

Общественные дома начинают строить в подгорной полосе Копетдага, по-видимому, в период Намазга I. Об этом свидетельствуют двухкомнатный дом с полихромной стеной росписью на Яссы-депе и обрывки настенных полихромных панно из шурфа на северном холме Анау.

В Геоксюрском оазисе, по мнению некоторых исследователей, появление общественных домов отмечается с начала освоения этой территории. В нижнем и втором строительных горизонтах Дашлыджи-депе раскопано помещение, которое, как уже отмечалось, по площади было почти втрое больше любого другого жилого дома. Оно могло использоваться для каких-либо собраний, но это не было его основной функцией.

С ялангачского этапа появление общественных домов уже не вызывает сомнений. Они открыты на большинстве поселений и показывают прочную традицию сооружения подобных построек по каким-то выработанным канонам: 1) возводятся такие здания в течение ряда строительных периодов на одном и том же месте поселения; 2) размер общественного здания значительно крупнее жилого дома, и выстроено оно с большей прочностью и

тщательностью; 3) ориентация углов дается по сторонам горизонта; 4) отсутствуют бытовые сооружения (очаги) и предметы домашнего обихода; 5) в каждом здании на полу зафиксирована низкая прямоугольная двухчастная жаровня, окруженная бортиком, причем следы огня отмечены лишь на одной части.

Круглые отдельно стоящие дома являются также особенностью поселений ялангачского времени. Они значительны по размерам, и их стены сложены прочнее, чем стены других построек; сама толщина стен, достигающая одного метра, и незначительный наклон внутрь позволяют выдвинуть предположение, что подобные сооружения могли иметь ложносводчатое (купольное) перекрытие.

1.3. Поселения и постройки позднего энеолита

Поселения позднего энеолита были раскопаны лишь на трех памятниках, однако значительная вскрытая площадь позволяет представить облик поселения этого времени в целом. Два из этих поселений (Геоксюр 1 и Чонг-депе) расположены в Геоксюрском оазисе, а третье, Кара-депе, находится в подгорной полосе близ станции Артык.

На Кара-депе в центральной части холма вскрыто около 130 различных помещений, относящихся к многокомнатным жилым массивам. Помещения можно подразделить на две категории: большие жилые комнаты с обогревательными очагами типа сандалов в полу и маленькие узкие комнатки, служащие кладовыми и хранилищами. Кроме того, крупные, огражденные стенами участки можно по ряду признаков считать хозяйственными дворами. Комплексы помещений отделены друг от друга толстыми глухими стенами, узкими проулками и более широкими улицами. В центре поселка обнаружен незастроенный участок — своеобразная площадь.

В северной части поселения расположены два смежных комплекса. В центре их находились дворы, окруженные мелкими помещениями. Южнее площади массив состоял преимущественно из крупных комнат скорее производственного характера. В него были включены участки из параллельных стенок, на которых, вероятно,

были либо настилы, либо зернохранилища. Такие же группы стенок-фундаментов отмечаются и во дворах.

Поселение Геоксюр 1, как и Кара-депе, состояло из многокомнатных домов, объединенных в крупные кварталы, ограниченные улицами. К сожалению, ни один квартал не расчищен полностью, однако раскопанных частей уже достаточно для выяснения общей картины и принципа планировки поселения.

Жилые дома состояли из нескольких комнат и зачастую объединялись общим двором с очагом для приготовления пищи. В каждом жилом комплексе было 1-2 крупных помещения с обогревательными круглыми очагами в полу; к ним примыкало несколько подсобных помещений — закромов и кладовых.

Одно из помещений почти квадратное, площадь его равна 15,5 м². Слева от двери имеется прямоугольный выступ, а в северном углу — керамическая вымостка. В центре помещения находится ограниченный валиком глинобитный, сильно обожженный круг с гладкой горизонтальной поверхностью и круглым отверстием в центре. Можно полагать, что раскопки вскрыли одно из наиболее ранних святилищ с округлым алтарем в центре, предназначенным для священного огня. Примыкающее к святилищу более крупное помещение играло роль двора.

Производственный комплекс в юго-восточной части раскопа связан с изготовлением керамики. Там была вскрыта небольшая обжигательная печь с остатками ложносводчатого перекрытия.

Самым поздним из всех поселений Геоксюрского оазиса является Чонг-депе; отмеченные традиции планировки здесь полностью сохраняются. На раскопанной части поселения вскрыто около 50 различных помещений, которые по ряду признаков можно отнести к пяти комплексам. Основным критерием для такого разделения служат прямоугольные, средних размеров комнаты (от 7,5 до 17 м²), в центре которых на полу находились круглые глинобитные алтари, тождественные тому, который происходит из святилища поселения Геоксюр 1; К этим помещениям примыкали другие комнаты, причем

группы комнат отделены друг от друга довольно широкими проходами или незастроенными участками.

Из всех архитектурных деталей Чонг-депе особенно примечательны круглые алтари, выполненные как бы по одному образцу. Их диаметр колеблется от 60 до 95 см; диаметр срединного отверстия равен примерно $1/3$ диаметра круга; глубина цилиндрического канала равна его диаметру. Четыре алтаря имеют только внешний бортик, а один — два бортика: внешний и внутренний, окружающий центральное отверстие.

Таким образом, поселения позднего энеолита (конец Намазга II и Намазга III) состоят из ряда многокомнатных домов. Эти дома объединяются в кварталы, причем последние отделены, друг от друга улицами или просто незастроенными участками. В отличие от периода однокомнатных домов такой принцип застройки поселения можно назвать «протогородским», тем более что его общая площадь возрастает во много раз: Кара-депе и Геоксюр приближаются к 6-8 га, а Намазга-депе — почти к 70 га. Жилые помещения сравнительно большие, в среднем 20 м^2 . Внутри такого помещения ничего нет, кроме небольшого круглого обогревательного очага типа сандала, вделанного в пол. Обращает на себя внимание отсутствие в жилых комнатах этого времени крупных очагов для приготовления пищи. Одновременно у дверных проемов часто обнаруживаются подпечные камни, почти совершенно отсутствующие на более ранних поселениях. Хозяйственные помещения (кладовые и т. п.) были составной частью каждого дома, причем иногда их насчитывается несколько. В одних хранилось зерно (Геоксюр), в других — посуда и прочие изделия (Кара-депе).

Если мы сравним общественные здания предыдущего периода со святилищами геоксюрского времени, то заметим довольно отчетливое уменьшение площади последних. Так, если общественные дома ялангачского периода колеблются в размерах от 37 до 22 м^2 , то площадь наиболее крупного святилища геоксюрского этапа 17 м^2 , а наименьшего — $7,5 \text{ м}^2$. Одновременно заметно постепенное увеличение площади предвходного тамбура.

До сих пор в поселениях позднего энеолита не обнаружено следов оборонительных стен. Вопрос о наличии их в это время пока остается открытым. Однако не исключена возможность, что при более регулярной планировке поселения роль обводных стен могли играть глухие внешние стены домов-массивов.

В начале периода Намазга III все рассмотренные поселения позднего энеолита оказались заброшенными. Если причину этого для Кара-депе пока установить затруднительно, то с поселениями Геоксюрского оазиса картина как будто проясняется. При освоении этих мест поселки были основаны лишь на местах холмов Дашлыджи-депе, Акча-депе и Геоксюр 1. Затем возникают еще три поселения — Айна-депе, Ялангач-депе и Геоксюр 7, но не в результате притока нового населения, а за счет внутренних ресурсов, по мнению В.М. Массона, за счет сегментации родового коллектива, населявшего Геоксюр 1. Через ряд столетий протоки дельты, на которых базировались названные поселения, либо высыхают, либо меняют свое русло. Последнее послужило причиной переноса поселений на новые места: возникают соответственно Геоксюр 9, Муллали-депе и Чонг-депе.

К позднему энеолиту по тем же причинам жизнь сохраняется в оазисе только в двух местах, на холмах Геоксюр 1 и Чонг-депе, где концентрируются остатки населения. К этому же времени, надо полагать, можно относить начало ухода каких-то групп людей из некогда процветавшего края. Одни из них ушли вверх по Теджену, в одной из излучин которого возникает новое поселение Хапуз-депе, другие вернулись в подгорную зону, а какая-то часть вообще покинула пределы Южного Туркменистана и смешалась с земледельческим населением Афганистана.

1.4. Производственный инвентарь

Орудия производства и инструменты древних земледельцев дошли до нас в довольно ограниченном количестве. Изготавливались они из всех известных в то время материалов: камня, кости, глины и металла.

Из различных пород камня были сделаны орудия, связанные главным образом с земледелием. К ним относятся кремневые вкладыши для жатвенных ножей, обработанные, как правило, «пильчатой» ретушью, булавовидные грузила для палок-копалок, зернотерки, ступки и песты. Кроме того, ряд каменных инструментов предназначался для иных нужд, например, веретенные напрядла, специальные отжимники из мыльного камня употреблялись для обработки кремня, а шпатели — для выглаживания керамики. К концу периода к перечисленным орудиям добавлялось значительное количество точильных камней и оселков; тогда же впервые появляются так называемые гири и тяжелые сферические предметы с желобом.

Костяные инструменты несколько разнообразнее. Почти все они предназначались для обработки кож и шерсти. Для обработки кожи существовал целый набор: проколки с полого заточенным острием, развертки с круто заточенным острием, иглы без ушка для продергивания в проделанные отверстия сухожилия или нити, гладилки для разглаживания швов. Кроме того, употреблялись ножи из ребер крупных животных; шпатели подтреугольной формы для обработки керамики и вязальные крючки. Вероятно, из кости же изготовлялись рукояти для вкладышевых жатвенных ножей. К концу периода количество костяных орудий резко сокращается. Кроме нескольких шильев, следует отметить кочедык для плетения, рукояти для кистей, употреблявшихся в керамическом производстве, и какое-то странное орудие, напоминающее челнок от ткацкого станка.

Изделия из глины производственного характера однообразны. Это различной величины и орнаментации веретенные напрядла усеченноконической или грушевидной формы, а также яйцевидные ядра для пращи. Первые всегда обожжены, вторые нет.

Единственным освоенным металлом в периоды Намазга I-III, употреблявшимся для производства различных инструментов, была медь с незначительными природными примесями. Период Намазга I оставил почти исключительно медные, круглые и четырехгранные шилья Намазга II — более крупные инструменты. Так, на Ялангач-

депе были найдены топор, нож, наконечник дротика и шилья. В позднем энеолите ассортимент медных орудий еще более расширяется. Кроме перечисленных предметов, изготавливаются туалетные палочки, булавки, кольца, серьги; особо надо отметить орудие, напоминающее стамеску с полукруглым лезвием.

1.5. Керамика

Основным видом археологических находок является керамика. В рассматриваемое время вся посуда изготавливалась из двух видов глиняного теста в зависимости от назначения сосуда. Тесто сосудов для приготовления пищи содержало сильную примесь песка, т. е. было жароупорным. Посуда для хранения или приема пищи имела в глине примесь мелко резанной растительности, которая в позднем энеолите, во всяком случае при изготовлении мелкой посуды, была заменена гипсом.

Форма сосудов постепенно изменяется. Если в раннем и развитом энеолите посуда первой группы была представлена одной формой — круглодонным сферическим горшком с невысоким толстым венчиком, то к позднему энеолиту сосуды становятся более приземистыми и у них появляются три высоких (до 20-25 см) ножки, что позволяло ими пользоваться для приготовления пищи не только на очаге, но и просто на костре. Что касается второй группы посуды, помимо состава теста, она отличается еще и техническим орнаментом наружной или внутренней поверхности. В позднем энеолите этот ассортимент значительно обогащается, появляются сосуды с округлым туловом и венчиком, сферические сосуды без венчика, биконические и цилиндроконические сосуды, кубки с отогнутыми наружу стенками и др.

В орнаментации керамики периода Намазга I преобладают монохромные геометрические мотивы, нанесенные черной краской; ведущими следует считать силуэтные и реже контурные треугольники, нанесенные несколькими горизонтальными полосами в верхней части сосуда. Кроме того, на сосуды наносились полосы, зигзаги, шевроны, шахматные узоры. В единичных случаях отмечено

появление зооморфных мотивов: козлы (Намазга-депе), лошадь (?) (Кара-депе) и какое-то животное с трехпалыми лапами (Дашлыджи-депе).

Посуда периода Намазга II, распространенная в основном в западном районе» отличается от посуды предыдущего периода фактурой и обжигом, что наводит на мысль об изменениях в технологии обжига (появление обжигательных печей). Орнамент по композиции можно разбить на ряд групп. К первой группе относятся пучки черных и красных линий, которые идут вертикально от дна к венчику, иногда усложненные включенными среди них треугольниками. Ко второй группе относятся фризы, состоящие преимущественно из треугольных фигур, различно выполненных двумя красками. В третью группу можно включить также фризы, но заполненные комбинациями прямоугольных фигур и линий. К четвертой группе надо отнести дуги, свисающие от венчика. Особо следует отметить такую важную деталь орнамента, как впервые появившиеся изображения людей (стоящих или сидящих на корточках); продолжается и дальнейшее развитие зооморфных изображений (козлы).

В период позднего Намазга II наблюдается постепенное исключение красной краски, а также ухудшение ритма и четкости изображения. Оно мельчает и утрачивает прежнюю сочность. На большинстве сосудов орнамент, выполнен в виде горизонтального фриза, хотя существовала и другая манера нанесения узора. Первой разновидностью фризовой росписи являются метопы, отделенные друг от друга незанятым пространством поверхности или вертикальными линиями. В каждой методе помещены два треугольника, иногда с дополнениями, обращенные друг к другу вершинами, причем последние, как правило, находятся на разных уровнях. Часто эти треугольники, заполненные отрезками прямых или волнистых линий, соединяет наклонная прямая, которая пересекает поле надвое. Треугольный орнамент встречен также в совершенно другом сочетании — вдоль фриза размещены треугольники, причем вершины нижних расположены между

верхними, по фоновому просвету обычно пропущен зигзаг. Помимо перечисленных мотивов, появляются сочетания из прямоугольных фигур, поверхность которых покрыта также прямыми или волнистыми линиями.

На многих фрагментах встречено очень условное изображение козла. Его туловище нарисовано длинной, плавно изогнутой линией. Очень схематично отрезками прямых показаны четыре ноги, пара рогов и хвост.

В целом росписи позднего Намазга II свойственны в основных чертах те же узоры, что и росписи раннего Намазга II, но выполнены они одной черной краской. Наряду с этим отмечается появление новых геометрических композиций, которые впоследствии послужат основой для геометрической орнаментации времени раннего Намазга III.

В период Намазга II в восточном районе была распространена посуда ялангачского стиля. По фактуре, формам и технике изготовления она не отличается от керамики времени Намазга I. Узоры бедны, но своеобразны и стабильны. Корчаги украшены шевронами и бегущим зигзагом. Вдоль венчика горшков нанесены четыре полосы, соединенные попарно геометрическими фигурами или (позднее) отрезками прямых линий. Чаши украшены также полосами, но в отличие от горшков их всего две; они также соединены в нескольких местах. Иногда на их внутренней стороне встречается изображение трезубца.

Прототипом ялангачских мотивов орнаментации послужила исключительно роспись Намазга I. В Геоксюрском оазисе она развивалась по линии вырождения и деградации. Часть мотивов исчезла совершенно, а ведущие (ряды силуэтных треугольников) постепенно трансформировались в параллельные полосы за счет вытягивания треугольников по горизонтали. Названную орнаментацию на всех поселениях ялангачского времени с определенным постоянством сопровождает небольшая, но характерная группа геометрических узоров на чашах, банках и корчагах. Это композиции из различно расположенных

треугольников и ромбов, внутреннее поле которых заполнено сеткой, штриховкой, вписанными углами и т. д.

Орнаментальные узоры времени Намазга III представлены главным образом в материалах с поселений центрального района подгорной полосы; там появляется в массовом количестве зооморфная тематика наряду с дальнейшим развитием в сторону подробности и измельчения сюжетов геометрического орнамента, часть мотивов которого безусловно восходит к более ранним орнаментальным композициям.

Другим характерным признаком стиля этого времени было включение в украшающий сосуд фриз ряда символов, часть из которых ясна, а семантика других еще не может считаться разгаданной. И, наконец, продолжается традиции нанесения на сосуд изображений людей и, что примечательно, антропоморфных статуэток.

На востоке в это время существует орнаментация керамики геоксюрского стиля, выделяющаяся как гаммой красок, так и узорами. Обычно роспись многоцветная; употреблялись преимущественно черная и красная краски, причем последняя сильно варьирует своей интенсивностью и оттенками, даже доходящими до лилового. Третьей краской служил фон, который, видимо, в зависимости от режима обжига имел довольно широкий диапазон оттенков: желтый, оранжевый, кремовый, красный. Узоры делятся на две основные подгруппы: геометрические и зооморфные, с явным преобладанием первых.

Геометрическая орнаментация геоксюрского стиля состоит из широкого (на чашках) или узкого (на мисках и горшках) фриза вдоль венчика. В этот фриз помещено довольно регулярно повторяющееся изображение, состоящее, как правило, из сочетания простых геометрических фигур, причем немаловажную роль выполняют не залитые краской места — фоновые просветы. Определяющей фигурой этого стиля является равноконечный крест, помещенный в характерную шестиугольную рамку, а вся композиция в целом отделяется от следующей чаще всего фигурой, составленной из двух

треугольников, обращенных друг к другу вершинами. Внутреннее поле каждого треугольника имеет фоновый просвет в форме полукреста. Эта основная композиция имеет большое число вариантов.

Кроме этого сюжета, значительная часть сосудов имеет метопное членение фриза. В метопах помещены сочетания треугольников и ромбов, причем существует разнообразное внутреннее оформление этих фигур, а также их взаиморасположение. У ряда сосудов тот же фриз сильно меняется: линии направлены наклонно к венчику, вместо обычного расположения фигур изображены помещенные в шахматном порядке треугольники, разделенные зигзагом; есть и другие варианты.

Сравнительно редкие изображения животных в ряде случаев настолько своеобразны, что им нельзя найти реальных прототипов. Что касается рисунка козла, то он встречается в подгорной полосе в более ранние периоды (Намазга I и II); не исключена возможность, что традиционное изображение этого животного трансформировалось под действием своеобразной геометрической орнаментации.

Раздел 2 Хозяйство

2.1. Земледелие и скотоводство

В подгорной полосе Копетдага поселения времени Намазга I располагались обыкновенно на среднем течении ручьев и речек, стекающих с гор. Поля находились поблизости от поселений. Для орошения полей, видимо, использовались естественные разливы, однако не исключается возможность сооружения небольших подпруд. Несколько по-иному обстояло дело в Геоксюрском оазисе, где поселения располагались вдоль крупных дельтовых протоков р. Теджена. В связи с заболоченностью берегов и обилием произраставших на них тугаев, применение особых ирригационных устройств маловероятно. Действительно, данные многих

геоморфологических разрезов указывают на то, что для орошения и удобрения полей использовались паводковые разливы рек.

Обработка земли под посев первоначально не производилась. Семена высевались непосредственно в сырой ил. Начиная с периода Намазга I в подгорной полосе, а в Геоксюрском оазисе с ялангачского времени (период Намазга II) появляется примитивное орудие обработки почвы — палка-копалка с утяжелителем. Последние в форме массивных булавовидных колец неизменно встречаются среди находок на поселениях указанного времени, причем ко времени позднего энеолита их численность возрастает во много раз.

Поскольку в подгорной полосе Копетдага почвенный слой вокруг поселений поднялся за счет делювиальных отложений на многие метры, сейчас нет никакой возможности найти там следы каких-либо ирригационных сооружений в этих местах. Геоксюрский оазис оказался наиболее благоприятным в этом отношении из-за равнинного характера местности. Там при помощи сочетания аэрофотосъемки и наземного поиска были обнаружены древнейшие ирригационные сооружения не только Средней Азии, но и всего Переднего Востока. У поселения Муллали-депе (время позднего Намазга II) находился искусственный водоем вместимостью до 3500 м³ воды. Он был соединен небольшим протоком с проходящим поблизости руслом; через этот проток вода заполняла водоем во время паводков. К более позднему времени (Намазга III) относится сеть каналов у поселения Геоксюр 1, которые были выведены из дельтового протока в 1,5 км от поселения. Отходя от русла почти под прямым углом, каналы были проведены в сторону поселения и оканчивались примерно в 1,5 км за ним. Их падение было достаточно велико (40-50 см на 1 км) для постоянного тока воды. Древние поля, как указывают почвенные шурфы, находились в головной и хвостовой частях канала и орошались самотеком или небольшими отводными арыками. Примерная площадь обрабатываемой земли исчисляется Г. Н. Лисицыной в 50 га.

Основными культурами были двухрядный ячмень и мягкая пшеница. При этом ячмень преобладал над пшеницей в количественном отношении примерно в 30 раз. Кроме того, следует полагать, что были известны и другие садовые и огородные культуры.

Созревшие злаки собирались при помощи специальных жатвенных вкладышевых ножей трех разновидностей: ножи с невыступающим лезвием, ножи с выступающим лезвием и ножи, состоящие из одной крупной пластины (до 8 см в длину), вставленной в косой паз под углом к рукояти. Вкладыши делались из кремневых пластин, сколотых с призматического нуклеуса. В отличие от неолитических энеолитические вкладыши обрабатывались специальной «пильчатой» ретушью.

В развитии и особенно в позднем энеолите кремневые вкладыши почти не встречены. Это позволяет предполагать, что место сложных кремневых жатвенных ножей занимают медные серпы, хотя они пока не найдены в раскопках.

Собранное зерно хранилось либо в крупных корчагах, либо в специальных закромах, сложенных из сырцового кирпича. Перед употреблением в пищу его растирали на зернотерках или дробили в ступках. Побочные продукты (солома, солома) также находили применение. Они употреблялись при изготовлении кирпичей (саман), для укрепления крыши, примешивались в керамическую глиняную массу. Из соломы плелись циновки.

Скотоводство (мясное и молочное) играло в экономике древнего поселения Южной Туркмении существенную роль. Стадо состояло из крупного и мелкого рогатого скота (коровы, козы, овцы) и свиней. Состав стада древних земледельцев был обычным для всего Переднего Востока эпохи энеолита. Скотоводство было, по-видимому, пастушеским.

Весьма показательным является соотношение крупного и мелкого рогатого скота, прослеженное на материалах Геоксюрского оазиса. В период освоения его территории (Намазга I) и в период расцвета крупных поселений (Намазга II) соотношение это колеблется от 1:3

до 1:5. Позднее, к геоксюрскому этапу, оно достигает 1:11. По-видимому, это соотношение в какой-то степени отражает реальный состав древнего стада. Численное преобладание мелкого рогатого скота объясняется большей скороспелостью последнего. Возрастание разрыва может быть поставлено в связь с усыханием тедженской дельты; при создавшихся условиях мелкий рогатый скот численно увеличивался в связи с его неприхотливостью к корму;

Охота продолжала существовать, но ею занимались лишь с целью добычи мясной пищи. Объектами охоты были как представители тугайной фауны (олень, кабан), так и обитатели равнины (джейран, кулан). Общее количество особей диких животных доходит до 10% от общего числа особей, определяемых по костным остаткам.

2.2. Домашние промыслы

Археологические материалы позволяют с достаточной полнотой дать характеристику некоторых домашних производств, и прежде всего керамического в его эволюции. Для раннего энеолита в подгорной полосе и на начальных этапах освоения Геоксюрского оазиса характерно изготовление лепной посуды. Все сосуды, в особенности крупные, как и в пору неолита, изготовлены наращиванием стенок из широких глиняных лент. Места соединения таких лент тщательно заглаживались специальными костяными или каменными шпателями. Этот прием не прослеживается на «столовой» посуде; возможно, она изготовлялась вытягиванием из куска глины методом «наковальни и лопаточки». Затем сосуды покрывались ангобом. Благодаря ему поверхность сосуда после обжига оставалась гладкой, что препятствовало задержки остатков пищи; кроме того, ангоб служил хорошим грунтом для нанесения росписи.

В эпоху раннего и развитого энеолита обжиг посуды производился как будто без специальных горнов, хотя существует и иная точка зрения. Заметное изменение технологии обжига керамики фиксируется со времени Намазга II. Продукция гончаров подгорной полосы значительно улучшается, что, вероятно, можно связывать с

началом применения специальных горнов. Что касается Геоксюрского оазиса, то там о применении обжигательных печей можно говорить лишь с раннегеоксюрского этапа, соответствующего в хронологическом отношении последним фазам времени Намазга II. Конструкция горнов для обжига керамики на поселениях энеолита подгорной полосы неизвестна, но о ней можно судить по раскопкам в Геоксюрском оазисе. На холме Геоксюр 1 в слоях времени раннего Намазга III была вскрыта в одном из дворов специальная печь, которая по ряду конструктивных особенностей восходит к более ранним бытовым очагам ялангачского периода (Намазга II). Горн состоит из двух частей: меньшей, пониженной, — топочная камера и большей, возвышенной, — обжигательная камера. Камеры расположены не одна над другой, как в эпоху бронзы, а рядом, что свидетельствует о неполном овладении технологией обжига посуды. Надо отметить, что площадь обжигательной камеры такой печи была сравнительно мала, и в ней могли помещаться только мелкие сосуды; крупные же корчаги и кувшины еще в течение долгого времени обжигались, очевидно, в кучах топлива.

Металлургия меди, с появлением которой начинается эпоха энеолита, развивается сравнительно, быстрыми темпами. Если в раннем энеолите изготавливались (до нас дошли) только шилья, ножи и бусы, то к развитому энеолиту ассортимент орудий резко возрастает. В позднем, же энеолите, помимо различных инструментов, мы находим большое количество металлических украшений, последние имеют в своем составе значительный процент серебра. Древние металлурги освоили не только выплавку меди из руд, но открыли и более скрытые и сложные ее качества. Для устранения неминуемой хрупкости предмета, вызванной ковкой, он подвергался термической обработке, снимающей возникшие структурные изменения. Последняя заключалась в длительном (в течение нескольких часов) отжиге готового изделия при температуре до 328° С (точка плавления свинца) с последующим охлаждением, что возвращало металлу его пластичность. Количество характерных микропримесей

(мышьяк, сурьма) может указывать, кроме всего прочего, на то, что источники меди времени Намазга II и Намазга III были разными.

Если медная индустрия идет по неизменно возрастающей линии, то в отношении производства орудий из камня и кости мы наблюдаем обратное явление. К развитому энеолиту сходят практически на нет многие инструменты, в частности кремневые жатвенные ножи, костяные шилья, развертки, иглы, а также орудия, связанные с их изготовлением. Зато сохраняется весь комплекс каменных орудий для обработки продуктов земледелия и появляются орудия для возделывания земли – универсальные палки-копалки. Орудия, которые раньше изготовлялись из камня и кости, не исчезают из обихода, а заменяются более практичными и долговечными – медными.

Если на ранних этапах энеолитического хозяйства население каждого поселка обеспечивало себя всем необходимым, то к развитому энеолиту появляются некоторые факты, которые, как кажется, могут свидетельствовать о зарождении специализации в некоторых коллективах. Об этом говорят находки значительного числа инструментов для обработки кожи (Ялангач-депе), более 50 веретенных напрядов (Муллали-депе); можно предположить, что население первого поселения специализировалось в изготовлении кожаных вещей, а второго — в изготовлении шерстяных ниток и, может быть, тканей. К позднему энеолиту этот процесс, надо полагать, развивается дальше, получая какое-то завершение в эпоху бронзы, когда можно говорить о зарождении ремесла.

Раздел 3

Общественные отношения

Отношения между людьми общества не могут быть исследованы непосредственно. Их изучению помогают некоторые группы археологических находок. К ним относятся в первую очередь сами поселения, а также орудия производства. Раскопки разновременных поселений времени Намазга I и Намазга II в Геоксюрском оазисе показывают отчетливое переживание некоторых неолитических

традиций, установленных по материалам Джейтунского поселения. Это относится главным образом к жилым постройкам, охарактеризованным выше. Небольшой по площади однокомнатный дом с примыкающими к нему в ряде случаев хозяйственными пристройками был жилищем общественной молекулы того времени — парной семьи, характерной также и для неолита. Парные семьи в пределах одного поселка были объединены не только родственными узами, но и производственными и образовывали монолитный хозяйственный коллектив — скорее, всего род. Основываясь на комплексном изучении материала, мы вправе полагать, что у земледельцев поры раннего энеолита продолжали существовать матриархально-родовые отношения, господствовавшие в неолите. Для времени Намазга II в Геоксюрском оазисе общий облик поселения уже указывает на дифференциацию жилищ, хотя принцип их планировки остается прежним. В хозяйственном отношении также заметны существенные перемены: применяется обработка земли под посевы, развивается металлургия, усложняется технология производства посуды, возрастает роль мелкого домашнего скота. Все это, надо полагать, способствует увеличению объема мужского труда и роли, мужчин в экономической, а значит, и общественной жизни коллектива. Мужская часть коллектива для закрепления своей значимости в глазах общества создает специальные общественные дома, в связи с чем меняется архитектурный облик поселения в целом. Коллектив поселка уже стоит на грани многокомнатных жилых домов. На следующем этапе, общественного развития еще больше меняется облик поселения. Последнее состоит уже из многокомнатных домов (вскрыты на Кара-депе и Геоксюре). В одном хозяйстве объединено много жилых комнат с обогревательными очагами, дворы, кладовые и другие сооружения. Эти массивы отделены друг от друга глухими стенами или длинными и узкими проходами. Кроме упомянутых черт, отличающих этот тип поселения от предыдущих поселков, следует отметить вынесение очагов для приготовления пищи из каждой жилой комнаты в специальное место — кухню. Все это в совокупности с появлением коллективных

захоронений в неизвестных ранее погребальных камерах подводит нас к необходимости признания изменения структуры общества. Бели учесть значительный прогресс в области производства, связанный с выдвиганием мужского труда на первый план, то скорее всего перед нами — патриархальный род на первых этапах своей истории, состоящий из какого-то числа больших семей, объединяющих по несколько поколений ближайших родственников. Возможно, большинство энеолитических памятников являлось поселками родовых коллективов или большесемейных общин. Общественной организацией более высокого порядка были племена и, надо полагать, племенные союзы. Было высказано мнение, что восточная культурная область (восточные предгорья Копетдага и древняя дельта Теджена) соответствует месту обитания такого племенного союза. Вероятно, аналогичные объединения имели место и в западных районах. Поселения же Геоксюркого оазиса, населенные, по-видимому, генетически родственными родами, можно рассматривать как принадлежавшие одному племени.

Раздел 4

Духовная культура

Духовная культура того или иного сообщества может быть раскрыта с известной полнотой через определенную категорию вещей и явлений, обнаруженных при раскопках. К ним относятся в первую очередь предметы, не связанные непосредственно с производством (украшения и амулеты), орнаментация керамики, скульптурные и графические изображения людей, животных и различных символов. Большое значение имеет также изучение погребальных обрядов и остатков культовых строений.

4.1. Погребальный обряд

Погребения времени раннего энеолита (Намазга I) были обнаружены в небольшом количестве только на некоторых поселениях в подгорной полосе Копетдага: на северном холме Анау и в шурфе № 1 на Кара-депе у Артыка. На северном холме Анау в

слоях Намазга I найдено 7 детских скорченных погребений. На Кара-депе в единственном погребении времени позднего Намазга I костяк также скорчен и ориентирован головой на юг-юго-запад. На шее найдено 38 известняковых бусин розового цвета. Значительно богаче наши сведения о погребениях развитого и позднего энеолита. В разных местах поселения Кара-Депе было обнаружено свыше 120 погребений. Одни из них относятся к поздним этапам периода Намазга II (стратиграфический раскоп), а другие — к началу периода Намазга III (раскопы 3-5). На протяжении трех последних строительных горизонтов, относимых к развитому энеолиту (Кара 3, Кара 2 и Кара 1Б), сохраняется устойчивая юг-юго-западная ориентация погребенных. Они, как правило, положены на правый бок с согнутыми или поджатыми ногами; руки находятся чаще всего перед грудью или перед лицом. Отмечаемые отдельные нарушения ориентации почти всегда совпадают с каким-либо изменением в положении покойника (например, положение на левом боку или спине), что лишь подчеркивает устойчивость погребального обряда. Сопровождающий инвентарь не богат: в слоях Кара 3 и Кара 2 это почти одни бусы, но в слое Кара 1Б к ним прибавляются сосуды, костяные орудия и специфические медные «лопаточки». Меньше всего погребений относится к верхнему слою Кара 1А: их всего 12. Они все уложены на правый бок, но ориентация погребенных весьма примечательна: 6 покойников ориентированы традиционно на юг-юго-запад, а 5 — в северном направлении. Сопровождающий инвентарь становится значительно богаче. Так, в одном из погребений найдена богато украшенная женская статуэтка; у другого погребенного в руках находился высокий, по-видимому, культовый каменный сосуд с полусферическим резервуаром и сливом. Кроме одиночных погребений, столь обычных для эпохи энеолита, на Кара-Депе найдена коллективная усыпальница — прямоугольное сооружение размером 2.2x2.6 м из сырцового кирпича. Внутри находились в беспорядке 23 погребения. Их сопровождал богатый инвентарь, состоящий из расписных и алебастровых сосудов. Эти погребения также относятся к периоду Кара 1А и перекликаются с

погребальными камерами Геоксюра. На холме Геоксюр 1 также найдено большое число погребенных. Часть находилась в индивидуальных могильных ямах без стабильной ориентации и позы. Погребенные лежат как на левом, так и на правом боку, а ориентированы они то на север, то на юг. Только 2 из 9 имели в сопровождающем инвентаре глиняные сосуды с росписью. Основное же количество погребенных было помещено в специальные погребальные камеры (Сарианиди, 1960б), представляющие собой иногда прямоугольное (1,6x1,25 м), а как правило, округлое в плане (1,5-1,8 м в поперечнике) сооружение из сырцового кирпича. В хорошо сохранившихся камерах видно, что кирпичи образуют ложносводчатое перекрытие. Положение скелетов в камерах свидетельствует о том, что усыпальницы использовались в течение длительного времени и захоронения в них производились последовательно: каждый предыдущий покойник отодвигался к стенке. Последние, ненарушенные погребения ориентированы в каждой камере в одну сторону: камера А — на юг-юго-восток, камера Б — на юг-юго-запад, камера В — на запад-запад-северо-запад. Интересно, что в первых четырех камерах были похоронены почти одни женщины.

В результате раскопок В.И. Сарианиди, вскрыто около 30 погребальных камер, расположенных своеобразными гнездами по нескольку штук (4-6) на окраине поселения. В них насчитывается от двух до десяти скелетов, а коллекция черепов превышает сотню. Из большого числа погребенных на поселениях позднего энеолита антропологическому исследованию был подвергнут ряд черепов. Исследованные черепа морфологически более близки к некоторым сериям Переднего Востока, в составе которых преобладали черепа древних средиземноморских типов (Сиалк, Гиссар, Ур). По строению лицевого скелета и другим признакам большинство черепов исследованной серии можно отнести к евро-африканскому типу средиземноморской расы. Отличие ее от серий черепов культур степной бронзы, Алтая и Минусинского края, а также древнеямной культуры Нижнего Поволжья показывает, что в эпоху энеолита и,

вероятно, бронзы наиболее восточным районом распространения средиземноморской расы в Средней Азии была Южная Туркмения. При сравнении средних данных краниологических материалов Кара-депе по слоям выявляется интересная картина. Черепа из слоев Кара 3 и Кара 2 выделяются в евро-африканский тип с грациальным строением лица, близким к населению Гиссара II и III. Черепа из верхнего слоя Кара 1 выделяются в тот же евро-африканский тип, но с массивным строением лицевого скелета, напоминающим погребенных Сиалка. Женские черепа из Геоксюра выделяются в своеобразный восточносредиземноморский подтип и отличаются от черепов карадепинской серии. Интересно отметить и разницу в росте между населением Кара-депе и Геоксюра. Бели мужчины с Кара-Депе имели средний рост 170,8 см, а женщины — 154,7 см, то геоксюрцы — соответственно 163,6 и 150,5 см.

4.2. Антропоморфная скульптура

Коллекция антропоморфной глиняной, терракотовой и каменной скульптуры, собранная на энеолитических поселениях Южной Туркмении, насчитывает не одну сотню экземпляров. Статуэтки времен раннего и развитого энеолита изображают только женщин и распределяются неравномерно: подавляющее количество происходит из поселений Геоксюрского оазиса ялангачского этапа (время Намазга II). На Дашлыджи-депе (время Намазга I) найдено три статуэтки: две стоящих и обломок ноги от сидящей; в подгорной полосе ко времени Намазга I относится всего 6 статуэток, три из которых можно также полагать стоящими.

Значительное количество антропоморфной скульптуры развитого энеолита позволяет провести ее элементарную классификацию. Необходимо отметить, что вся она изготовлена из разных материалов: камня (3 экз.), необожженной глины (5 экз.) и терракоты (подавляющее большинство).

Каменная скульптура (песчаник) представлена одним торсом со слабо моделированной головой и двумя отколотыми головами лучшей моделировки. Одна из них (Геоксюр 9) интересна еще и тем,

что имеет вытянутый затылок, напоминающий цилиндрический головной убор.

Статуэтки из необожженной глины представлены двумя разновидностями: весьма схематическими фигурками (по сути дела это только ноги) и более реалистичными торсами с головой, выполненной в условной манере (вдавлениями показаны глаза).

Терракотовая скульптура, как и более ранняя (из поселений подгорной полосы), представлена женскими статуэтками. Все они четко делятся на четыре типа.

К первому типу (более 25 фрагментов) относятся сидящие статуэтки с подчеркнута женскими признаками. Они имеют небольшую голову со схематическими чертами лица, посаженную на длинную шею. Плечи статуэток переходят в пышную грудь. Руки полностью отсутствуют. Целые экземпляры, достигающие 28 см, и крупные фрагменты обильно украшены росписью трех разновидностей: дополняющей пластику глины (брови, соски, лобок); передающей украшения (ожерелья, браслеты на лодыжках); магического характера (солярные круги, геометрические фигуры). Роспись встречается и на более мелких фигурках, где она передает главным образом украшения.

Второй тип статуэток встречается реже; к нему можно с уверенностью отнести не более десяти экземпляров. Это, по всей вероятности, также сидящие фигурки, но сделанные в несколько иной манере. Они все имеют прилепные руки, опущенные вниз, но доведенные лишь до локтя, а также иную форму груди; последнее, однако, может быть связано именно с наличием рук.

К третьему типу относится всего одна статуэтка. Это сидящая фигура женщины, руки которой снизу поддерживают грудь.

К четвертому типу относятся стоящие фигурки. Они происходят с Ялангач-депе. Это несколько обломков ног с плоской и широкой ступней. Сюда же следует отнести уникальный торс без ног и головы, украшенный росписью на левом бедре нарисован козел, на правом — «елочка», спереди как бы одет бахромчатый передник.

Не подлежит сомнению, что описанная категория находок сталкивает исследователя с идеологией древних земледельцев. Женские статуэтки имеют ярко выраженный магический характер и олицетворяют, по всей вероятности, плодоносящую мать-землю. Кроме того, изображение солярных символов на бедрах статуэток свидетельствует о том, что древние земледельцы уже твердо звали зависимость вызревания плодов земли от солнечного цикла: только при участии солнца земледелец был обеспечен пищей и зерном для будущих посевов. Остальные изображения пока не поддаются убедительной расшифровке. Лишь о рисунке козла можно сказать, что он, возможно, является отражением тотемистических представлений и как бы указывает, какой тотемной группе покровительствует данное божество.

В развитии антропоморфной скульптуры позднего энеолита отмечаются некоторые изменения, сводящиеся к двум основным моментам. Во-первых, изображения женщин, по преимуществу сидящих, становятся более изящными. Например, статуэтка с Карадипе выполнена уже весьма реалистично и в отличие от предшествующих предметов подобного рода имеет тщательно обработанную голову, причем, кроме черт лица, особое внимание уделено сложной прическе. Одни статуэтки обильно украшены налепами, которые, надо полагать, заменили расписной орнамент; другие, напротив, сильно схематизируются — по существу это только нижняя половина торса и согнутые ноги. Во-вторых, появляются мужские статуэтки, совершенно неизвестные ранее. Некоторые из них повторяют общий облик сидящих схематических фигурок, зато другие выполнены в весьма реалистической манере: они имеют четко моделированное лицо, бороду. Голову покрывает либо цилиндрическая шапочка, либо шлем с султаном. Эти изменения, особенно последнее, отражают, надо полагать, определенную эволюцию в общественных отношениях поры позднего энеолита.

4.3. Зооморфная скульптура и поделки из глины

Кроме антропоморфной скульптуры, раскопки позволили собрать значительное количество статуэток зверей различного облика. С достоверностью можно назвать три вида животных, причем, по-видимому, только домашних. Это козлы с прямыми или чуть отогнутыми назад рожками и поперечными насечками на морде; бараны с закрученными рогами, выполненными при помощи свернутого спиралью жгута глины, и с отверстиями на голове, которые, вероятно, должны имитировать курчавость шерсти; быки с хвостом, характерным крупом и направленными вперед массивными рогами.

Все зооморфные фигурки раннего и развитого энеолита, как правило, не обожжены. Лишь немногие имеют слабый обжиг, но не специальный, а вследствие случайного (а может быть, умышленного!) попадания в огонь. Бели женские обожженные статуэтки предназначались для сравнительно длительного использования, то фигурки животных употреблялись одноактно: они изготавливались непосредственно перед совершением какого-то обряда или культовой церемонии, по прошествии которой надобность в них пропадала и они выбрасывались. Какова их семантика — сказать трудно. По всей вероятности, это либо символическая благодарственная жертва какому-то божеству, либо предметное выражение просьбы об увеличении или сохранении стада,

При переходе от развитого энеолита к позднему и в позднем энеолите мы находим также значительное количество зооморфных фигурок. Большинство их в отличие от предыдущего времени уже специально обожжено и, более того, покрыто орнаментом. Последний представляет собой либо крупные точки, либо различные полосы на морде и туловище. Видовой состав животных тот же, но они становятся значительно крупнее и скульптурнее. Кроме того, изображения животных изготавливаются из более долговечных материалов — мраморовидного белого камня, примером чему может служить прекрасная фигурка быка с Кара-депе. По всей вероятности,

обряды, при выполнении которых употреблялись изображения животных, как-то изменились и для их отправления стали необходимы предметы из более долговечных материалов.

Наряду с зооморфной скульптурой найдено значительное количество своеобразных поделок из необожженной глины. Это невысокие конусики, причем некоторые из них имеют в верхней части отростки в виде рогов. Вероятнее всего, что перед нами фишки какой-то популярной древней игры, истоки которой следует искать в джейтунской культуре. Интересно отметить, что в позднем энеолите почти не встречается, «рогатых» поделок, а конусики делаются также из обожженной глины или камня.

4.4. Украшения и амулеты

Различные украшения и амулеты происходят главным образом из погребений, хотя некоторое их количество найдено как в культурном слое, так и среди подъемного материала.

Бусы, в особенности из могильника Кара-депе, насчитываются многими сотнями. Большинство их изготовлено из белого гипсовидного камня и отличается разнообразием форм. Наряду с ними часто встречаются бусы из бирюзы, лазурита, халцедона, сердолика, мрамора и других пород камня. Они изготовлялись вручную и просверливались с двух сторон. Кроме каменных бус, встречены одна золотая и несколько костяных, обтянутых серебряной фольгой. Золотая бусина, но изготовленная иной техникой, найдена также на Геоксюре.

Пронизки в целом значительно крупнее. Часть найдена у запястий погребенных, что указывает на их ношение в качестве браслета. Некоторые из них могли одновременно служить и амулетами. В этом отношении показательна крупная пронизка с Геоксюра овальных очертаний, для изготовления которой был использован камень с прожилками; он был обработан так, что на одной из его плоскостей получился рисунок глаза (вполне допустимо, что эта пронизка служила амулетом, предохраняющим от «дурного глаза»).

Примечательны несколько явных амулетов с изображением креста, игравшие, видимо, роль оберега. Также интересен набор гипсовых, очевидно магических, предметов в одном из погребений Кара-депе. В него входили шарики, конусы и схематическая фигурка (по-видимому, женская статуэтка).

Ряд украшений сделан из меди. К ним относятся серьга из проволоки, закрученной в 1.5 оборота, булавки, зеркало с петелькой на левой стороне и так называемые лопаточки. Последние представляют собой стержень, иногда витой, длиной до 15 см. Один из его концов имеет сигарообразное утолщение, а другой раскован в лопаточку. Интересно, что только в этих предметах зафиксирован сплав меди с серебром.

К особой группе изделий, связанных, видимо, с какими-то обрядами, следует отнести сравнительно редкие и хорошо выделанные сосуды из розового и белого мраморовидного известняка. Это в основном изящные тонкостенные сосуды с канеллированной поверхностью. Они либо слегка конические, либо почти полусферические, с узким горлом. Из того же материала изготавливались крупные сосуды, дошедшие до нас во фрагментах. Несколько целых сосудов, по-видимому ритуальных, имеют цилиндрическое основание и небольшой сферический резервуар со сливом; высота их достигает 30 см (один из них найден в погребении). Безусловно труден в изготовлении был сосуд своеобразной формы, происходящий из геоксюрского святилища, — прямоугольный в плане резервуар, помещенный на тонкой усеченноконической ножке.

4.5. Проблема семантики керамической росписи

Богатая и разнообразная коллекция энеолитической расписной керамики с неизбежностью поднимает вопрос о семантике орнамента. Орнаментацию эпохи энеолита в данном случае следует рассматривать в совокупности независимо от места находки и в меньшей степени от комплексной принадлежности, поскольку вся

Южная Туркмения была занята в принципе однокультурным населением.

Основным видом узоров следует считать геометрические, для раскрытия внутреннего смысла которых, если таковой был, у нас пока нет достаточных данных. Эти узоры господствовали в раннем энеолите (Намазга I), а на его последних фазах среди них появляются рисунки животных (достоверно определимы только козлы), деревьев и крестовидных фигур. В развитом энеолите к названным рисункам добавляются солярные круги и изображения людей; последние иногда имеют вид очеловеченного дерева. Значительно богаче становится ассортимент изображений такого характера в период позднего энеолита: животные представлены целым зверинцем, а к символам типа солнца добавляется несколько других: одно- и двухступчатый крест, «пирамидка» и рисунок, напоминающий бабочку, из углов крыльев которой выходят спирали, закрученные попарно навстречу друг другу. Перечисление изображений, которые наверняка обладали семантической определенностью, отнюдь не означает, что они все поддаются расшифровке. Однако о некоторых все же можно уже сейчас иметь определенное суждение.

В развитом энеолите знак солнца рисовался либо в виде окружности с лучами (керамика), либо просто окружности (иногда двойной) с точкой в центре (статуэтки). В период Намазга III лучи солнца приобретают треугольные очертания, а все изображение в целом напоминает шестерню. Внутри помещается либо точка, либо крест в круге. Варианты солярного знака могут означать солнце разных времен года или суток. Наличие у древних земледельцев солнечного культа подтверждают не только изображения солнечного диска на керамике и особенно на бедрах женских статуэток, но и солнечные жертвенники в родовых святилищах, предназначенные для возжигания священного огня в центре их; кроме того, употреблялись и переносные жертвенники, в точности копировавшие стационарные. В поклонении солнцу, которое вряд ли имело персонифицированный облик, кроется реальное знание движения светила по небосводу (его цикличности). Это позволяет предположить наличие рационального

зерна в солнечных культах; подтверждением этой мысли является первобытный земледельческий календарь, регулировавший циклы полевых работ, от которых зависело благополучие земледельца.

Изображения правильных крестовидных фигур с одним или двумя уступами, а также силуэтной ступенчатой пирамиды появляются только в позднем энеолите. Если простой рисунок креста, выполненный иногда довольно небрежно в виде двух перекрещенных линий, можно рассматривать в значении оберега (Хлопин, 1962а), то символика правильного креста с выступами представляется более сложной и труднообъяснимой. То же можно сказать и о пирамиде, хотя ясно уже сейчас, что в это изображение вкладывалось какое-то сложное понятие, поскольку оно встречается как самостоятельно, так и в различных сочетаниях — заменяет солнечный диск, является определителем ряда животных и т. п.

Антропоморфные рисунки настолько редка в развитом энеолите (всего 4 изображения), что сейчас затруднительно решить их смысловое значение. Столь же сложным представляется и сюжет очеловеченного дерева, которое несколько напоминает изображение дерева жизни на передневозвосточных цилиндрических печатях. На Ближнем Востоке культ дерева жизни был широко распространен, он уходит своими корнями в глубокую древность, имея первоисточником реальное дерево — финиковую пальму. В ландшафтной зоне Южной Туркмении такой культ вряд ли Мог зародиться самостоятельно, что позволяет предположить вероятность заимствования названного изображения извне. В позднем энеолите, хотя и отмечаются изображения людей на керамике, но большинство рисунков такого рода резко своеобразны. Это изображения не столько людей, сколько антропоморфных статуэток. Преобладают на керамике изображения диких животных, принадлежащих к трем основным стихиям. К первой — земле — относятся козел, барс и бык, причем первое животное встречается среди орнаментики более ранних периодов. Ко второй стихии — небу — относятся птицы, и к третьей — подземной, хтонической — змеи. Следует отметить, что изображения отдельных животных локализуются в равных

многокомнатных домах верхнего поселения Кара-депе, и этот интересный факт позволил выдвинуть мысль о том, что в зооморфной орнаментации следует усматривать реминисценцию тотемистических верований, характерных для пройденных этапов общественного развития древнего населения Южной Туркмении.

Раздел 5

Культурные связи

Связи той или иной культуры с соседними имеют существенное значение в ее эволюции. Однако при рассмотрении этой проблемы необходимо учитывать ряд ее аспектов, для того чтобы более объективно подходить в каждом конкретном случае к ее решению. Связи могут носить самый различный характер. Исследуемая культура может оказывать определенное воздействие на соседние при условии более высокого ее уровня; наоборот, если ее уровень ниже, то соседи могут осуществлять такое воздействие. При примерно равных экономических и общественных характеристиках смежные культуры могут развиваться самостоятельно, обмениваясь достигнутыми успехами. Никакая культура, как правило, не в состоянии овладеть тем или иным новшеством со стороны, даже в случае принесения его в готовом виде, если она сама далека до его изобретения.

О проникновении в культуру чуждых влияний свидетельствуют предметы или явления, корни которых прослеживаются не в области ее распространения, а вне ее. Кроме того, следует учитывать, что влияния могут исходить обычно от синхронных культур; в частности это относится к керамической орнаментации, которая, как мы видели, весьма быстро изменяется. Однако, поскольку каждая культура является непрерывно развивающимся организмом, всегда необходимо прежде всего учитывать возможность появления тех или иных изменений в результате ее внутреннего развития.

Все это относится и к ранним земледельцам южных районов Средней Азии, к которым с юга примыкала обширная зона земледельческих племен Переднего Востока, а на севере от них были

рассеяны многочисленные племена с охотничье-собираательской формой хозяйства: Южная Туркмения, как видно из предыдущего изложения, входила неотъемлемой частью в первую зону. Поэтому здесь будут рассмотрены данные, связывающие ее с более южными соседями, причем основной упор делается на анализ керамической орнаментации — наиболее чувствительного и в то же время определяющего компонента этой культуры. Эти данные велики по объему, но еще не могут считаться полностью изученными, что и приводит в настоящее время к различным, иногда противоположным точкам зрения.

Орнаменты времени раннего энеолита (Намазга I) уходят, по всей вероятности, своими корнями в эпоху неолита (джейтунскую культуру), на поздних фазах которого возникает наиболее характерный элемент росписи — силуэтный треугольник. Значительную часть других мотивов следует, по-видимому считать, продуктом эпохи. Однако, незначительное количество узоров имеет соответствия в синхронных памятниках центральноиранской группы (Сиалк). Это может указывать либо на весьма ранние контакты населения двух, смежных областей, либо скорее на общие генетические корни населения.

Полихромная орнаментация, развитого энеолита (комплекс Намазга II) появляется довольно неожиданно. Еще Б. А. Куфтин выдвинул тезис о том, что в связи с обнаружением полихромных настенных панно конца развитого энеолита (Яссы-депе) эту орнаментацию следует увязывать с халафской культурой Северной Месопотамии, а не с периодом Джемдет-Наср. Дальнейшие работы позволили детализировать и развить взгляд: на происхождение орнаментации этого типа. Было высказано суждение, что она возникла в целом на месте, хотя в ней и отмечаются параллели с определенной группой эламской керамики (тип Джови), что свидетельствует о направлении древних культурных связей. Как представляется в настоящее время, полихромные узоры типа Намазга II возникли благодаря трем моментам. Во-первых, орнаментации раннего энеолита в отношении композиционного

решения фриза. Во-вторых, вероятному воздействию со стороны более развитых областей Переднего Востока (Халафа) через настенные росписи Намазга I в отношении двуцветности рисунка. Наконец, в-третьих, полихромная керамика, сточки зрения автора этих строк, не могла быть изготовлена без обжигательных горнов, которые появились в развитом энеолите и дали возможность употребить для росписи посуды две краски:

Одновременно с изготовлением в подгорной полосе полихромно украшенной посуды гончары Геоксюрского оазиса и, вероятно, восточных предгорий Копетдага орнаментировали свои изделия узорами ялангачского стиля, восходящего в целом к росписи Намазга I. Наряду с ним некоторые сосуды украшались и геометрической орнаментацией, которая одно время рассматривалась как свидетельство влияния убейдской культуры. Однако сравнение этих композиций с полихромной орнаментацией типа Намазга II позволило предположить, что они возникли на месте и их прототипом следует считать узоры Намазга II. Только местные гончары воспроизводили их не двумя красками, а одной.

Проблема происхождения геоксюрского стиля также еще не может считаться окончательно решенной. Прежде все исследователи единодушно полагали, что в его сложении большую роль сыграли влияния из Центрального и Юго-Западного Ирана и, возможно, Фарса. В настоящее время мнения разделились: наряду с сохранением прежних взглядов возникли новые. Последние заключаются в том, что все узоры, включая и рисунок креста, имеют, по мнению автора этих строк, автохтонное происхождение и сложились на основе узоров типа Намазга II, частично переработанных на месте в ялангачское время (период Намазга II).

Более определенно можно судить об орнаментации позднего энеолита (Намазга III). В ее основе (геометрические узоры) прослеживается местная линия развития. Что же касается зооморфной орнаментации, то все рисунки зверей, кроме, пожалуй, козла, не имеют видимых местных корней. Зато в синхронных памятниках Центрального (Сиалк) и Северного Ирана (Гисар) мы

находим аналогичные изображения. По всей вероятности, они были принесены в предгорья Копетдага выходцами из названных областей, которые пришли в движение благодаря тому, что в Месопотамии этого времени складываются первые государства, давшие своеобразный толчок на периферию.

Кроме керамической орнаментации, свидетельством инокультурных связей могут, по мнению некоторых исследователей, служить изменения в архитектуре последней поры развитого энеолита (появление круглых зданий) и антропоморфная скульптура времени позднего энеолита, которые сопоставляются с Эламом и Южным Двуречьем. Однако к этим категориям памятников следует подходить с сугубой осторожностью, так как они могли возникнуть самостоятельно в результате внутренней эволюции культуры.

Таким образом, проникновение инокультурных влияний в среду земледельческих племен юга Средней Азии отмечается бесспорно только в позднем энеолите. Однако и эти племена оказывали влияние в обратном направлении. Свидетельством этому могут быть узоры на керамике, статуэтки и печати в древнеземледельческих поселениях Афганистана и Пакистана. В период позднего энеолита в целом, как свидетельствует археологический материал, южнотуркменистанские земледельческие общины оказываются втянутыми, в орбиту аналогичных культур Переднего Востока; эти контакты становятся более осязаемыми уже в эпоху бронзы.

Раздел 6

Жуков – святилище ранних скотоводов Зеравшана

Памятник расположен в 16 км к востоку от Самарканда, на левом берегу реки Зеравшан. Исследован в результате охранных раскопок. Раскопанное сооружение представляло собой неправильно-округлых очертаний ограду диаметром около 5 м, образованную из нескольких рядов галечника. В основе ограды лежит каменное овальное кольцо. Внутреннее пространство ограды заполнено незначительными артефактами и каменным наброском, не имеющим

четкой структуры, за исключением валуна вертикально стоящего среди повалившихся галечников ограды.

О своеобразии памятника свидетельствует характер культурных наслоений, нетипичный для поселения и погребального памятника. Важной особенностью заполнения ограды является насыщенность углисто-зольными включениями, пятнами прокала, распределение находок рассредоточенными скоплениями, в том числе, приуроченные к кострищам.

Важными маркерами совершавшихся культовых действий служат: долговременные кострища, валун-стела, выполняющая, видимо медиативную функцию – «соединение миров». Необычны и углубления с охрой, разбитая посуда, глиняные поделки с астральной символикой, скопление костей животных и круговая планировка самой ограды. Последняя пространственно организуя ритуал, сама становится ритуальным объектом. Очевидно, культовое сооружение предусматривало многократное посещение (своего рода святилище), в котором, вероятно, совершались ритуальные пиршества и умиловительные жертвоприношения домашних (овца, корова) и диких (кулан, олень) животных. Судя по стратиграфической картине памятника, весь этот комплекс после определенного периода использования как святилище общественного назначения, был преднамеренно засыпан, то есть замурован. Это согласуется с представлениями о циклическом движении, периодической гибели и новом возрождении мира.

Культурная принадлежность указанного комплекса определяется по керамике, изготовленной в афанасьевской и древнеямной традиции, включая и конструкцию ограды и ряд артефактов. Степень типологической выразительности керамики и другого инвентаря не исключает вероятность связи происхождения стелы с каменными изваяниями племен древнеямной культурно-исторической общности Каспийско-Черноморской степи и лесостепи.

Определяя место исследуемого комплекса среди других памятников эпохи палеометалла Евразии, следует отметить, что его обрядовые показатели наибольшее соответствие находят с

афанасьевскими комплексами Горного Алтая, Хакасии и Тувы, где известны типологически близкие строения, связанные с сакральной сферой жизнедеятельности афанасьевцев Южной Сибири.

Исследуемый комплекс представляет собой своеобразное культурное явление эпохи энеолита, неизвестное ранее не только в Зеравшанской долине но и в Средней Азии. Это своеобразие заключается в поликультурном характере памятника, где артефакты, с одной стороны, идентичны аналогичным изделиям ранних земледельцев Средней Азии, с другой характерны для культурных стандартов степной бронзы Евразии. При этом здесь одинаково выступает и местная подоснова. Своим формированием памятник в значительной мере обязан афанасьевскому компоненту Южной Сибири. Наличие кельтимилярской каменной индустрии и сосуда позволяет полагать о взаимоотношениях субстратного неолитического населения и пришлого афанасьевского.

6.1. Материальная культура

Вещественные находки состоят из керамических, каменных, костяных и металлических изделий, которые являются определяющим фактором уровня развития экономики данного общества. Характер фактического материала позволяет поместить его в разряд особого памятника, выделяющегося на фоне ямно-афанасьевских комплексов.

Особо показательным при определении принадлежности святилища к кругу памятников ямно-афанасьевского типа может служить *керамика*, своеобразие которой наиболее ярко проявляется в формах и приемах орнаментации. Коллекция сильно фрагментирована, немногочисленна, но достаточно репрезентативна. Она представлена 30 фрагментами лепной орнаментированной и 2 неорнаментированной керамики, из них 5 сосудов реконструировано. Среди обломков значительная часть принадлежит венчикам (несущим наибольшую информацию о форме и культурной принадлежности) и стенкам сосудов. Керамические емкости имеют признаки нескольких культур.

Группа I. Подавляющая часть фрагментов с орнаментом. Наиболее распространен рисунок, образованный горизонтальными рядами «елочки», заполненными косыми оттисками зубчатого или гладкого штампа. Формы посуды этой группы разнообразны. Есть фрагменты сосудов сферической круглодонной и реповидной формы и раздутым туловом; фрагменты горшка яйцевидных очертаний с острым дном. Интересны фрагменты толстостенной чаши-курильницы. На одной из них орнаментом украшена наружная поверхность и бортик изнутри. Керамика этой группы наиболее многочисленна, находит близкие аналогии по фактуре, формам и орнаменту в памятниках афанасьевской культуры Енисея.

Группа II. Посуда представлена фрагментами от двух сосудов: баночной формы округлодонный сосуд, вся поверхность которого покрыта глубокими беспорядочными штриховыми расчесами, выполненными зубчатым штампом, частично залощена; второй сосуд представлен фрагментами небольшого, орнаментированного, близкого к остродонному горшочку. Вся внешняя поверхность покрыта горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа в виде «елочки». Эти два сосуда по своим типологическим и технологическим признакам могут быть сопоставлены с позднеямными материалами памятников Приуралья и Нижнего Поволжья

Группа III представлена фрагментами венчика и стенки чернолощеной керамики от двух сосудов. Для придания сосуду гладкой поверхности нанесен двусторонний ангоб и тщательное лощение, однако, не до блеска. По общему облику описанная керамика обнаруживает ближайшее сходство с саразмской посудой второго периода.

Группа IV включает два фрагмента сероглиняной керамики от одного сосуда с оттисками зубчатого штампа. Орнаментирован расположенными вертикально, один над другим треугольниками, образованными косыми оттисками длинного, мелкозубчатого гребенчатого штампа. Описанная керамика по ряду признаков (форма сосуда, горизонтальные пояса в сочетании с вертикальным мотивом

геометрических фигур, зубчатый штамп, формовочная масса, режим обжига) может быть сопоставима с льяляканской керамикой кельтеминарской общности времени позднего неолита.

Оценивая керамику рассматриваемого памятника, следует признать, что в целом она выглядит не однородной (доминирует афанасьевская посуда), налицо присутствие древнеямной, саразмской и кельтеминарской керамических традиций. Обнаружение их в совместном залегании в закрытом комплексе позволяет допустить их хронологическое сосуществование. Все это придает специфическую окраску керамическому комплексу и отличает его от других памятников эпохи энеолита Центральной Азии.

К числу редких керамических находок не бытового назначения могут быть причислены две *глиняные поделки* с различными изображениями, использованные, вероятно, как предметы культового обихода. Одна из них представляет собой кружок правильной округлой формы, изготовленный из стенки тонкостенного сосуда. На одной из сторон тонкими линиями прочерчено изображение в виде креста. Вторая поделка характеризуется дисковидной формой с желобком, опоясывающим боковую внешнюю поверхность. Одна из плоских сторон диска украшена узором из концентрического круга, по краю которого идут насечки, в него вписано изображение напоминающее профиль жилища юртообразного типа с расходящимися от последнего троекратно четырьмя насечками, а под основанием – серповидно-лунный символ.

Большое место в ритуале занимали *каменные предметы*. Эта категория инвентаря преимущественно включает: наконечники стрел (4 экз.), шлифованные тесловидные топоры (2 экз.), песты (4 экз.), терочники (2 экз.), скребловидные орудия (5 экз.), микропластинки с ретушью и без (5 экз.), дисковидный предмет (1 экз.).

Самую выразительную серию среди каменных артефактов (64 экз.) составляют *бусы*, формы которых имеют выраженную культурную специфику. Они сделаны из поделочных камней (лазурит, бирюза, агат, сердолик и др.) и перламутровых створок раковины. Первые полностью аналогичны соответствующим

украшениям, хорошо известным в наборе некрополя Саразма, вторые типичны для степных памятников энеолитических культур синхронных Триполью А и VI. Таким образом, бусы дополняют круг находок (керамика и каменный инвентарь), связывающих Жуков с Саразмом.

В количественном отношении *коллекция из кости и металла* значительно уступает каменной. Что же касается костяных орудий, то они включают лишь обломок проколки, пронизки и игольник из трубчатой кости птицы. *Костяные изделия* представлены также украшениями (амулеты) из просверленных зубов животных – клык собаки, предкорневые зубы сурка и куницы. В числе костяных находок оказались овечьи астрагалы со сточенной боковой поверхностью и астрагал быка, покрытый ритмическими короткими неглубокими нарезками.

Из *металлических предметов* отметим: пронизки-обоймочки, пластинчатое кольцо и четырехгранное шильце с заостренным концом. Близкие параллели обоймочкам обнаруживаются как в древнеямном комплексе Приуралья, так и в афанасьевском могильнике Среднего Енисея. Изготовлены жуковские находки из «чистой» меди.

6.2. Генезис и культурная принадлежность

Сравнительный анализ разнопорядковых категорий артефактов обнаруживает, что находки довольно четко делятся на две группы: предметы, связанные происхождением с миром древних земледельцев Среднего Востока и комплекс находок, имеющий близкие аналогии преимущественно в материалах памятников степной Евразии. Факт совместного залегания разнокультурных артефактов не может, к сожалению, раскрыть нам причины и суть связей между населением двух культурных систем, оставившими эти изделия. Представляется, что многокомпонентность материальной культуры сакрального комплекса Жуков является следствием географического положения Зеравшана и его природных ресурсов. Богатый рудоносный район бассейна был своего рода

сырьевой базой, использовавшейся не только ближайшими инокультурными сообществами, но и достаточно отдаленными. Надежным индикатором передвижения и контактов служило такое техническое средство, как колесный транспорт, вызванный в жизни древнеямного общества потребностями в коммуникации.

Зеравшанский афанасьевско-ямный комплекс появился в регионе в сложившемся виде на рубеже IV-III тыс. до н.э. Культурная принадлежность «святилища» Жуков не поддается четкому определению в силу сложности образующих его компонентов.

Состав орудий и фауна памятника позволяют полагать, что население вело преимущественно пастушеский образ жизни с придомным содержанием скота, то есть они относятся к числу ранних скотоводов Зеравшана. Керамика состоит в основном из сосудов, которые представляют классические каноны афанасьевской культуры. Наблюдается близость с носителями минусинского варианта афанасьевской общности Южной Сибири. Вместе с тем, ритуальный комплекс характеризуется целым рядом неординарных признаков, не позволяющих однозначно рассматривать его только в рамках одной культуры. На процесс формирования Жуковского комплекса в значительной мере повлиял древнеямный импульс (керамика, охра, отдельные украшения, стела в центре ограды) и близкое соседство с носителями саразмской культуры. Материалы означенного памятника могут иллюстрировать как прибытие нового населения в Зеравшанский макрорайон, так и процесс перехода пастушеского населения к оседлому образу жизни. Они конкретизируют один из путей продвижения и определяют южную периферию раннескотоводческого мира Евразии. Жуковский феномен самым тесным образом может быть увязан с проблемой расселения древнеямных племен и с генезисом афанасьевской культуры. Открытие ямно-афанасьевских проявлений в Зеравшанской долине (присутствие которых в Средней Азии еще недавно представлялось маловероятным) демонстрируют их взаимоотношения и иллюстрируют картину взаимопроникновения культурных традиций, а также частичную синхронизацию общностей.

Зеравшанские материалы подтверждают вероятность миграции древнеямного населения через Среднюю Азию и тем самым являются еще одним аргументом в пользу миграционной теории происхождения афнасьевской культуры. Этнокультурная история рассматриваемого региона оказалась более динамичной, чем она представлялась до открытия святилища Жуков. Исследуемый поликультурный памятник определяет время становления пастушеского скотоводства в Средней Азии, входит в круг культур эпохи энеолита степной Евразии.

ГЛАВА II

Оседло-земледельческие культуры эпохи бронзы

На протяжении всей эпохи бронзы основную роль в истории и истории культуры древнего населения Средней Азии играло древнеземледельческое население огромной территории в пределах пояса подгорной полосы степей и пустынь. Племена юга Средней Азии составляли северную периферию раннеземледельческого общества древневосточной цивилизации Передней Азии. Они находились на более, высокой ступени развития культуры, чем их северные степные соседи. За время эпохи бронзы, развивая свое земледельческо-скотоводческое хозяйство, создали ряд самостоятельных, самобытных культур (алтынтепинская, сапаллинская, сумбарская и др.) и оказывали влияние на развитие культуры своих северных соседей. В конце эпохи бронзы наблюдается обратное явление, что приводит к появлению синкретических культур – чустская, бургулюкская, бишкентско-вахшская и другие¹.

Археологические материалы неолитической джейтунской культуры и анауской энеолитической культуры достаточно определенно рисуют сложную картину освоения древними обитателями юга Средней Азии и создания фундамента цивилизации.

Освоение речных долин и возникновение здесь древних очагов цивилизаций стало возможным благодаря коренному изменению в технической вооруженности человека, изменению в орудиях труда, происшедшему с наступлением века металлов. В эпоху бронзы, с середины III тыс. до н.э. на юге Средней Азии достаточно определенно начинают проявляться черты формирования городской цивилизации.

---

¹ В рамках учебника освещаются по существу только результаты исследования эпохи бронзы Средней Азии, а не сами исследования, проведенные археологами и опубликованные в монографиях, статьях и сообщениях. Поэтому при характеристике археологических культур мы будем описывать лишь ведущие комплексы. Изложение материала дается не по культурно-территориальному принципу (в рамках границ Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии), а в соответствии с границами древних Культурно-хозяйственных областей. Задача настоящего Учебника дать общее представление об основных вехах истории древних сообществ эпохи бронзы в Средней Азии.

Из археологически ощутимых признаков цивилизации особое значение исследователями придается следующей триаде: поселения с числом жителей более 5000 человек, монументальные культовые центры, письменность. Если рассматривать систему знаков, обнаруженных на разных предметах Алтын-депе, напоминающих протоэламскую и протошумерскую пиктографию, а также печати со знаками, близкими харапской письменности как свидетельства зарождения искусства письма, то в памятниках времени Намазга V юга Средней Азии следует видеть именно формирующуюся цивилизацию древневосточного типа. Это время становления протогородского организма. Г. Чайлд рассматривал «городскую революцию» как неотъемлемую составную часть становления цивилизации, так как древнейшие очаги городской жизни совпадали с очагами первичной государственности.

Мы знаем, что формирование города как определенного социально-экономического и социально-политического явления было процессом, достаточно растянутым во времени, что городу в таком его качестве должна была предшествовать некая форма относительно крупного поселения, которая может быть обозначена как «протогород». Протогорода возникали как центры сельскохозяйственной округи, из которых осуществлялось как хозяйственное, так и политическое руководство поселениями. С самого начала протогород выполнял и функции культового центра. Подобные ранние городские центры представляют собой археологические комплексы Намазга-депе, Алтын-депе, Сапаллитепа.

Памятники типа древневосточной цивилизации сейчас достаточно широко изучены в пределах периодов ранней, развитой и поздней бронзы исследуемого региона. Они находятся в пяти географически различных районах: 1 – в подгорной полосе Копетдага; 2 – в Мургабском оазисе; 3 – в долине р. Сумбар, западный Копетдаг; 4 – в подгорной равнине Кугитангтау на юге Узбекистана; 5 – в долине Зеравшана.

В изложении материала мы будем придерживаться указанных регионов, поскольку в целом они представляют самостоятельные археологические культуры.

Раздел 1

Культура Алтын-депе

К настоящему времени памятники культуры Алтын-депе представлены более 30 комплексами. Наиболее полно изучены следующие поселения: Намазга-депе, Ак-депе, Улуг-депе, Хапуз-депе, Алтын-депе, Южный холм Анау, Теккем-депе.

В результате возросшего количества материала были намечены хронологические и территориальные границы культуры и два локальных варианта: западный (Намазга-депе, Ак-депе и др.) и восточный (Алтын-депе, Хапуз-депе и др.). В памятниках западной группы особенно многочисленна серая керамика, в восточной — такая посуда единична, а расписная сохраняет следы воздействия энеолитических традиций керамики геоксюрского типа поры позднего энеолита.

Впервые керамика, относимая ныне к эпохе бронзы древних земледельцев Средней Азии, стала известна в ходе работ американской экспедиции Р. Пампелли в 1904 г. на Южном холме Анау. Мировую известность приобрели северный и южный холмы Анау, являющиеся остатками оседло-земледельческих поселений энеолита и бронзы. Они расположены у современного селения того же имени в 12 км к востоку от г. Ашхабада и представляют собой безжизненные серые холмы, поднимающиеся над окружающей равниной на 10 м, площадью около 2 га. Самое существенное достижение американской экспедиции было создание стратиграфической колонки, которая давала представление о последовательности культур, их развитии и смене. Эти комплексы, сменяющие друг друга во времени, получили названия Анау I и II – эпоха энеолита, Анау III – бронза, Анау IV – железо, хронологически укладываются в промежуток времени от V тыс. до н.э. до IV в. до н. э.. Стратиграфия Анау в течение нескольких десятилетий была ориентиром для всех,

изучавших древности Средней Азии. Но к середине нашего столетия она уже перестала удовлетворять исследователей, т. к. археологические комплексы Анау представляли собой небольшие, рядовые поселения древних земледельцев, не идущие ни в какое сравнение с такими крупными и богатыми в археологическом отношении памятниками, как Намазга-депе или Алтын-депе.

1.1. Краткая характеристика основных памятников

Намазга-депе остатки поселения (площадь около 70 га), поднимающиеся над окружающей равниной на 20 м, расположены в 7 км к западу от железнодорожной станции Каахка. Намазга открыта в 1916 г. Д. Д. Букиничем. Спустя более 30 лет, в 1949-1950 гг. Б. А. Литвинский предпринял первые стационарные раскопки на Намазга-депе. Но первая научная периодизация памятника была предпринята Б.А. Куфтиным, который произвел своей публикацией в 1956 г. подлинный переворот в представлениях о развитии культур древних земледельцев. «Главной задачей этих исследований – писал Б. А. Куфтин, – было установить с первого же года наших работ, в дополнение и взамен старой анауской, новую стратиграфическую колонку для всего подлежащего изучению периода жизни оседло-земледельческого поселения предгорной зоны Копетдага в эпоху энеолита и бронзы вплоть до становления классового общества». Стратиграфия Намазга, установленная Б. А. Куфтиным, является и по сей день (с некоторыми изменениями) руководящей для всей Средней Азии.

В. М. Массон считает, что Намазга-депе – столица древних земледельцев. Это крупнейшее поселение Средней Азии III-II тыс. до н.э. и одно из крупнейших на Ближнем Востоке.

Сложившееся как крупное поселение в пору позднего энеолита Намазга-депе сохраняло свое ведущее значение и в пору Намазга IV, V, VI. Мощность слоев времени Намазга IV – 4-7 м, Намазга V – 2,5 м. Судя по имеющимся находкам, была обжита вся территория памятника. На северной окраине был открыт участок массивной стены из сырцового кирпича. К сожалению, трудно пока судить об

общей планировке поселения как времени Намазга IV, так и Намазга V, так как раскопки А. Ф. Гонялина 1953-1957 гг. до сих пор не опубликованы. По исследованиям Б.А. Литвинского и Б.А. Куфтина можно отметить наличие многокомнатных домов, в которых жилые комнаты перемежались с хозяйственными помещениями, а сами дома отделялись друг от друга узкими улочками, недоступными по ширине для колесного транспорта. Вскрытые дома состояли из 9-12 комнат. Перекрытия были преимущественно плоскими. В стенах комнат делались ниши для посуды. Иногда в них располагались и печи.

К сожалению, многолетние археологические работы на Намазга-депе не дали выявить мощной цитадели или монументальных храмов, столь характерных для этого времени для протогородов Месопотамии и Элама. Вместе с тем уровень развития культуры и экономики обитателей Намазга не оставляет сомнений в возможности существования монументальной архитектуры. Строительство многокомнатных домов сохраняется и в период Намазга VI. Раскопки Л. И. Хлопиной на «Вышке» Намазга-депе² в планировочном отношении состоят из трех комплексов, обособленных улицами. Западный комплекс связан с керамическим производством, на что указывают остатки двух обжигательных горнов. Горны представляют собой двухъярусные сооружения, у которых сохранились топочные и, частично, обжигательные камеры, что позволило восстановить в общих чертах процесс обжига керамической продукции. Два остальных комплекса жилые. Погребальный обряд в пору Намазга IV и V остается почти таким же, что и в эпоху энеолита. Умерших сородичей хоронили на территории поселения. Младенцев хоронили под стенами и порогами жилых домов. Под полами домов в грунтовых ямах расчищены одиночные погребения. Скелеты располагались в скорченном положении и имели различную ориентацию. Погребальный инвентарь незначительный: по одному сосуду. В Намазга VI одиночные захоронения сохранились на заброшенных участках «Вышки». Сопровождающий инвентарь усопших более богат, чем в

---

² «Вышка» — это условное наименование самой высокой части поселения, его северо-западная окраина

предшествующий период.

Материалы исследования Намазга-депе установили непрерывную генетическую линию в эволюции культуры древних земледельцев от периода энеолита (Намазга I-III) через бронзу (Намазга IV-V) к периоду Яз-депе I (раннее железо).

Алтын-депе – второй по величине памятник древнеземледельческих обитателей юга Средней Азии. Расположен на подгорной равнине, в 5 км к югу от сел. Миана, представляет собой массив оплывших холмов высотой до 22 м. Общая толщина культурных наслоений превышает 30 м. Поселение основано не позднее периода Намазга I и в своих основных границах с площадью 26 га сложилось в период Намазга III. Впервые был исследован в 1929 г. А. А. Семеновым. Затем Алтын-депе неоднократно посещалось рядом ученых, хотя в большинстве своем результаты обследований не получили должного освещения. Начиная с 1965 г. Алтын-депе систематически исследует ЮТАКЭ АН и Каракумская экспедиция ЛОИА АН под руководством В. М. Массона. Проведенные раскопки позволили В. М. Массону составить сводную стратиграфическую колонку Алтын-депе и ввести ее в систему стратиграфии раннеземледельческих памятников юга Средней Азии. Стратиграфические соответствия наиболее ранних слоев содержат керамику типа Намазга I-III (энеолита), а поздних – Намазга IV-V. Уже в позднем энеолите (Намазга III), в конце IV – начале III тыс. до н.э., Алтын-депе представляет собой крупное поселение площадью 26 га. Оно продолжает расти в эпоху ранней бронзы (Намазга IV) и достигает расцвета в эпоху развитой бронзы (Намазга V). В ту же эпоху, во время позднего Намазга V, Алтын-депе оставлено его обитателями.

Многолетнее изучение Алтын-депе достаточно ярко рисуют картину его заселения в период ранней и развитой бронзы. Используя выгодное положение на высоком искусственном всхолмлении, порой с весьма крутыми склонами, древние строители обычно ограничивались сравнительно небольшими по объему работами: облицовывали склон сырцовым кирпичом и возводили обводные

стены, как правило, незначительной толщины (2 м), местами усиливая их башнями — контрфорсами. В истории развития оборонительных сооружений выявлены пять этапов, три из которых относятся к периоду ранней бронзы. Толщина обводной стены первого наиболее раннего этапа – около 3 м. На втором этапе происходит утолщение стены до 4,8 м, третий этап отражает время расцвета обводных сооружений. Стена достигает ширины в 6 м, вдоль въезда с востока и с запада построены два пилона (6,2x3 м). Пространство между пилонами (около 15 м) разделено стенами на узкий проход и три улицы: две пешеходные (1,5 м) и одна – для повозок (4-5 м).

На Алтын-депе был выработан ряд строительных приемов фортификации как особой отрасли строительного дела, начинает складываться определенный фортификационный канон, что, в частности, доказывается повторяющимися размерами прямоугольных в плане башен. Оформление въезда в город (или городских ворот) двумя башнями – весьма древний прием, типичный для восточной фортификации.

За стенами, укрепленными башнями, находились тесно расположенные строения. С целью исследования внутренней структуры поселка их раскопки производились на разных участках, предварительно изученных по данным микрорельефа и подъемного материала. Выделяются несколько типов строений: монументальные здания, дома индивидуального назначения и многокомнатные дома.

Первый тип представлен остатками древнего зиккурата, расположен в восточной части памятника. В истории его существования выявлены три периода. В первый период — небольшой холм со слоями времени Намазга IV, облицованный сверху сырцовыми кирпичами и превращенный в ступенчатое башнеобразное сооружение — зиккурат. По фасаду оно имеет длину 21 м, ширину 8-10 м и строго ориентировано по линии север-юг. В это время вторая ступень зиккурата с внешней стороны оформлена трехступенчатыми пилястрами. Декор фасада сохраняется и во второй период существования зиккурата. Это время расцвета

комплекса, когда высота всего здания достигает примерно 12 м. В третий период комплекс постепенно приходит в упадок, разрушаются отдельные его участки, сопровождаемые мелким ремонтом.

За фасадом зиккурата на уровне первого и второго строительных горизонтов было раскопано жилое здание, условно названное «домом жреца», с примыкающими к нему хозяйственными постройками. На уровне третьего строительного горизонта, соответствующего времени сооружения первого этапа зиккурата, был исследован погребальный храмовый комплекс, состоящий из пяти комнат, одна из которых служила святилищем. В святилище, в центре находился глинобитный очаг-подиум, прямоугольный в плане, с невысокими бортиками и овальным углублением в середине, перекрытый черепками толстостенного сосуда. Главное место занимал прямоугольный алтарь, сделанный из сырцового кирпича и перекрытый деревянным настилом, прослеженным по истлевшим остаткам. Наиболее интересные находки – наборная плакетка из серого и светлого камня с изображением полумесяца и креста рядом с двумя вертикальными полосами, голова волка и голова быка из золота. Обе они полые, литые с обработкой мелких деталей пунсоном и вставок из бирюзы. К святилищу примыкает почти пустое помещение с огромным очагом на полу, который рассматривается В. М. Массоном, как своего рода, хранилище очищающего огня, отделявшее святилище от собственно гробницы. Основная гробница — типичная коллективная усыпальница, хорошо известная в памятниках древних земледельцев юга Средней Азии, начиная с эпохи позднего энеолита, но в данном случае расположенная не обособленно, как в большинстве других случаев, а в системе архитектурного ансамбля. Здесь расчищены останки почти 40 человек, из них 15 женщин, 12 мужчин и трое детей, остальные останки не поддаются половозрастному определению.

Ступенчатая башня типа зиккурата, погребальный ансамбль с внутренним святилищем, остатки коллективных трапез — все это указывает на специфический характер данного археологического объекта. Проведенный анализ и многочисленные нм аналогии в

памятниках Месопотамии и др. регионов Древнего Востока позволили основному исследователю этого уникального археологического памятника определить как храмовый комплекс, посвященный лунному божеству, включавший в свой состав также и жилища некоторых лиц, видимо, особенно тесно связанных с осуществлением комплектом его функций. Такому определению способствует и монументальный, в масштабах Алтын-депе, характер открытой здесь архитектуры.

Второй тип построек на Алтын-депе представлен домами индивидуального назначения. Особое место здесь занимает отдельно расположенный дом в восточной части «вышки». В отличие от других жилых домов в Алтын-депе, все 6 помещений этого здания четко вписаны в прямоугольник размером 15x7,5 м, его общая площадь превышает 100 м². Он отличается правильностью планировки: почти все стены идут под прямым углом. Вход в дом осуществлялся с улицы шириной 1 м, проходящей вдоль восточного фасада. Улица вымощена обломками керамических сосудов, причем мощение неоднократно подновлялось. Помещения № 1-4 относились к числу жилых, они имели тщательную внутреннюю отделку, иногда оформлены стенными нишами. Два других помещения (№ 5-6), видимо, играли роль подсобных по отношению к жилым. В. М. Массон считает, что дом принадлежал знатному семейству на Алтын-депе, возможно, племенному вождю.

Дома индивидуального назначения хорошо изучены в восточном склоне холма, здесь раскопан целый жилой массив «квартала знати», показывающий картину объединения нескольких помещений в замкнутые комплексы. Дома в этом квартале отличаются четкостью планировки, тщательностью отделки (жилые помещения оштукатурены), стены двойной толщины (50-60 см). Каждая семья имела свой дом площадью 45-100 м², но строились дома и большего размера: раскопаны жилые здания площадью 150 м² и 180 м² – «дом с пилястрами», «дом с анфиладами».

Улицы в этом квартале прямые и по тем временам широкие – 2,5 м. Главная осевая магистральная улица по находке терракотовой

статуэтки, воспроизводящей человека-птицу, получила наименование «улица Имдугуд». Именно через нее осуществлялась транспортная связь домов «квартала знати» с остальной частью поселения. В домах «квартала знати» найдены бронзовые и серебряные печати, серебряные булавки, изящные терракотовые женские статуэтки. Располагавшиеся поблизости четыре коллективные гробницы отличаются обилием и разнообразием погребального инвентаря, погребальной и поминальной пищи. Все это подчеркивает особое положение и значительный уровень благосостояния обитавших здесь коллективов «высокого холма».

Третий тип строений на Алтын-депе представляет собой многокомнатные дома, раскопанные в северной части Алтын-депе, принадлежащие ремесленному кварталу гончаров. Дома состояли из 10 и более комнат, имеющих жилое и хозяйственное назначение общей площадью в среднем 27 м². Стены домов имели толщину в один кирпич (30 см). Планировка небрежная, качество помещений плохое. В одном из многокомнатных домов отмечено наличие домашнего святилища. Рядом с домами гончаров располагались и гончарные горны. Большинство из них двухъярусные, весьма современной конструкции. В погребениях этого комплекса (одиночных и коллективных) много безынвентарных.

К югу от производственного центра поселения, на более высоких всхолмлениях, недоступных дыму и копоти гончарных печей — располагались дома более состоятельных граждан. Улицы здесь были чуть шире, чем в ремесленном квартале (1,7-2,0), планировка более четкая, отделка помещений выполнена тщательнее. Многокомнатные дома — массивы разделялись сплошными стенами на ряд «квартир», каждая из которых состояла из двух-трех жилых комнат площадью 10-15 м². У каждой семьи имелся свой хозяйственный дворик с кухней и тандыром — площадь подсобных хозяйственных помещений — до 8,5 м².

Погребениям, обнаруженным на этом участке, свойствен сравнительно богатый и разнообразный инвентарь, встречающийся как в захоронениях взрослых, так и в некоторых могилах младенцев.

Уникальным по составу инвентаря является «погребение жрицы», в котором обыденные предметы, например, керамические сосуды, вообще отсутствуют, здесь обнаружены две женские терракотовые статуэтки, два золотых и один бронзовый перстни, около 100 бусин из полудрагоценных камней, а также печать в виде фантастического трехголового животного.

Историко-археологические, исследования архитектурных строителей Алтын-депе свидетельствуют о существовании нескольких социальных групп, различающихся и по роду занятий, и по имущественному положению, и по социальному статусу.

Результаты раскопок Алтын-депе показывают, что перед нами остатки большого и сложного организма, функционировавшего несколько тысячелетий тому назад в рамках середины V до начала II тыс. до н.э. Абсолютная хронология Алтын-депе, как и других древнеземледельческих комплексов Средней Азии, основывается на привязке к памятникам Ирана и Месопотамии. Наиболее надежной остается синхронизация среднеазиатских комплексов типа Намазга с иранскими комплексами типа Сиалк, Гиссар, Шахри-Сохт.

Гибель раннегородского центра бронзового века, чьи руины носят ныне название Алтын-депе, в свете новых археологических работ выступает не как катастрофическое явление, а как постепенный упадок, и запустение.

К памятникам протогородского типа, площадь которых достигает десятки гектаров, также относятся Улуг-депе и Хапуз-депе. *Поселение Улуг-депе* расположено в 4 км южнее железнодорожной станции Душак юго-восточной Туркмении. В плане это холм неправильной формы, высота его более 30 м, общая площадь – около 10 га. Памятник многослойный, слои эпохи бронзы почти полностью перекрыты культурными отложениями поздних времен. В 1967 г. В. И. Сарияниди провел здесь первые раскопки, где было изучено 4 строительных горизонта. Стратиграфическая колонка, составленная на основе изучения керамики из пяти раскопов, отражает последовательное развитие материальной культуры конца IV – середины II тыс. до н.э., т. е. здесь представлены материалы типа

Намазга IV-VI. Исследование в 1970 г. И. Масимовым 10 керамических печей двухъярусной конструкции подтвердили эту стратиграфию.

Раскопки на поселении Улуг-депе показали, что никаких свидетельств о наличии обводных или оборонительных стен нет (правда, комплекс исследован не полностью). Планировка этого памятника в основном состоит из жилых и хозяйственных помещений. Их архитектура во многом носит следы однообразия, включая приемы и методы строительства. Здесь прослежена прямая улица, по обе стороны которой располагаются два обособленных жилых комплекса, состоящих из жилых домов и хозяйственных помещений. Характерно, что на протяжении двух строительных горизонтов сохраняются направление улицы и сам принцип застройки взаимосвязанных между собой групп помещений. Работы на памятнике показали, что из десяти керамических печей шесть расположены в западной части холма. По мнению Масимова И., именно в этой части холма существовал квартал гончаров. В строительных комплексах рубежа III-II тыс. до н. э. обнаружены как индивидуальные, так и коллективные захоронения. Если в эпоху ранней и развитой бронзы, Улуг-депе представляло собой огромное поселение, то в середине II тыс. до н. э. (Намазга VI) размеры его сократились. Основное население концентрируется в его восточной части, подобное наблюдается и в Намазга-депе, где население концентрируется на так называемой «вышке» этого холма.

Хануз-депе – поселение расположено на правом берегу р. Теджен в юго-восточных Каракумах, к югу от Геоксюрского оазиса. Поселение занимает около 10 га, в плане имеет подчетырехугольную форму. Поверхность его довольно ровная, исключая южную, более возвышенную часть, высотой около 7 м. С 1962 г. поселение исследовалось В. И. Сарианиди. Время наибольшего его обживания III тыс. до н. э., слои времени Намазга IV достигают почти 6 м. В конце Намазга V размеры поселения сокращаются в несколько раз. Исследователи связывают это с прогрессирующим обмелением протока Теджена, орошавшего его окрестности. Раскопками вскрыт

участок многокомнатного дома. Он представляет собой 10 взаимосвязанных между собой помещений, составляющих вместе часть единого жилого комплекса. Обширные помещения с округлыми, углубленными в пол очагами, определяются как жилые. Маленькие кухоньки имеют аналогичные очаги, устроенные в одном из углов. В системе вскрытого комплекса выделяется одно прямоугольное помещение с двумя глинобитными «подиумами», расположенными в середине стен один против другого. В. И. Сарияниди считает, что это помещение может быть домашним святилищем. Планировка многокомнатного дома напоминает застройку поселений эпохи позднего энеолита. На поселении обнаружены остатки двух медеплавильных горнов, раскопана Небольшая керамическая печь круглой формы. Исследованы две погребальные камеры для коллективных захоронений, в одной из них встречены обожженные фрагменты черепа. Здесь обнаружены и индивидуальные захоронения в кирпичной цисте и в хумах.

Археологические раскопки на Хапуз-депе указывают на его хронологическую и культурно-историческую преемственность с соответствующими наиболее поздними энеолитическими памятниками Геоксюрского оазиса. Хапуз-депе было тем поселением, куда переместилась часть жителей Геоксюрского оазиса после окончательного обмеления орошавших его протоков древнетедженской дельты. Новый поселок возник к югу от оазиса на берегу сравнительно крупного русла.

В рассматриваемой культуре наряду с крупными поселениями протогородского типа имеются памятники небольшие, площадью около 0,5-2 га. К ним относятся Ак-депе, Анау, Шор-депе, Коша-депе, Теккем-депе, Тайчанак-депе и др. Сложение двух характерных типов поселений знаменует собой дальнейшие качественные сдвиги в местном обществе с эпохи ранней бронзы. Новейшие исследования дают основание предполагать, что ряд мелких поселений сельского типа заново складывается именно на поздних этапах периода Намазга IV. Появляются новые оазисы в районе ст. Артык Баба-Дурмаз. Все эти поселки содержат в самых нижних слоях лежащих непос-

редственно на материковых отложениях, материал времени позднего Намазга IV. Хотя конкретные причины подобного расселения еще во многом не ясны, нет оснований допускать приход каких-то новых племен извне. В. И. Сарияниди полагает, что это (процесс расселения) было вызвано демографическим взрывом населения крупных поселений типа Намазга-депе, где, видимо, к этому времени, земледельческая база уже не удовлетворяла насущных потребностей сильно возросшего народонаселения.

Ак-депе – небольшое поселение под Ашхабадом, расположенное на высоком холме, образованном остатками построек более раннего времени площадью 0,5 га. Первые раскопки произвел А. А. Марущепко в 1939 г. По этим материалам он выделил раннюю стадию культуры Анау III (период ранней бронзы), названную шестой или актепинской стадией анауской культуры. В самом верхнем слое расчищено 12 комнат, имевших, суди по находкам, разное назначение. Выделяются жилые и хозяйственные помещения. Пол и стены некоторых помещений были оштукатурены алебастром. Ниже этого верхнего дома располагались последовательно остатки четырех других зданий, относящихся к слоям времени Намазга IV, общая мощность которых достигает 7 м. Отмечаются хозяйственные помещения – хранилища со стоящими в них крупными сосудами.

Гора-депе расположено в 5 км к северо-западу от ст. Коушут, в 20 км к северу от железнодорожной линии Ашхабад-Ташкент. Это высокий (17,5 м) почти круглой формы холм площадью около 4-5 га. Холм был обследован в 1952 г. Б. А. Куфтиным и известен в литературе как Кара-депе у Коушута. Собранный подъемный материал свидетельствовал, что Гора-депе было заселено со времени Намазга I и жизнь на нем продолжалась в течении длительного времени – до Намазга IV. В 1967 г. А.Я. Щетенко вновь обследовал поселение и провел несколько шурфов с целью выяснения стратиграфии памятника. Удалось проследить планировку верхнего строительного комплекса. Ряд помещений, вероятно, из единого многокомнатного массива, тянется с северо-запада на юго-восток. Как внешние, так и внутренние стены строений толщиной 40-50 см

выполнены из сырцового кирпича. Первые три смежные прямоугольные комнаты имеют одинаковые размеры (3x1,5 м) и соединяются через коридор (1,5x5 м) с большим помещением (5x6 м). Кроме керамики, при раскопках обнаружены кости животных, главным образом домашних. Материалы Гора-депе находят себе параллели в комплексах времени Намазга III-IV.

Шор-депе – поселение расположено в 5 км к северо-востоку от станции Баба-Дурмаз. Это невысокий (5 м) овальной формы холм, площадью около 3 га. Впервые был открыт и обследован в 1935 г. А. А. Марущенко. В 1958-1959 гг. на нем проводил раскопки А. Р. Гонялин. С 1967-1969 гг. здесь проводил раскопки А.Я. Щетенко. Первое заселение холма относится ко времени позднего Намазга IV. В период раннего Намазга V поселение было покинуто. Здесь было выявлено 8 строительных периодов. Остатки архитектуры вскрыты на уровне трех строительных горизонтов, мало отличающихся друг от друга. На всей площади выявлена четкая планировка. Она делится на два самостоятельных комплекса. Первый состоит из трех основных жилых помещений и смежных строений хозяйственного назначения. Второй комплекс отделен от первого улицей (2 м ширины) и ограничен с юга дворами. Здесь выделяются тщательностью отделки (толстый слой штукатурки со следами черной краски) и размерами четыре помещения, к которым примыкают несколько хозяйственных построек. Интересен горн двухъярусной конструкции, расчищенный во дворе к югу от улицы. Под полами и стенами помещений исследованы погребения без инвентаря, в подавляющем большинстве это детские могилы. Весь материал Шор-депе демонстрирует постепенную эволюцию одной и той же культуры, ранние этапы которой могут быть отнесены ко времени Намазга IV, а верхние к Намазга V.

Тайчанак-депе – поселение расположено в 5 км к западу от ст. Артык. Это невысокий холм овальной формы высотой 7,3 м, общей площадью около 2 га. Первые раскопки были проведены А. А. Марущенко. В 1964-1968 гг. поселение исследовано А. Я. Щетенко. Исследован верхний строительный комплекс времени раннего

Намазга V. Раскопано 20 помещений, которые образуют три самостоятельных комплекса. Два из них жилые помещения с дверными проемами отделены от третьего – хозяйственного – улицей двухметровой ширины. В толстых длинных стенах отдельных помещений были специально устроены полукруглые ниши (всего четыре), в которые помещались сосуды для хранения зерна (13 экз. хумов). Стены помещений внутри покрывались толстым слоем штукатурки. Слои времени Намазга IV не изучались. Планировка Тайчанак-депе во многом сходна с архитектурой Шор-депе.

Коша-депе – поселение находится в 2 км к северу от дороги Ашхабад-Теджен и в 4 км к северо-западу от станции Баба-Дурмаз Каахкинского района. Был открыт в 1935 г. А. А. Марущенко. В 1968 г. И.С. Масимовым здесь был заложен стратиграфический шурф. Установлено, что поселение существовало в пору Намазга IV и V, последний перекрыт ахеменидскими слоями. Таким образом, вместе с небольшими поселениями Тайчанак-депе, Шор-депе, оно образует как бы небольшой оазис эпохи бронзы, расположенный между современными станциями Артык – Баба-Дурмаз. Облик материальной культуры этих поселений в основных чертах схож и очень напоминает крупные центры – Алтын-депе и Намазга-депе, которые, как мы отмечали выше, отличаются от них большими размерами. Поскольку на всех этих поселениях верхний слой относится ко времени ранней Намазга V, то можно предположить, что все эти сельские поселения были оставлены одновременно. Возможно, что люди, покинувшие их из-за пересыхания водоемов, переселились на Намазга-депе, где именно ко времени развитой бронзы (Намазга V) относится расцвет этого протогородского центра.

В эпоху поздней бронзы в подгорной полосе Копетдага вновь возникают небольшие поселки общей площадью до 2 га — южный холм Анау Елькен-депе, Теккем-депе, Гриша-депе и др. Особого внимания заслуживает Теккем-депе — холм неправильной расплывчатой формы площадью около 2 га. Наибольшая высота – 5,8 м. Поселение расположено в 2 км южнее Намазга-депе, в 6 км северо-западнее ст. Каахка, справа от шоссе на Арабкала. Первые раскопки

(140 м²) на Теккем-депе провел А.Ф. Гонялин. С 1970 по настоящее время ведет большие исследования А.Я. Щетенко. Результаты позволили установить, что Теккем-депе имел 4-5 строительных периодов и два этапа запустения. Были заложены два раскопа: I — у южного холма, II — на северном краю поселения.

Строения первого периода были возведены на специально сооруженной глинобитной платформе. Платформа возведена на остатках прямоугольных помещений, перекрытых глинистыми прослойками с включением золы. Постройки второго периода воздвигнуты непосредственно над остатками второго. Здесь раскопаны помещения, образующие единый массив. Стены комнат выполнены из кирпича в два ряда и обмазаны толстым слоем штукатурки. В третьем периоде раскопаны помещения, аналогичные строениям второго периода и 4 горна, один из которых имел прямоугольную форму и две камеры – топочную и обжигательную.

Все четыре строительных периода с остатками древних сооружений имеют одинаковую гончарную посуду, относимую ко времени Намазга VI. Следует отметить, что исключение составляет последний период, где в верхнем слое встречается степная керамика с типичным нарезным орнаментом. В этом же слое обнаружена коллекция литейных форм (5 экз.) из песчаника и других пород камня, а также крышки для этих форм и глиняный тигель. Это первое материальное свидетельство развитой металлургии бронзы, найденное на поселениях подгорной полосы.

Автор раскопа датирует весь комплекс Теккем-депе временем Намазга VI, причем ранний этап представлен слоями раннего Намазга VI (обводная стена, башни), поздний — гончарной печью и могильником. По аналогии с материалом Ирана (Тюренг-депе III C1 и Гиссар III C) ранний этап может быть датирован началом II тыс. до н. э.

Гриша-депе – невысокий холм высотой 1,3 м, площадью около 0,5 га овальной формы, открытый Щетенко А.Я. в 1975 г., расположен в 1 км к югу от поселения Теккем-депе. Выявлены два строительных периода с остатками древних сооружений. К нижнему

относится прямоугольный двор (11x5,5), в который с юга и востока ведут дверные проемы трех помещений. В юго-западном углу двора расчищены семь мелких прямоугольных отделений, выложенных кирпичом, где сохранились донца крупных хумов. В северной стене есть проход, ведущий к более позднему комплексу, который протянулся к северу на 25 м и состоит из 17 узких (0,7-1 м) и коротких (4-4,2 м) помещений, замкнутых с запада единой стеной, к ней на севере под прямым углом примыкают еще четыре таких же помещения. Во время существования комплекса с параллельными стенами двор был забутован, дверные проемы заложены и южная часть раскопа представляла собой массивную платформу с гончарной печью и двумя узкими (ширина 2 и 2,7 м) помещениями. Между дворами и северным комплексом вскрыт глинобитный желоб шириной 1 м, перекрывающий остатки бронзолитейной ямы с фрагментами тиглей, покрытых окислами.

Необычный характер планировки Гриша-депе, набор керамических форм и других изделий указывают на производственный характер этого поселения, существовавшего в окрестностях Намазга-депе в эпоху бронзы II тыс. до н.э. (Щетенко, 1987, с. 610).

После краткого обзора основных археологических комплексов культуры Алтын-депе дается общая характеристика *материальной культуры* по эпохам ранней, развитой и поздней бронзы.

1.2. Поселения периода ранней бронзы

Размеры поселений в эпоху ранней бронзы по площади разделяются на три группы: мелкие площадью до 1 га (Ак-депе); средние – 2-10 га (Тайчанак-депе, Шор-депе, Хапуз-депе, Улуг-депе и др.) и крупные – более 25 га (Алтын-депе, Намазга-депе). Внутренняя структура поселений периода ранней бронзы изучена еще недостаточно. Участки крупных поселений были окружены обводными стенами. Так, на Алтын-депе выявлен монументально оформленный въезд на поселение. Внутренняя застройка на Алтын-депе была организована сетью пешеходных улиц. Улицы и

незастроенные участки разделяли отдельные кварталы. Полностью исследованный квартал на южном холме поселения, как мы знаем, состоял из шести комплексов, четыре из которых были жилыми, один – хозяйственным и один – производственным и, погребальным. Весь квартал имел один общий двор и одно большое помещение – святилище. В период ранней бронзы, помимо таких кварталов из блоков, появились кварталы, состоявшие из пристроенных друг к другу домов. Каждый дом квартала имел свой двор. И в квартале из блоков, и в квартале из отдельных домов имелось одно жилище, которое отмечалось особенно правильной планировкой, отделкой и деталями – нишами и очагами-подиумами. Такие дома или блоки определены как жилища лиц, выполнявших культовые функции.

В памятниках ранней бронзы представлены *захоронения* трех типов:

1) безынвентарные индивидуальные захоронения младенцев в ямах, в культурном слое, в основном под порогом, под окнами домов;

2) индивидуальные захоронения взрослых и подростков в ямах. Скелеты лежат преимущественно головой на север или северо-восток, на правом боку, в скорченном положении. Захоронения иногда сопровождаются сосудами с заупокойной пищей;

3) последовательные коллективные захоронения (от 2 до 14 человек) в погребальных камерах из сырцового кирпича. Захоронения сопровождались погребальной пищей в сосудах, светильниками и личными украшениями.

Мы знаем, что хронологическое разделение комплексов эпохи бронзы, в основном, базируется на орнаменте и форме *керамики*.

Корреляция признаков орнаментов и стратиграфии поселений позволила Л.Б. Кирчо выделить три хронологических этапа развития керамики времени ранней бронзы и два локальных варианта: западное – памятники типа Намазга-депе и восточное – памятники типа Алтын-депе. Период ранней бронзы на памятниках типа Намазга-депе и Алтын-депе начинается с появления гончарного круга. Заканчивается этот период тогда, когда массовое освоение гончарного круга и появление высокопроизводительных

двухъярусных горнов привело к переходу гончарного производства на качественно новую ступень и исчезновение росписи сосудов.

Расписная посуда этого времени преимущественно монохромная, орнаменты отличаются мелкими узорами, из которых состоят фризы. Наиболее распространенными становятся геометрические рисунки, былые (энеолитические) зооморфные сюжеты практически исчезают.

Среди керамики этого времени можно выделить три группы посуды: расписную, нерасписную и серую. Последняя более распространена в западной области обитания местных племен.

Для раннего этапа развития орнаментации керамики восточных памятников (Алтын-депе, Хапуз-депе, Улуг-депе и др.) характерны бордюры и сетки восемнадцати видов. Все орнаменты образованы из четырех элементов, представляющих собой бордюры и сетки из равнобедренных треугольников, прямоугольных треугольников и бахромой, широко распространены сильно геометризованные растительные мотивы.

На раннем этапе развития орнаментации керамики западных памятников (Намазга-депе, Ак-депе, Шор-депе и др.) выявляется большое разнообразие элементов орнаментов и видов композиций (элементы в виде небрежно исполненных бордюров и сеток из полуovalов).

Орнаменты позднего этапа керамики памятников типа Намазга-депе отличаются от орнаментов керамики Алтын-депе по следующим признакам: 1) по стилю изображений элементов в виде бордюров и полуovalов и изображений деревьев; 2) по наличию орнаментов в нижней части сосудов у дна или на ножке; 3) по изредка встречающимся зооморфным мотивам.

Выделение этапов развития орнаментации частично подтверждается и анализом появления форм сосудов. По форме можно выделить только два этапа: для раннего этапа характерно изготовление сосудов вручную с подправкой на круге и соответственно простые формы сосудов и их венчиков – конические, полусферические и усеченносферические чаши, цилиндрические и биконические кубки и миски, миски с вогнутыми стенками верхней

части и утолщением в месте перегиба. На позднем этапе сосуды полностью изготавливали на гончарном круге. Характерно преобладание высоких кубков и мисок с валикообразными и молоточкообразными венчиками. Для последних фаз развития форм сосудов периода ранней бронзы характерно появление кубков — горшков и очень высоких кубков на ножках и поддонах — переходных к формам сосудов времени Намазга V. Использование гончарного круга и обжиг сосудов в печах сложной конструкции не оставляет сомнений в том, что в это время уже появляются профессиональные гончары, специализировавшиеся на изготовлении керамической продукции.

Орудия и оружия представлены из камня, глины и металла. В эпоху ранней бронзы все так же широко используется кремень для изготовления бесчеренковых листовидных наконечников стрел, различные массивные каменные орудия галечного типа (Шор-депе), зернотерки, песты, ступки, скребки для обработки шкур. Сравнительно малочисленные металлические изделия известны из Алтын-депе, Хапуз-депе, Кош-депе — это иголки с ушком, зубила, пробойники, шилья, рыболовные крючки, двулезвийные ножи. Все они изготовлены из меди. С металлургией связаны глиняные ложки, льячики, которые обнаружены на Хапуз-депе, Коша-депе, Тайчанак-депе. Из глины известны и пряслица.

Украшение и предметы туалета. В это время большого развития достигает камнерезное искусство, что хорошо видно по искусно выточенным каменным печатям — пуговицам, фигурным бусам и подвескам. Известные терракотовые печати, вырезанные крестовидными мотивами ближе к печатям периода Намазга V. Среди металлических изделий отмечают стержни с утолщением на одном конце и разнообразным завершением на другом — это булавки с бипирамидальными навершиями в виде лопаточек. Появляются в конце Намазга IV и единичные булавки, украшенные разными фигурными навершиями в виде ступенчатых пирамидок и крестовидных фигур. Последние копируют орнаменты расписной

посуды, что свидетельствует об использовании глубоко местных мотивов в области развития художественного металла.

Терракотовые антропоморфные статуэтки представлены на памятниках времени Намазга IV фигурами четырех иконографических типов: 1) сидящие миниатюрные женские статуэтки без рук и груди; 2) массивные сидящие статуэтки с прямыми ногами, головки украшены прическами из трех кос, на подквадратных плечах имеются налепы, руки опущены вниз, а иногда согнуты и находятся под грудью; 3) стоящие мужские статуэтки; 4) фишки на цилиндрическом основании без голов и признаков пола, имеющие только изображения рук (Кирчо, 1980, с. 17). В целом антропоморфные статуэтки обнаруживают единый стиль иконографии, рисуют картину преемственности (все эти типы статуэток хорошо известны в памятниках позднего энеолита) в этой области древнего искусства. Особняком в этой скульптурной галерее стоят женские сероглиняные фигурки с Ак-депе, Анау и Гора-депе, которые находят аналогии с фигурками из Тюринг-тепе.

Зооморфная короoplastика в массе представлена условно, вылепленными фигурками животных (собак, мелкий и крупный рогатый скот), на этом фоне резко выделяются единичные изображения верблюдов. Их чрезвычайная ценность определяется тем, что они принадлежат к терракотовым моделям повозок, в переднюю часть которых вмазывались такие головки верблюдов на длинной шее. Это документальное свидетельство использования тягловой силы, что имело огромное значение в истории развития домашнего скотоводства, хозяйства вообще.

Анализ археологического материала памятников ранней бронзы позволяет представить культурно-историческое развитие оседло-земледельческих племен Средней Азии. Ограниченный характер имеющихся материалов дает нам самую общую характеристику *хозяйства* периода ранней бронзы. Сосредоточение крупных массивов населения и, как следствие, появление поселений площадью более 10 га могло осуществляться лишь при развитой системе поливного земледелия. Вокруг Хапуз-депе исследованы

значительные по площади обрабатываемые земли. Орошение их осуществлялось напуском паводковых вод и было одноразовым. Вода на полях задерживалась специальными валиками. В каждом доме найдены многочисленные орудия для измельчения зерна. На поселениях найдены зерна пшеницы, ячменя и косточки винограда. В составе стада домашних животных при преобладании мелкого рогатого скота, имелось значительное количество крупного рогатого скота. Помощниками пастухов были крупные собаки типа кавказской овчарки. Охотились в основном на кулана и джейрана.

Формирование трех типов поселений, из которых поселки протогородского облика состояли из многокомнатных домов, своеобразие кварталов, строительство монументальных сооружений, употребление специальных печатен, внедрение вращающегося инструмента для формовки гончарных и каменных изделий, двухъярусные гончарные и медеплавильные горны, вынесенные на специальные участки поселений – все это свидетельствует, что период ранней бронзы на юге Средней Азии является этапом формирования и распространения технических и технологических достижений. Именно эти достижения и составили экономическую основу раннегородской цивилизации эпохи развитой бронзы.

1.3. Поселения эпохи развитой бронзы

Комплексы типа Намазга V расположены в подгорной полосе Копетдага. Это холмы расплывчатой формы, имеющие небольшую высоту площадью 2-5 га (Тайчанак-депе, Коша-депе, Шор-депе); до 10 га (Улуг-депе, Хапуз-депе) и крупные поселения (Намазга-депе, Алтын-депе). Именно тщательное изучение поселения Алтын-депе позволило достаточно разносторонне охарактеризовать культуру периода развитой бронзы, приближающуюся по уровню развития к древневосточным цивилизациям.

Алтын-депе периода Намазга V поражает не столько уникальными находками тех или иных предметов материальной культуры, сколько своей планировкой, своей архитектурой и структурой. В эпоху расцвета Алтын-депе занимал площадь 46 га и в

нем насчитывалось примерно 5 тыс. жителей, это был очень крупный для того времени центр. О структуре поселка и монументальной архитектуре мы писали выше. При описании общей характеристики памятника следует подчеркнуть, что выделяются несколько типов строений (квартал знати, культовый комплекс, квартал состоятельных горожан, квартал ремесленников), каждый из которых резко отличается от других и планировкой, и архитектурой, и предметами материальной культуры. Это находит отражение и в материалах погребений, и в методах погребального обряда. Здесь представлены четыре типа *захоронений*:

1) безынвентарные захоронения младенцев до 2 лет под полом в пределах хозяйственно-жилого комплекса;

2) одиночные захоронения подростков в культурном слое в больших глиняных сосудах;

3) индивидуальные одиночные, скорченные захоронения взрослых с преимущественной ориентацией в направлении ССВ, с богатым инвентарем;

4) семейные усыпальницы (прямоугольные гробницы из сырцового кирпича) или коллективные мавзолеи (в одном случае 14 человек, в другом 38 человек). Захоронения сопровождалась молочной и мясной нищей в сосудах, личными украшениями, женскими статуэтками.

Погребальный инвентарь определяет социальный статус погребенного. По планировке жилищ и материалам погребений выделяются три социальные группы населения, различающиеся степенью благосостояния. Первые представляют собой верхушку общества, которые имеют крупные обособленные строения с четкой планировкой и обширным хозяйственным двором. К ним могут быть причислены, упоминавшиеся выше «дом вождя» и «дом жреца». В погребениях знати и жрецов инвентарь особенно богат — именно там найдены ценные художественные изделия Алтына. Вторая группа — это жители, владевшие индивидуальными домами из 4-6 комнат, однако не имеющие столь четкой планировки дома, но с наличием небольшого двора. В погребениях этой группы (условно —

состоятельные горожане) встречаются личные украшения, печати и сосуды. Третья группа представлена жителями многоквартирных домов, плотно пристроенных друг к другу и, как правило, располагавшихся на окраинах поселений (квартал керамистов). В захоронениях ремесленников нет ни украшений, ни терракотовых статуэток – только известны сосуды от 2 до 5 экземпляров.

Намечаются некоторые различия между обитателями домов трех групп и по питанию мясом. В квартале ремесленников среди костей животных преобладают кости куланов и джейранов; состоятельных горожан – овец и коз; знати – ягнят. Все это свидетельствует о том, что на Алтын-депе существовало несколько социальных групп, различающихся и по роду занятий, и по имущественному положению, и по социальному статусу.

Керамика времени Намазга V, лишь за небольшим исключением, вся формируется на круге, что свидетельствует о повсеместном его применении в производстве. Начало комплекса типа Намазга V определяется со времени исчезновения расписной посуды, а конец характеризуется появлением серой и красноангобириванной посуды, относящейся к комплексу типа Намазга VI.

Комплексы керамики типа Намазга V сейчас известны во многих поселках, расположенных главным образом в подгорной полосе Копетдага. Посуда поры Намазга V отличается от изделий предшествующего времени и по форме, и по характеру поверхности. Характер этих отличий свидетельствует, что они были связаны со значительными изменениями в технике изготовления сосудов. При этом по характеру продукции керамического производства этого времени выделяется два крупных центра: Алтын-депе на востоке и Намазга-депе в центральной части прикопетдагской равнины.

На первом из этих памятников, поселении Алтын-депе, на ранних фазах керамики времени развитой бронзы Намазга V преобладают изделия вытянутых пропорций преимущественно биконические сосуды, причем эта особенность подтверждается как стратиграфическими данными, так и наличием в этом комплексе расписных сосудов типа позднего Намазга IV. Из числа изделий

вытянутых пропорций на Алтын-депе были распространены так называемые «вазы для цветов», у которых высокое и вместе с тем узкое прямое горло, переходящее на покатыстые плечики тулова сосудов, суживающиеся к нижней части. Нередко эти изделия имеют и островыступающие ребра посередине тулова, оканчивающегося плоским дном. На поселении представлены кувшины двух форм. Первая имеет шаровидное тулово с невысоким и узким горлом. Вторая форма кувшинов имеет высокие широкие горла и вытянутые тулова. В последующем на поселении в значительном количестве появляются чаши, горшки, миски, бокалы, кубки. Парадным изделием на Алтын-депе были вазы на высокой ножке, нередко с гофрированным или опоясывающим валиком. Специфической формой керамики поры развитой бронзы следует считать бокалы, представляющие собой конические сосуды с плоским дном. В единичных экземплярах встречены «чайники» (характеризуются, как правило, наличием носиков высотой до 5 см), роликовидные и стаканообразные сосуды, а также графины. В комплексах позднего Намазга V количество сосудов вытянутых форм резко сокращается, больше становится чаш и мисок. Много тагор, котлов, сковород. Тогда же появляются и круглые керамические подставки, нередко с прочерченным орнаментом. Набор форм сосудов, находимых при раскопках жилых и хозяйственных строений различается. Так, в погребениях, особенно коллективных, сравнительно редки вазы и вообще сосуды на ножках, наиболее частая находка – горшковидные и биконические сосуды.

По сравнению с Алтын-депе комплексы керамики типа Намазга V на поселении Намазга-депе мало изучены. Наиболее разнообразна посуда столового назначения. Из этого числа обращают на себя внимание сосуды на тонких ножках, напоминающие по форме фужер. Не менее изящной выделки и вазообразные сосуды на высоких профилированных ножках с коническим основанием, полым внутри. Многочисленными экземплярами на Намазга-депе представлены сосуды, именуемые «чайниками», на Алтын-депе они встречены в единичных экземплярах, причем в отличие от намазгинских, все без

горловины. Известно много и цилиндрических сосудов, почти отсутствующих на Алтын-депе. Это высокие трубчатые изделия с плоским дном. Иногда корпус сосуда слегка суживается кверху. Как правило, по тулову цилиндрических сосудов, причем на различных его участках, нанесено до 10 и более горизонтальных линий. На Намазга-депе в большом количестве встречаются кувшины, которые имеют самые различные размеры, от миниатюрных до достаточно крупных образцов. Кувшины имеют плоские донцы и высокое расширяющееся наружу горло. Встречаются кувшины и со сливом. Многочисленны на Намазга-депе бокалы, чаши, миски, розетки. Последние характерны наличием 2-3 выступающих линий по наружной стороне стенок.

Из хозяйственных сосудов можно отметить такие формы изделий, как тагора, хумча и хумы, в большей степени используемые для хранения продуктов или их транспортировки. К числу хозяйственных относятся также котлы, сковороды. Список хозяйственных сосудов завершают несколько фрагментов крышек, представляющих собой плоские керамические диски с ручкой.

В комплексах керамики типа Намазга V есть и редкие формы изделий. К их числу относятся несколько двойных и тройных сосудов, прикрепленных друг к другу. Редкими являются и несколько фрагментов художественной керамики. Следует отметить и находки так называемых культовых сосудов – реликвариев, представляющих собой прямоугольную коробочку, стенки которой снаружи украшены нередко сквозными фигурами крестов, полукрестов и пирамидками.

Большое значение для характеристики гончарного производства (периода Намазга V) и его организации имеют раскопки квартала гончаров Алтын-депе на площади 2 га, для которого характерна плотная застройка многокомнатных домов с жилыми и хозяйственными помещениями. Помимо остатков строений на квартале были вскрыты и керамические печи – 18, сконцентрированные в его северо-западном углу.

Квартал керамистов не случайно занимал столь большую площадь. Судя по всему, производство посуды достигло громадных

размеров, как отмечает Э.В. Сайко, одна обжигательная печь могла давать в год 16-20 тыс. изделий. Это стало возможным с появлением двухъярусных горнов с отдельными камерами для обжига посуды и растопки топлива, расположенными друг над другом с устойчивым режимом обжига при температуре 1000-1200°. Все это способствовало тому, что посуды стало производиться намного больше, чем потребности алтынцев, начинает складываться товарное производство, работа на заказ.

Орудия и оружия. В период развитой бронзы широко распространяются в быту и хозяйстве металлические изделия. Характерны для этого времени широколезвийные, плоские кинжалы, однолезвийные ножи с выделенной рукоятью, двулезвийные ножи с небольшим черешком для посадки рукояти, серпы, наконечники стрел и дротиков листовидной формы с линзовидным сечением. Кроме того по раскопкам Намазга-депе, Алтын-депе, Тайчанак-депе выделяются рубящие и прокалывающие орудия: – топор-тесло, тесло с цапфами, зубила, долота, пробойники, иглы с ушком, шилья. Каменные зернотерки, ступки и пестики остаются, как и в период ранней бронзы, неизменными атрибутами древних земледельцев. К каменным орудиям следует отнести кремневые наконечники, служившие сверлами, шпатель для заглаживания керамики, образивы и отбойные инструменты для подправки режущего края металлических орудий. Из глины продолжают бытовать керамические пряслицы конической формы.

Украшения и мелкие подделки. В период Намазга V материалом для изготовления украшений служили камень, паста, глина, металл. Они, в основном, встречаются в погребальных комплексах и кладах. Таковы зеркала (круглое, несколько вогнутое без ручки и с плоской ручкой); выпуклые нашивные бляшки; проволочные височные кольца (бронзовые, серебряные, золотые); подвеска с плоским щитком, браслета из овальных в сечении стержней с заходящими концами; бусы плоские и шаровидные; перстни из медной и серебряной проволоки, скрученной в один или два оборота или из пластин, на которые наносился штриховой орнамент. Особую группу

представляют длинные стержни с утолщением на конце, которые заметно варьируют по характеру навершия, делавшегося в виде лопаточки, спирали, серповидной фигуры или головы копытного. Вопрос о назначении стержней не раз уже поднимался как в зарубежной, так и в советской литературе. В. М. Массон считает, что они имели двойную функцию: использовались при креплении одежды и одновременно являлись атрибутами лиц особого социального положения. Небезынтересна гипотеза Н. Н. Тереховой об утилитарном назначении стержней как слитков металла. Следует подчеркнуть, что мастера периода развитой бронзы обладали профессиональным мастерством, большим вкусом, о чем свидетельствуют печати из серебра и бронзы, и особенно золотые головки волка и быка из Алтын-депе. Они представляют собой художественную ценность эпохи бронзы. К предметам туалетного набора относятся бронзовые флаконы, имеющие по форме широкие аналогии в керамике Намазга V.

Большой подъем наблюдается и в искусстве обработки камня. Судя по находкам каменных предметов в это время, надо полагать, существовали какие-то инструменты для обработки камня. Каменные бусы, пуговицы, сосуды, имеющие сложные пропорции и симметричность форм, говорят в пользу последнего предположения. Как правило, все изделия из камня, гладко отшлифованы. Известны многочисленные находки бус из агата, халцедона, бирюзы, яшмы, оникса и горного хрусталя. Есть бусы из пасты и глины. Из глины встречаются и печати в основном с многократно повторяющимся рисунком креста.

Мелкая *терракота* – одна из массовых находок эпохи развитой бронзы. Она разделяется на три основные группы: женские статуэтки, мужские, а также антропоморфные и зооморфные фигурки людей и животных. Наиболее распространенными среди них является фигурка женщины, образ которой на протяжении тысячелетий является у древних народностей символом великой богини Земли, всеобщей прародительницы. В скульптуре эпохи развитой бронзы женские статуэтки обычно переданы в сидячей позе и мало изображений

стоящих фигур. Как правило, все фигурки изготовлены из хорошо отмоченной глины без примеси, имеют хороший обжиг. Большинство статуэток тщательно отделано. Головы посажены на длинную шею, лица с двух сторон обрамлены наклепными косами, извивающимися в виде змей и достигающими до груди. Третья коса обычно наносилась сзади в виде наклепа или простых черточек, расходящихся сверху вниз. Большинство женских скульптур имеет головные уборы, иногда очень высокие. Лица всех женских фигурок однотипны. Трактовка лица передана обычно без изображения рта, нос статуэток, как правило, горбатый, сделанный простым зацепом, глаза наклепные ромбической формы с глубоким срезом посередине, иногда окруженные черной краской. Изредка брови переданы прочерченной линией. На длинной шее – имитирующие шейные украшения из ожерелий и подвесок. Статуэтки имеют узкую талию, переходящую к широким бедрам. Нижняя часть каждой статуэтки заканчивается острым концом, чаще всегда загнутым вперед в виде треугольника, воспроизводящего сидячую позу. Перечисленные признаки являются классическими для женских статуэток поры развитой бронзы.

Мужские статуэтки встречаются сравнительно мало и в отличие от женских, все они стоящие. В исполнении мужских фигур сохранена традиционная манера изображения людей в плоском стиле. Вызывает интерес и то обстоятельство, что пояса у всех мужских статуэток наклепные, тогда как у женских они переданы прочерченной линией. В поселениях этого же времени в большом количестве встречаются антропоморфные фигурки людей, широко представленные еще в предшествующее время. Большая их часть вылеплена весьма примитивно, что, скорее всего, имело место для одноактового использования.

Говоря о назначении терракотовых статуэток, следует отметить, что большинство ученых сходятся во мнении о культовом назначении терракот, связанных с праздниками или различными церемониальными обрядами или заклинаниями. Видимо, это наиболее реальная трактовка их назначения. На это как будто бы указывают и всевозможные знаки – символы, нанесенные на тело

древних скульптур. Среди них достаточно распространенным, видимо, был и культ, связанный с земледелием, поскольку многие женские терракоты имеют на себе знак растительности в виде деревца с расходящимися вверх ветвями.

Исследования памятников развитой бронзы в последние два десятилетия дали весьма богатый материал, анализ которых позволяет с достаточной уверенностью судить о степени развития алтындепинской земледельческой культуры, достигшей своего расцвета в конце III – начале II тыс. до н.э.

В основе *хозяйства* алтынцев лежали поливное земледелие и отгонное скотоводство. Для обработки полей применялись, вероятно, деревянные мотыги и палки-копалки с каменными утяжелителями. Зерно на полях убиралось металлическими серпами, на что указывают редкие пока находки этих орудий на поселениях. Находки моделей повозок, у которых спереди прикреплялись головки животных, свидетельствуют о широком применении тягловой силы скота в обработке полей (для пахоты примитивной деревянной сохой) и последующей транспортировке полученного зерна и корма.

Больших успехов в ту пору достигли и различные ремесла. Поселки имеют определенную структуру: ремесленники живут отдельно от других групп населения; посуда производится в объеме, намного превышающем потребности алтынцев. Различия в площади и качестве «квартир», размещение домов разных типов по территории поселения, погребальный инвентарь свидетельствуют о достаточно резком социальном разграничении. В это время возводится монументальный культовый комплекс, пантеон божеств пополняется мужскими божествами, в том числе и астральными. На статуэтках встречаются знаки, напоминающие пиктограммы, что говорит о зарождении письменности. Все вышеизложенное позволяет заключить, что перед нами поселение городского типа со сложной внутренней структурой, в которой получили отражение и социальная дифференциация общества и такие проявления, как функции ремесленного и идеологического лидерства. Цивилизация Алтын-депе была естественной составной частью всего

древневосточного культурного ареала. Для нее показательны использование месопотамских культурных эталонов и тесные связи с древнеиндийской цивилизацией Хараппы.

1.4. Кризис Алтындепинской культуры

Археологические исследования памятников поздней бронзы показывают, что блестящая культура, в основе которой было заложено прогрессивное продвижение, вперед, по неизвестным нам причинам неожиданно задерживается и постепенно приходит в заметный упадок, крупные поселения, бывшие центрами земледельческих оазисов и очагами развитой культуры, или опустели полностью, или функционируют лишь отдельные участки. Недалеко от крупных поселений появляются небольшие поселки. Наступивший упадок и кризис проявился не только в сокращении обжитых территорий, но и на уровне роста хозяйств, в том числе ремесле, и в первую очередь, керамическом производстве, качество и ассортимент которого стал значительно низким.

Рассматриваемый период определяется временем Намазга VI, начало которого связано с появлением серой и красноангобирванной керамики, а конец – с появлением лепной расписной керамики типа Яз-депе I (небрежная геометрическая роспись).

Характеристику культуры периода Намазга VI дается на основании анализа таких *поселений*, как южный холм Анау, Елькен-депе, Улуг-депе, Теккем-депе, «Вышка», Намазга-депе, Янги-Кала (могильник). Характерной чертой поселений поздней бронзы является их небольшая величина (площадь не более 2 га). К этому времени, вероятно, относится и комплекс Гриша-депе. Наиболее значительные исследования площадью более 2000 м² проводились на «Вышке» Намазга-депе и Теккем-депе. Поселение Намазга-депе, как показали раскопки, в период поздней бронзы (Намазга VI) приходит в упадок, большая часть обжитой территории забрасывается. Оставшееся население сосредоточивается в северной части памятника, на так называемой «Вышке», образованной слоями Намазга VI. На остальной части Намазга-депе в пору Намазга VI

было кладбище. Площадь располагавшегося здесь поселения не превышает 2 га.

Раскопанный участок поселения на «Вышке» представлен остатками трех кварталов, разделенных улицами шириной от 2,5 до 4 м. Западный комплекс представляет квартал керамистов, на что указывают остатки двух обжигательных горнов, два остальных комплекса жилые, представляющие части большого многоквартирного дома. Лучше сохранился центральный комплекс. Он был замкнутым со всех сторон и состоял из жилых, хозяйственных помещений и дворовых участков. Жилые помещения имели хорошо отделанные интерьеры, в наиболее сохранившихся были найдены врытые в пол сосуды, специальные ограждения для обогревательного очага. Все это с хорошо промазанными полами, оштукатуренными стенами и четко выраженными дверными проемами с порогами и подпюточными камнями свидетельствует о старых домостроительных традициях. Хозяйственные помещения значительно меньше, они, как правило, не входят в жилой комплекс и сооружены во дворах. Каждый жилой массив, состоявший из 1-3 помещений, имел свои индивидуальные дворы – незастроенные участки с толстыми мусорными слоями и очагами для приготовления пищи.

Неподалеку от Намазга-депе в пору Намазга VI возникло другое поселение – Теккем-депе. В. М. Массон допускает возможность возникновения поселения как результат переселения части жителей с Намазга-депе. Это укрепленное поселение, состоящее из ряда, отдельных жилых помещений (прямоугольные постройки с квадратными глинобитными очагами в центре) с примыкающим к ним хозяйственным подсобным помещением. Стены и полы помещений, как правило, обмазаны тонким слоем глины. В некоторых прослежены выступы и ниши. Остатки, фортификационных сооружений представлены в виде обводной стены и круглой башни. Они настроены из сырцового кирпича и снаружи покрыты несколькими слоями обмазок, сохранность башни в высоту 2 м, стены – около 5 м. На Теккем-депе открыта система водоснабжения в виде желобов шириной 1 м и глубиной 0,25-0,3 м

сделанных из утрамбованной глины и отводивших воду из ручья Лоинсу в водосборник. Как отмечает Щетенко А. Я., эта система водоснабжения является одной из древнейших в мире и самой древней для оседло-земледельческих культур региона. На юго-западном склоне открыт могильник близ колодца и водоводов, в период, когда последние уже не функционировали. Говоря об особенностях погребального обряда, следует отметить, что есть случаи захоронения новорожденного в сосуде в помещении. Захоронения собаки с сосудом и верблюда дает основание говорить о существовании культа этих животных у обитателей поселка Теккем-депе.

На территории большинства памятников поздней бронзы наряду с остатками жилых построек открыты и *древние захоронения* – одиночные скорченные погребения в ямах, различающиеся лишь составом погребального инвентаря. Однако для этого времени известней могильник, располагавшийся вне поселения, который находится у селения Янги-Кала близ Геок-тепе. Всего исследовано 7 грунтовых погребений, останки лежат скорченно на левом боку и имеют различную ориентацию. Кроме сосудов обнаружены бронзовые украшения и женские терракотовые статуэтки. В могильных ямах отмечены следы кострищ, возможно, связанных с погребальным культом. Могильник Янги-Кала как нельзя лучше демонстрирует новые традиции в погребальном обряде памятников времени Намазга VI, когда появляются комплексы для захоронения усопших на значительном расстоянии от поселения.

Керамика поздней бронзы Намазга VI, так же как и посуда Намазга V, изготовлена на гончарном круге (за исключением кухонной керамики), однако такого богатства форм, как это было в предшествующий период, здесь не отмечено, хотя обжиг керамики производится в печах сложных устройств. При этом, судя по конструктивным особенностям последних, они ни в чем не уступают печам времени развитой бронзы, продолжая в целом свое дальнейшее развитие. Так, в двухъярусных печах отсутствуют опорные столбы. Вместо этого в топке сооружаются специальные устои для поддержки

перекрытия топки («Вышка», Намазга-депе), а также сводчатые перекрытия (Теккем-депе, Улуг-депе). Посуда же традиционна лишь внешне: отсутствует роспись. Тогда как технология ее изготовления, видимо, претерпевает значительные изменения, что хорошо наблюдается на качестве сосудов, характеризующихся утяжелением и огрубением. Керамика со всех поселений периода Намазга VI представлена следующими формами: вазообразные сосуды на ножке; чаши (по форме тулова они бывают полусферические и конические); горшковидные сосуды; кувшины; пиалы (они изготовлены ручной лепкой). Кухонные котлы, корчаги, лепившиеся от руки, имеют, в основном, горшковидную форму. К хозяйственной или кухонной посуде, некоторые исследователи относят лепную керамику с орнаментом в виде елочных насечек, вдавлений, с наlepным валиком и косыми насечками, а между тем, эта типичная так называемая степная керамика. Она широко представлена в памятниках подгорной полосы («Вышка» Намазга, Теккем-депе, Елькен-депе, Анау), либо в конечном периоде существования этих поселков, либо после того, как они были оставлены (Теккем-депе). Именно степная керамика определяет время появления скотоводческих племен в древнеземледельческих оазисах в конце II тыс. (XIV-XII вв. до н.э.).

Орудия и оружие. В эпоху поздней бронзы металлические орудия и оружие использовались, видимо, не меньше, чем в пору развитой бронзы. Об этом могут свидетельствовать упоминавшиеся выше находки литейных форм из Теккем-депе. Литейная форма для отливки наконечника дротика с упором известна из слоя «Вышки» Намазга. Металлические орудия и оружия из слоев Намазга VI однотипны эго — бронзовые ножи-кинжалы, наконечники стрел, дротиков, серпы, пробойники, четырехгранное шило с костяной рукоятью, иглы. Из каменных изделий следует отметить кремневые наконечники стрел двух типов: лавролистные без черешка и черешковые с двумя опущенными жальцами. Продолжают бытовать такие каменные орудия, как зернотерки, куранты, ступки, песты, скребки, отбойники, терки, точильные камни, «выпрямители древков», рудодробилки, гири, и др.

Особым типом являются керамические орудия. Впервые они были выделены Л. И. Хлопиной при обработке материалов Теккем-депе. Все орудия изготовлены из фрагментов столовой и главным образом хозяйственной гончарной керамики. Интересны находки костяных орудий: костяные проколки, лоцила, фрагмент основания серпа, изготовленного из нижней челюсти животного. Последние известны из Теккем-депе.

Украшения и мелкие подделки. Бронзовые украшения представлены несомкнутыми браслетами, кольцами, ушными подвесками, пластинками — диадемами, булавками с ажурной и утолщенной головкой. Продолжалось изготовление бронзовых печатей. Печати изготовлялись также из камня. Каменные бусы резко сократились. Именно для комплекса Намазга VI характерны крупные биконические каменные бусы, по форме своей близко напоминающие пряслица. Иногда их поверхность украшена циркульным орнаментом. По материалам Теккем-депе для этого периода известны полированные булавки из камня.

В эпоху поздней бронзы *терракотовые статуэтки* распространены не столь широко, как в предшествующее время. Мы знаем несколько терракот этого времени, происходящих как из опустевшей древней столицы Намазга-депе, так и из ряда других памятников (Янги-кала и др.) Сохраняется и условно-плоскостной стиль более ранней скульптуры и некоторые ее характерные черты: пояс на талии, тяжелая налипная коса на затылке. По имеющимся незначительным материалам пока трудно судить о специфических чертах коропластики поры поздней бронзы, также неясны причины и характер бедствий, постигших в это время древнейшие центры оседлой культуры на юге Средней Азии.

В эпоху поздней бронзы Алтындепинская культура выражена не столь ярко, как в предшествующий период, хотя ее традиции сохранены в достаточной степени. Основные продукты земледелия остаются прежними, сохраняются также традиции строительства многокомнатных домов. Правда, приходят в упадок крупные поселения, прежде являвшиеся значительными культурными

центрами. Население занимает небольшие укрепленные поселки (Теккем-депе) или продолжает жить на отдельных участках больших поселений. Этот процесс запустения и упадка отмечается на значительно более широкой территории, чем область обитания земледельческих племен подгорной полосы Копетдага.

Раздел 2

Сумбарская культура

Важным событием в истории археологического изучения юга Средней Азии явился 10-летний цикл работ И. Н. Хлопина в Сумбарской долине, завершившийся (работы на холме Пархай II продолжаются) выделением сумбарской культуры и созданием хронологической классификации памятников эпохи металла Юго-западной Туркмении.

В результате исследования нескольких могильников (Пархай I, II, Сумбар I, II и др.) в Сумбарском микрорайоне удалось найти комплексы 7 периодов и установить последовательность развития культуры (по погребальному обряду и по сопровождающему погребальному инвентарю) сумбарских племен от энеолита (V тыс. до н. э.) до археологического Дахистана (I тыс. до н.э.). В настоящее время наиболее полно изучены шесть последовательных, переходящих один в другой хронологических и культурных этапов. Им присвоены условные обозначения ЮЗТ-1 — ЮЗТ-VI (ЮЗТ означает Юго-Западная Туркмения, счет периодов идет сверху вниз, период ЮЗТ-1 соответствует сумбарской культуре эпохи поздней бронзы).

2.1. Могильник Пархай II

Некрополь расположен в 1 км к западу от окраины районного центра Кара-Кала Красноводской области в 100 м северу от шоссейной дороги, на высоком (10 м) холме с сильно изрезанными склонами. Общая площадь — до 2 га. Могильник разновременный, состоит из погребальных камер с коллективными захоронениями и катакомб.

Погребальную камеру с коллективным захоронением И. Н. Хлопин реконструирует в виде полуподземного склепа с боковым входом. Овальная или округлая в плане яма с вертикальными стенами диаметром 2,2-2,3 м опускалась на глубину 90-130 см. Вход вел сбоку из другой ямы, меньших размеров, эти смежные ямы были разделены камнями или кирпичами. Входная яма после погребения в склепе засыпалась землей. Для последующего погребения надо было вынуть землю из входной ямы и разобрать заложенный в склеп вход. Таким образом, погребальная камера во время функционирования кладбища не была заполнена землей. Внутри можно было проникать неоднократно с целью проведения последовательных погребений. Многократность захоронений очевидна, встречаются два яруса погребений. Положение костяка скорченное, мужчины на левом боку, женщины на правом. Причем в анатомическом порядке сохранились лишь скелеты погребенных последними когда камера была заполнена, так как для вновь хоронившихся освобождали место, отодвигая и смещая к стене полуистлевшие останки предыдущих захоронений, что естественно способствовало разрушению костяка *in situ*. В таких камерах захоронено большое число людей, иногда до 70 человек. Коллективные скелеты характерны для периодов ЮЗТ VI-IV, т. е. для энеолита и ранней бронзы.

К периоду ЮЗТ-IV – к ранней бронзе — относятся погребальные камеры, большая часть которых объединена в группы по три. Вся керамическая коллекция серого цвета и состоит из 19 форм. Несмотря на исключительно ручную выделку, толщина стенок сосудов иногда достигает 1-1,5 мм. Более распространены биконические кубки самой различной величины (от 6,5 до 15,5 см в высоту); чаши с характерным развалом стенок; графины со сферическим туловом; грушевидные сосуды с отверстиями для подвешивания; вазы на ножке и др. Встречается керамика с различными выдавленными по сырой глине узорами или с лощением.

Среди керамических изделий особого внимания заслуживают прямоугольные жертвенники на четырех ножках. Они украшены по верхнему краю налепными чашечками, головками быков и баранов, изображениями змей, ползущих по ножкам к чашечкам. Ножки и боковые поверхности также покрыты налепными узорами в виде змей, козлов и солярных кругов. Форма жертвенников и многие сюжеты их орнаментации, как считает И. Н. Хлрпнн, могут быть интерпретированы с помощью авестийских мифологических сюжетов.

Кроме бронзовых украшений и булавок с биспиральными навершиями в этом периоде найдены крупные металлические предметы — топор-тесло с выступающей трубчатой втулкой, навершия булавы и посоха с длинной трубчатой втулкой, а также навершие виде восьмилучевой звезды. К периоду ЮЗТ-III — к развитой бронзе, относятся погребения индивидуальные с тенденцией превращения в катакомбу. Количество погребенных в них не превышает десяти, есть могилы с 1-2 покойниками. Основными формами сосудов можно считать чаши с раструбом, большие кубки с подкосом, грушевидные сосуды и графины. Характер и состав остального погребального инвентаря, кроме посуды, в могилах этого периода заметно изменился: в женских погребениях украшения отсутствуют, но встречены пряслица, в мужских постоянной принадлежностью является бронзовый нож и наконечник копья.

Период ЮЗТ-II — переходный от последнего этапа развитой бронзы к началу поздней бронзы. К этому времени относятся катакомбные могилы как с керамикой времени ЮЗТ-IV, так и с керамикой типа сумбарских могильников — ЮЗТ-1.

Наиболее полно изучен период поздней бронзы — ЮЗТ-I, по раскопкам могильников в долине Сумбар.

Сумбарские могильники расположены на левом, коренном берегу среднего течения Сумбара, на южной кромке долины. Могильник Сумбар I занимает несколько лессовых увалов, соединенных перешейками и вытянутых в широтном направлении. Всего в

могильнике раскопано 181 захоронение, 5 из них античного времени. Могильник Сумбар II отделен от предыдущего глубоким оврагом. Исследовано 8 погребений, 6 из них относятся к эпохе поздней бронзы; Сумбар III не подвергался раскопкам из-за действующего на его территории действующего кладбища. Однако сборы на поверхности фрагментов сосудов показали их полное соответствие с комплексами эпохи поздней бронзы.

Могильник Пархай расположен на противоположной, северной кромке долины на расстоянии около 4 км по прямой от Сумбарских могильников. Вскрыто 18 погребений. Во всех могильниках конструкция погребального сооружения представлена в виде катакомбы. Вход в нее всегда вел с севера на юг, отмечены две разновидности входов — колодцем и штольной.

Положение погребенного в могиле и размещение в ней погребального инвентаря устанавливается четко. Для всех сумбарских погребений характерно одиночное, скорченное положение покойника на боку с согнутыми в коленях ногами и находящимися перед лицом или грудью кистями рук. Мужчины положены только на левом боку, женские погребения встречаются, как правило, на правом боку, а в восьми случаях — на левом. Почти все погребенные в сумбарских могильниках уложены в камеру лицом к входу.

При раскопках 200 могил было найдено свыше 1500 предметов это керамика, оружие, инструменты, предметы престижности, украшения и органические остатки.

Керамика из сумбарских могильников насчитывает 700 сосудов. Выделено 13 керамических типов, состоящих из 41 разновидности. Из них выделяются сосуды массового производства и сравнительно редкие экземпляры. К первым относятся хумчи, горшки с открытым носиком, чаши с ручкой у дна, конические сосуды со сливом, кувшины и горшочки с одной ручкой; ко вторым — чайники всех разновидностей, сосуды с трубчатым носиком горшочки с двумя ручками и без них, вазы на гладком коническом поддоне и сферические сосуды с двумя ручками. Особенность керамических

традиций сумбарских могильников: сосуды одной формы могли быть изготовлены как из тонкоотмученного столового теста при помощи гончарного круга, так и из кухонного теста вручную. В целом 60% всей найденной посуды сделано без гончарного круга из кухонного теста (с сильной примесью песка).

Орудия и оружия представляют вторую по значимости группу предметов материальной культуры. Орудия или инструменты состоят из нескольких категорий: режущие, колющие и остальные, в которые включены разные предметы производственного назначения. К режущим отнесены ножи разного назначения. Особого внимания заслуживают режущие инструменты с тонким кривым клинком, лезвие находилось на внешнем изгибе инструмента. С рукоятью эти инструменты скреплялись при помощи шпильки, проходившей сквозь ручку и отверстие на одном из концов. Это ковровые ножи для обрезания ворсовых нитей. Колющие инструменты представлены квадратным в сечении шилом с костяной ручкой. Встреченные парами бронзовые стержни длиной до 20 см более тонкие с одного конца являются вязальными спицами. Известны также иглы с ушками. В женских погребениях встречаются каменные биконические пряслица от веретена.

Набор предметов вооружения разнообразный – бронзовые черешковые наконечники стрел листовидной формы с упором; черешковые наконечники дротиков или метательные копья; наконечники копий, кинжал. Каменные навершия булав отнесены к предметам престижности. Почти все встречены в мужских погребениях.

Украшения изготовлены из различных материалов: бронзы, серебра, золота, из разных пород камня, стекла и фаянса. Наиболее широко представлены головные украшения. К ним относятся бронзовые или серебряные спиральные кольца в два оборота из двойной проволоки. В непотревоженном состоянии они лежали около височных костей черепа – по 4 экземпляра с каждой стороны, вероятно, их надевали на пряди волос. Уши украшали серьгами в виде колец разного диаметра. Известны и серьги из трех круглых

каплевидных выпуклин, спаянных в ряд между собой. Сравнительно редко в серии украшений представлены браслеты. Известно два типа — пластинчатые браслеты с пунсонным орнаментом и литые широколапчатые браслеты с выпуклой желобчатой полосой по середине. Украшением одежды служили нашивные бронзовые и фаянсовые бляхи. Принадлежностью одежды считают булавки с фигурным навершием и бусы. Последние изготовлены из бронзы, золота, стекла, фаянса и полудрагоценных камней. К украшениям относят предметы женского туалета — сурьматаши (палочки из свинца для подведения бровей), косметические флаконы.

Органические остатки в могильниках представлены панцирями степных черепах, альчиками и костями барана. Панцири черепах обнаружены, в основном, в женских могилах, видимо, они были положены в могилу как часть погребального инвентаря. В мужских и женских погребениях встречены альчики, которые располагались, как правило, в ногах (1,3 или 5 экз.). Погребальная пища сохранилась в виде остатков костей барана. В могилу помещали определенную часть туши (голову, переднюю ногу с лопаткой и ребрами, заднюю ногу). Интересно, что большинство костей барана найдено в женских погребениях.

Раскопки сумбарских могильников эпохи поздней бронзы помогли уточнить социальную структуру населения земледельческой зоны Средней Азии. В эпоху поздней бронзы везде господствовал развитый патриархальный строй, а социальной молекулой его была трехпоколенная семья.

Исследования погребальных памятников в Юго-Западной Туркмении еще далеки от завершения, поэтому делать какие-либо далеко идущие исторические выводы преждевременно. Следует только отметить, что происхождение сумбарской культуры — сугубо местное явление, о чем свидетельствуют особенности материальной культуры, наличие собственной металлообработки.

Раздел 3

Мургабская культура

Работами отряда Института истории АН Туркменистана в конце XX столетия открыт новый оазис эпохи бронзы в низовьях Мургаба – Келлелинский, в 120 км северу от г. Мары. Оазис расположен на одном из пересохших древних русел Мургаба и представляет собой большое такырное пространство. Все поселения имеют аморфные очертания и небольшую высоту. Характерной особенностью поселений является их компактное взаиморасположение, наличие нескольких типов памятников и однослойность культурных отложений холмов (толщина культурных слоев не более 1 м). Они являются самыми ранними в древней дельте Мургаба и относятся к началу II тыс. до н.э.. Площадь самого маленького не более 0,2 га (Келлели 6). Все 6 поселений удалены друг от друга не более чем в 3,5, но чаще на 1 км друг от друга.

Исследованные памятники Келлелинского оазиса, несмотря на предварительный характер, предстают перед нами с ярко сложившимся хозяйством и культурой. Основную роль в *экономике* здесь играло земледелие, этому благоприятствовали как большие земельные площади, так и достаточное для орошения полей количество воды из русел и многочисленных притоков Мургаба. Обнаружены остатки оросительной системы. Помимо земледелия немаловажную роль, видимо, играло и животноводство, на что указывают многочисленные остеологические материалы с поселений и терракотовые фигурки животных. Причем в отличие от других памятников подгорной полосы здесь преобладают кости домашней свиньи.

3.1. Материальная культура

На *поселениях* Келлели 1,4 и 6 предварительно изучена жилая архитектура. На первых двух выявлены остатки крупного квадратного дома с обводными стенами, идущими по краям. Внутри они образуют вытянутые коридоры по три, или четыре с каждой

стороны. В середине здания имеется небольшой хозяйственный дворик с очагами для бытовых нужд. Вдоль внутреннего фаса стен располагаются многочисленные жилые и хозяйственные помещения, группирующиеся в малые секции — квартирки, состоящие из двух, но чаще трех комнат, связанных между собой проходами и одним из обводных коридоров. В каждой квартире находится по одному очагу для приготовления пищи и обогрева помещения. Посередине одного из фасов стен имеется проход, оформленный снаружи двумя прямоугольными помещениями и связывающий жителей дома с внешним миром. На поселении Келлели 6 совершенно иная архитектура, архаичная по строительному решению и планировке. Более десяти помещений, стены которых сохранились лишь частично, сооружены из пахсы и обмазаны глиняной штукатуркой. Комнаты имеют различные направления своей оси, хотя наблюдается некоторая парность в их расположении. Как правило, в одной из них на торцевой стене сооружен выступ. В одной из таких комнат на полу обнаружен круглый очаг, в другой — очаг двукамерной конструкции сооружен внутри стены. Наибольший интерес представляют раскопки поселения Келлели 3 как крепости. Раскопками установлено, что укрепленное поселение представляет собой почти точный квадрат размером 128-128 м², ориентированный по странам света. Крепость обведена двумя параллельными стенами, образующими внутри сквозные коридоры шириной 2,5 м и толщиной стен соответственно 1,2 м — наружной, 1 м — внутренней. По внешнему фаса стен крепость имеет по шесть прямоугольных башен, всего их 24. Все башни внутри полые, однако, ни одна из них не связана проходом с внутренним коридором. Посередине каждой стены обнаружено по одному въезду, оформленному снаружи двумя такими же прямоугольными башнями. Все четыре въезда синхронны друг другу по своему конструктивному решению. Посередине восточного въезда поперек обводных стен сооружен специальный сток для выпуска воды из поселения наружу. Он выполнен из жженных кирпичей, его длина 8,5 м, ширина 30-40 см.

Различия архитектурно-планировочного решения на поселениях Келлелинского оазиса позволили автору раскопок поставить вопрос

об особенностях социально-экономического и культурного уровня жизни его обитателей. Хозяином квадратного дома Келлели 4 мог быть один из кланов – семей предводителей племен, вероятно, стоящих на верхней ступени иерархической лестницы келлелинского общества, а все, что его окружает, в том числе и комплекс Келлели 6 – обслуживающий персонал и производители материальных благ. Крепость на Келлели 3 — это, вероятно, достояние всего коллектива оазиса, возможно, укрывавшегося там в смутные времена.

Керамика из поселений Келлелинского оазиса изготовлена исключительно на гончарном круге. За исключением традиционно кухонной керамики, часть которой к тому же формована на круге, сосудов ручной ленки почти не встречено; отсутствует также сероглиняная керамика. Форма сосудов разнообразна. Преобладают сосуды типа бокалов. Встречаются глубокие конические чаши с прямым, чуть заостренным венчиком и плоским дном. Очень много стаканообразных сосудов, горшков небольших размеров с плоским дном, а также крупных толстостенных мисок со слегка отогнутым наружу венчиком и подкошенным дном. Характерной формой керамики ранних комплексов являются вазы на высокой конической ножке, нередко украшенные ребристыми линиями. Из крупных форм наиболее часто встречаются тагора с прямым венчиком, горшки с отогнутым венчиком и небольшой горловиной, реже – хумчаобразные горшки с широкой горловиной со сливом.

Кухонной керамики найдено мало. При ее изготовлении использовался гончарный круг, вероятно, с целью подправки и придания более совершенной формы уже вылепленному от руки сосуду. Основные формы: котлообразные горшки, фрагменты сковородок с невысоким бортиком. В этом комплексе встречаются единичные керамические подставки.

Орудия и оружия в этих комплексах пока немногочисленны. Находки каменных наконечников стрел и дротиков, всевозможных пластин из кремня, пестиков, лоцил, терок, брусков, зернотерок каменных сосудов (мрамор, стеатит), свидетельствуют о широком использовании этого дешевого сырья. Из камня вытачивались прясла,

большинство из которых орнаментировано тремя кружочками с каждой стороны. Представлены также пряслица из глины. Интересна находка хорошо сохранившегося бронзового рыболовного крюка. Известны металлические черешковые ножи, зубила, шила, отбойники.

Украшения и мелкие подделки. Среди металлических украшений встречаются широко известные в памятниках древних земледельцев длинные булавки с лопаточковидным навершием. О высоком уровне камнерезного искусства свидетельствуют разнообразные по форме и материалу бусы.

Важную группу находок составляют *печати*, изготовленные из металла, камня и глины. Каменные печати – амулеты, имеют двухстороннее изображение. Обломок такой печати имеет с одной стороны рисунок головы птицы, с другой – изображение быка в атакующей позе. Другая печать изображает змею с открытой пастью, на обратной стороне выгравировано изображение фантастического существа, напоминающего павлина, с длинными, чуть приподнятыми крыльями. Интересна еще одна печать из этой серии с однотипными изображениями на обеих сторонах борьбы хищных зверей со змеями. Особенно примечательна крупная металлическая печать с изображением хищных птиц, размещенных вокруг небольшого круга. Все печати из металла с оборотной стороны имеют ручку-петельку.

Из других находок большой интерес представляют *терракотовые статуэтки* людей и животных. Для фигурок, обнаруженных на поселениях Келлинского оазиса, характерен тот же условно-плоскостный стиль исполнения, что и для статуэток Намазга V и Алтын-депе. На фигурки нанесены различные линии, имитирующие украшения и пояса, а также символы-знаки вроде дерева. Терракотовая пластика Келлели изображает фигурки женщин с высокой прической или головным убором, что типично для статуэток Алтын-депе. Из фигурок животных следует отметить изображения верблюда, быка, свиньи, птиц и козла.

3.2. Мургабские памятники времени Намазга VI

К югу от Келлелинского оазиса, вдоль боковых русел бассейна бывшей дельты Мургаба раскопками Массона В.М., Сарияниди В.И., Масимова И.С. выявлено более 30 памятников эпохи поздней бронзы времени Намазга VI. В.М. Массон, положивший начало изучению древнеземледельческих памятников бронзового века низовий Мургаба, первым обратил внимание на своеобразие местной культуры, назвав ее мургабским вариантом культуры Намазга VI. В настоящее время археолого-топографическое обследование позволяет предварительно выделить три типа поселений в древней Мургабской дельте. К первому типу относятся холмы площадью до 5 га и высотой до 1 м. Как правило, это одиночные холмы или остатки развееванных поселений в виде россыпи керамики на такыре. Второй тип объединяет поселения площадью от 5 до 10 га, высотой более 1 м, часто состоящие из двух или более всхолмлений, среди которых есть участок, отведенный для ремесленного производства, чаще всего керамического. Третий тип представлен поселениями площадью 10 га и более, с отдельно отведенным участком под производство и наличием обводных стен. К этому типу относятся холмы Таип-депе I, Аучин-дене, Тоголок, Гонур-депе. Последнее – одно из крупнейших поселений Средней Азин эпохи бронзы наряду с Намазга-депе и Алтын-депе. Площадь поселения Гонур-депе более 50 га при высоте свыше 5 м включает остатки монументальной архитектуры, в центре которого находится "кремль" размером 130x120 м. Мощные обводные стены кремля ориентированы строго по странам света и укреплены по углам прямоугольными башнями. Гонур-депе представляется укрепленным «городком» с пригородом, где четко выделяются кварталы керамистов с 10-15 прямоугольными в плане горнами. Среди поселений бассейна древней дельты встречены единичные памятники, состоящие из крепости и примыкающего неукрепленного поселения. Примером могут служить памятники Тоголок 1 и 21 (площадь около 15 га). Последний сохранил крепость с кирпичными стенами шириной до 3 м и остроконечными башнями по

углам и периметру стен. Как правило, на окраинах поселений, в специально выделенных местах, располагаются керамические горны и печи для металлообработки, свидетельствуя о выделении ремесленного производства. Аналогичные поселения с производственными центрами известны на поселениях Таип-депе и Адамбасан.

На большинстве памятников наряду с остатками жилых построек открыты и *древние захоронения*. Они различаются между собой лишь предметами сопровождающего инвентаря умерших. Погребение со сравнительно богатым инвентарем было расчищено в верхнем слое поселения Аучин-депе. Костяк лежал в скорченной позе, головой на северо-запад. В погребении найдено 14 сосудов, бронзовый браслет, бусы из лазурита, гипса и бирюзы и каменная подвеска – печать с изображением змеи. На поселении Тахирбай отменен случай неполного трупосожжения. На поселениях Тоголок наряду с обычными захоронениями обнаружены кенотафы, могильные ямы которых заполнены погребальной керамикой.

Характерная особенность *керамики* эпохи поздней бронзы (Намазга VI) Мургабского оазиса – наличие в составе значительного количества посуды ручной лепки, меньше сероглиняной керамики, а также керамики степной бронзы. В целом, вся керамика делится на две большие группы: посуду, изготовленную на гончарном круге и вылепленную от руки. Окраска внешней поверхности гончарной керамики – светло-розовая, светло-желтая. Форма сосудов разнообразная. Наиболее часто встречаются различных размеров бокалы – от миниатюрных до крупных. Многочисленны также чаши, имеющие полусферический резервуар и плоское дно, миски со слабо отогнутым наружу венчиком, чаши с толстыми стенками и плоским дном.

Для лепных сосудов характерны высокие яйцевидные формы горшки с плоским дном, горшки с выделенной нижней частью и суживающимся к слабо отогнутому венчику стенками, а также сосуды с носиками и желобовидным сливом у венчика. Из крупных сосудов встречаются — тагора полусферических форм или с вертикальными

стенками, небольшие хумча. Иногда они украшены по тулову и выше широкими полосками, нанесенными красной краской.

К керамике, вылепленной от руки, относится и так называемая кухонная. По форме это обычные горшковидные сосуды с отогнутым наружу венчиком, горшки со сливом, а также банковидные сосуды с прямыми стенками и плоским дном. Известны случаи, когда кухонная керамика подправлена на гончарном станке. На поселениях Аучин 1, Тахирбай 3, Тоголок, Таип-депе встречаются сосуды андроновского типа. Орнамент в виде треугольников вдоль венчика, заполненных внутри косыми линиями или каплевидными вдавлениями. Археологически целые сосуды, сплошь покрытые орнаментом, найдены на поселениях Тахирбай 3 и Таип-депе 1.

Терракотовые статуэтки рассматриваемой территории в эпоху поздней бронзы выполнены в той же манере, что и терракоты времени Намазга V, но они более объемисты и среди них нет статуэток с изображением пышных причесок или головных уборов. Большинство статуэток имеет подтреугольную форму головы и сквозное вертикальное отверстие на затылке. Наряду с ними имеются более примитивные, иного иконографического и стилистического типов, принадлежащие скульптурным фризам культовых сосудов (Тоголок).

Металлические изделия представлены бронзовым церемониальным топором, кинжалами с выделенным ребром, по треугольному клинку, шестигранным в сечении теслом, ни сомкнутыми браслетами, височными кольцами, булавами, в том числе с квадратным орнаментированным навершием с очковидной головкой. Мургабские литейщики выработали печати с контурными изображениями животных. На наличие собственной металлообработки у мургабских племен указывают многочисленные находки слиточков металла, обнаруженные на поселениях Тахирбай-3, Тоголок 1, 2, 21. Исключительно интересны печати-цилиндры эламо-месопотамского типа из поселений Тоголок и Таип-депе, где обнаружены четыре цилиндра и два отпечатка, сделанных методом

прокатки на керамике и один обмок. Специальное исследование маргианских цилиндров позволило И. С. Масимову убедительно показать сильное месопотамское влияние, проявившееся в ряде случаев в одинаковых композициях (печати со сценой единоборства человека с хищником; с мифологическим сюжетом и др.).

Особого внимания также заслуживают каменные амулеты – печати, на которых, помимо растительных узоров, выгравированы фигуры животных (быка, тигра, оленя) в устойчивом сочетании со змеями. В отличие от перегородчатых печатей бытового назначения печати-амулеты «мургабского стиля», возможно, имели культовое назначение. Печати-амулеты «мургабского стиля», хотя и обнаруживают некоторые сходные черты в печатях Месопотамии и долины Инда, в целом же выделяют новый центр глиптики на Древнем Востоке, истоки которого уходят в глубинные районы Ирана вплоть до Элама.

Предметы материальной культуры из поздних поселений Мургабского оазиса находят близкие аналогии с материалами сапаллинской культуры и поселений типа Дашлы (северо-афганские памятники), что позволило В. И. Сарияниди объединить их в Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.

3.3. Генезис культуры

Близость материальной культуры памятников Келлелинского оазиса (прежде всего керамики, терракотовых статуэток, отдельных печатей) с комплексами Намазга V и Алтын-депе определяет время и генезис Мургабской культуры.

Учет данных археологии, геологии и геоморфологии позволяет сделать предварительный вывод о том, что массовое обживание низовий Мургаба происходит в период общей увлаженности атлантического периода, когда уменьшилась водность Мургаба и подсохли разливы, относящийся к рубежу III-II тыс. до н. э. Однако засушливость суббореального периода привела к резкому сокращению обживания дельты уже в эпоху Намазга VI.

Раскопки памятников Келлели дали материалы, позволяющие пересмотреть ранее выдвинутое мнение о времени освоения Мургаба первыми земледельцами. Анализ жилой архитектуры, материальной культуры позволяет считать, что мургабские поселения основаны выходцами из подгорной полосы Копетдага. Видимо, переселение на новые места происходило в два этапа. На первом небольшая группа людей осела на такыре Келлели, затем несколько позже (период Намазга VI) основная часть населения заняла обширную территорию к югу от уже заселенного оазиса. Таким образом, первая настоящая колонизация Мургаба относится к началу II тыс. до н. э., когда пришельцы занимали нынешнюю территорию Келлелинского оазиса.

Суммируя общие результаты, следует отметить, что освоение дельты р. Мургаб происходит в период Намазга V, когда здесь возникает несколько ирригационных оазисов, состоящих из центральных памятников, около которых группируются поселения-спутники. В середине II тыс. до н. э. наблюдается перемещение орошаемых земель в южном направлении и возможно проникновение родственных племен из древнего Ирана и пастушеских племен андроновской общности.

Раздел 4

Саразмская культура

Поселение эпохи энеолита и ранней бронзы – Саразм находится на левом берегу р. Зеравшан в 15 км к западу от г. Пенджикент. В результате археологических исследований выявлено, что Саразм является крупным раннеземледельческим центром второй половины IV-III тыс. до н.э. с развитым гончарством, металлургией, строительным делом и обработкой камня. Территория с остатками культурных напластований составляет 48 га, однако только на площади 17 га представлен значительный по мощности культурный слой, достигающий толщины 2,2 м. Выделены 4 последовательных хронологических периода, которые с учетом радиоуглеродных определений могут быть датированы следующим образом: период I – 3400-3200 гг. до н.э.; период II – 3200-2900 гг. до н.э.; период III –

2900-2700; период IV – 2700-2000.

Таким образом, Саразм как поселение протогородского типа просуществовал около полутора тысяч лет, с наибольшим расцветом в периоды среднего энеолита и ранней бронзы.

4.1. Материальная культура

Архитектура. Для периода I известны двухкомнатные и трехкомнатные дома, вблизи которых устраивались узкие коридорообразные хранилища. Во II периоде происходит формирование жилых массивов из нескольких домов с улицами, переулками и дворами; выделяются семейные святилища с круглыми очагами-алтарями; вскрыты два культовых здания с окрашенными в красный цвет стенами и алтарями в центре, а также круглое здание. Период III характеризуется появлением монументальных построек общественного назначения – зданий дворцово-культового характера, а также общественное хранилище. В период IV происходит постепенное запустение поселения, когда значительная часть построек имеет временный характер. От этого периода сохранились следы жилого сооружения типа шалаша. Об этом свидетельствуют 6 ямок-гнезд от столбов, которые очерчивают овальное в плане основание (5x3,5 м) наземного жилища. Таким образом, в Саразме представлены 4 типа сооружения: жилого, хозяйственного, культового и общественно-административного назначения.

Керамика в Саразме изготавливалась, большей частью вручную. Лишь в периоде IV появился гончарный круг медленного вращения. Посуда представлена столовой, тарной и кухонного назначения. Она светлофоновая, среди которой особо выделяется красноангобированная керамика с лощением; серая и черная с лощением и без него, но с росписью (поли- и монохромная). Росписью украшалась, преимущественно, столовая посуда. По стилю роспись саразмских сосудов генетически наиболее связана с двумя регионами южной оседлоземледельческой зоны – Юго-Восточной Туркмении, в особенности, с Геоксюрскими поздними

энеолитическими комплексами и Белуджистано-Сеистанским регионом, расположенным к югу от Гиндукуша. Также в Саразме найдены сероглиняные сосуды с пролощенным орнаментом, имеющие североиранское происхождение. В небольшом количестве прослежены и традиции кельтимианской неолитической культуры Юго-Восточного Приаралья.

На поселении вскрыты 6 печей для обжига посуды. Они представлены двумя типами: круглая открытая и двухкамерная одноярусная с углубленной топкой, расположенная вдоль обжигательной камеры.

4.2. Хозяйство

Основу экономики жителей Саразма составляли земледелие (как поливное, так и багарное) и скотоводство (разведение мелкого и крупного рогатого скота с преобладанием первого), но едва ли не меньшее значение имели здесь различные специализированные производства и, в первую очередь, металлургия и металлообработка. С конца IV тыс. до н.э., Саразм был одним из крупнейших центров древней металлургии Центральной Азии. Минеральные ресурсы горных цепей верхнего Зеравшана весьма разнообразны. Здесь встречается золото, серебро, медь, свинец, ртуть, олово, бирюза и др., а водная артерия открывает широкий доступ к их добыче.

Согласно результатам химических анализов металлических изделий поселения, их основой является медь (89,3-96,6 %); содержание мышьяка доходит до 3,3 %, а олова – до 1,6 %. Надо полагать, что саразмийцы добывали медную руду, а также компоненты для производства бронзы недалеко от места своего обитания – месторождения Ёри, Канчоч, Джилау, находящихся в 40-50 км к востоку от поселения. Возможно, для экспорта был изготовлен, найденный в Саразме свинцовый слиток весом почти 10 кг. Производство металлических предметов зафиксировано в течении всех периодов существования Саразма, а их разнообразие постоянно возрастает. К настоящему времени на поселении найдено более 200 металлических изделий, среди которых медные и

бронзовые ножи, кинжалы, топоры-тесла, наконечники копий, стержни с фигурным навершием, печать из свинца, золотые и серебряные предметы. Местный характер металлообрабатывающего производства засвидетельствован находками плавильных тиглей, глиняных литейных формочек, различных заготовок, а также металлоплавильных горнов.

Специализированный характер имело и производство каменных изделий. В Саразме найдено около 40 видов предметов из камня: сверла, буравчики, долота, стамески, отбойники, а также гири, отражающие определенные весовые стандарты. Уникальна цилиндрическая печать, относящаяся к IV периоду. На ее поверхности вкруговую вырезано изображение коровы или быка с длинным пышным хвостом. Высокого развития достигло ювелирное дело, в частности, изготовление различных бус и украшений. Здесь найдены отходы ювелирного производства от обработки лазурита, бирюзы и других поделочных камней. Имело место обработка кожи, прядение, ткачество и др. промыслы.

4.3. Погребальный обряд

Некрополь пока известен только для самого раннего периода Саразма. Он представляет собой захоронения в округлой каменной ограде диаметром 15 м. Внутри ограды вскрыто 5 погребений, из которых 3 – одиночных, одно – парное и одно – тройное. Последнее расположено в самом центре и, по-видимому, является наиболее ранним. Здесь покоятся женщина, мужчина и подросток. Женщина снабжена богатым инвентарем, что свидетельствует о ее прижизненном важном общественном статусе. Она была погребена в одежде, богато расшитой бусами из бирюзы, лазурита, сердолика, яшмы, известняка. Ее головной убор был также украшен бусами, среди которых есть серебряные и золотые. В волосы были вплетены низки из 49 золотых бусин. На каждую руку было надето по массивному браслету, сделанному из панциря морской раковины. В состав инвентаря сопровождавшего эту «знатную особу» входили также бронзовое зеркало с ручкой, костяное шило, 5 каменных

наверший булавок и 2 глиняные женские статуэтки. Инвентарь других погребений беден или отсутствует вовсе. Вероятно, в период возникновения Саразма женщина играла важную роль в жизни общины.

4.4. Генезис и культурные связи

Общий облик Саразма (архитектура, материальная культура, хозяйство, культы) свидетельствуют о его южном происхождении, связанном с зоной оседло-земледельческих культур. У истоков формирования зеравшанского очага рассматриваемой культуры стояли переселенцы из южнотуркменских общин, что подтверждается стратиграфически. Не исключено, что причиной такого переселения была экологическая ситуация в геоксюрском оазисе, связанная с миграцией водных потоков реки Теджен. Конкретный регион, где возникло поселение Саразм, был избран в качестве места обитания не только вследствие благоприятных здесь условий для развития сельского хозяйства, но и по причине близости к богатым источникам минерального сырья. Надо полагать, что переселенцы ассимилировали здесь и какое-то местное неолитическое население, однако этот вопрос требует дополнительных исследований.

При явной южнотуркменистанской доминанте, проявляющейся на ранних этапах развития зеравшанского центра, здесь налицо и другая линия связей, уходящая в регионы, расположенные к югу от Гиндукуша. Здесь можно напомнить, что в погребении самого раннего периода Саразма были найдены браслеты из явно привозных морских раковин, а затем на поселении стал все более распространяться стиль росписи посуды, имеющей отчетливые белуджистанские истоки. Основу таких контактов, вероятно, составляла торговля, однако, обилие и устойчивое влияние на местную керамику расписной посуды белуджистанских типов, очевидно, позволяет поставить вопрос и о древневосточных компонентах в среде саразмского населения. Однако традиция далеких импортов продолжает стойко сохраняться, о чем

свидетельствуют находки сосудов североиранского происхождения. Саразм был удивительным центром скрещения самых различных связей и торговых контактов.

Саразм функционировал как торговая колония жителей Зеравшанского оазиса. Поселение, вероятно, располагалось на стратегической позиции, контролируя как экономические ресурсы, так и торговые пути. Выявлены торгово-обменные и культурные связи населения Саразма с обитателями синхронных ему памятников Южного Туркменистана, Северного Белуджистана, Южного Афганистана и Северного Ирана. Эти взаимодействия во много определили феномен культурного комплекса Саразм.

Раздел 5

Сапаллинская культура

Археологические открытия второй половины XX в. свидетельствуют о том, что регион входит в область распространения ранних земледельцев Средней Азии. Поселение Сапаллитепа – первый памятник протогородской цивилизации данного региона, изучение которого явилось важным этапом в первобытной археологии Средней Азии. Позднее открыты поселения и могильники Джаркутан 1-5, Бустон 1-7, Молали, Миршади, храм огнепоклонников – Джаркутан, позволившие воссоздать целостную картину исторического развития во всех сферах деятельности племен протогородской цивилизации Древней Бактрии (северная часть которой находилась в современных пределах Сурхандарьинской области Узбекистана). В настоящее время на территории последней выявлено три древнеземледельческих микрооазиса – Шерабадский, Шурчинский и Бандыханский. Среди них наиболее густонаселенным в эпоху бронзы был Шерабадский сложившийся на базе двух саев Уланбулак и Бустон. В их бассейнах открыто 15 памятников протогородской цивилизации древневосточного типа второго порядка. Полевые работы археологической экспедиции Института археологии АН Узбекистана велись под руководством А.А.

Аскарова.

Сапаллинская культура в своем развитии проходит пять последовательных этапа – сапаллинский (XIX-XVIII вв. до н.э.); джаркутанский (конец XVIII-XVII вв. до н.э.); кузалинский (XVI-XV вв. до н.э.); молалинский (XIV-XII вв. до н.э.); бустонский (XII-X вв. до н.э.). Для характеристики каждого этапа культуры Сапалли имеется чрезвычайно богатый и разнообразный археологический материал из разных памятников исследуемой области, среди которых принципиальную значимость в изучении протогородской культуры Узбекистана приобретают поселение Сапаллитепа и храм огня в Джаркутане.

5.1. Сапаллитепа

Протогород представляет сильно оплывший холм искусственного образования площадью около 4 га, вытянутый с востока на запад. В центре его прослеживалась почти квадратная возвышенность, которая четко выделялась из остальной части поселения. Укрепленное ядро протогорода Сапаллитепа представляло собой квадратную в плане крепость (82x82 м), окруженную с четырех сторон как бы трехрядной стеной. На самом деле снаружи к каждой из четырех сторон внутренней стены пристраивались по два длинных коридорообразных блока с входами в них со стороны крепости. Таких обводных блоков было восемь. Свободное пространство между этими блоками и кольцевой стеной симметрично разделено поперечными стенами, в результате чего между ними образовалось восемь проходных комнат с входами из крепости, а между этими комнатами — внутренние коридоры со входами с наружной стороны крепости. Этих внутренних коридоров также восемь. Семь из них были ложными входами в крепость, а южный – центральный – подлинным входом в крепость. Все это составляло единую систему фортификации, обеспечивающую высокую обороноспособность поселения. Археологические исследования показали, что комплекс по совершенству оборонительных сооружений инженерного искусства уникальный

Внутри укрепленного ядра поселения располагались жилые дома, поквартально разделенные узкими, ведущими к обводным блокам улицами. Жилые комплексы состояли из двух- и трехкомнатных домов с одним очагом-камином. По бокам очагов располагались ниши. Если жилой комплекс состоял из двух или трех комнат (по форме – квадратные или прямоугольные), то одна из них была жилой, другая – хозяйственной, а третья имела производственное назначение. В мастерских часто размещались очаги-камины. На полах в некоторых помещениях встречены гипсовые обмазки, такие комнаты служили, как правило, для хранения зерна. В некоторых помещениях на полах обнаружены обогревательные печи – сандалы круглой формы, чаще всего с каменной облицовкой. Центральная часть укрепления осталась незастроенной, а все жилые постройки располагались вдоль стен крепости, разделившись на восемь кварталов, каждый из которых, по мнению А.А. Аскарова представлял собой социальную единицу большого общинного дома. В поселении было хорошо развито гончарное дело. Почти в каждом квартале имелись керамические печи. Исследованы 18 керамических печей различной степени сохранности. По конструкции они подразделяются на три типа: двухъярусные, двухкамерные и подземные. Изучение печей показывает, что здесь не было единой специализированной мастерской, рассчитанной на все поселение. Наоборот, в каждом жилом квартале имелись керамические печи (от одной до четырех), объединенных в квартальные мастерские, причем на всех этапах жизни поселения они сосредоточивались на определенных участках. Это позволило исследователям назвать эти участки придомными мастерскими. Следует отметить, что на керамике поселения обнаружены знаки 8 групп, что соответствует числу кварталов и числу мастерских.

Каждый жилой квартал в пределах своей территории на определенном участке имел патриархально-большесемейный могильник, где хоронились рядовые общинники, а главы каждого большесемейного дома – под полом тех помещений, в которых они жили. На поселении исследовано 138 могил. Основную массу

составляют одиночные погребения – 125 могил, в 13 могилах встречены коллективные захоронения. В четырех могилах обнаружены захоронения животных, в шести – кенотафы. Устройство могил — подбойно-катакомбного типа.

Есть случаи захоронений в хумах внутри подбойной могилы и в деревянных ящиках из досок в ямной могиле. Погребения детей производились в грунтовых ямах под полом и стенами домов.

По структуре архитектурно-планировочного пространства поселение Сапаллитепа по свидетельству А.А. Аскарова, представляло собой удачно организованный образец протогорода и его строго задуманная фортификационная планировка подчинялась идее «генерального» плана крепости, отвечая основному замыслу строителей, который вытекал из чисто практических соображений.

Обитатели поселения Сапалли являлись выходцами из Мургабского оазиса, о чем свидетельствуют общность планировки поселений и система их фортификации, продукция гончарного производства и металлургии. Поселение (точнее крепость, так как на неукрепленной части культурный слой не сохранился) функционировало три этапа, что соответствует сапаллинскому этапу и началу джаркутанского. На первом этапе была построена крепость, которая играла роль пограничного города. На втором этапе, когда была окончательно выяснена безопасность существования на данной территории, крепость утратила свой оборонительный характер, ибо фортификационные сооружения были заселены. Видимо, численность населения существенно возросла. Первоначальная планировка, размеры поселения, а также экологическая мощь микрооазиса препятствовали освоению, вследствие чего часть населения ушла из Сапалли и основала новое поселение – Джаркутан, на котором были созданы могильник, стоящий за пределами поселения и общий культовый центр — храм огня.

5.2. Поселение Джаркутан

Комплекс формировался на левом берегу Бустонсая – нижней протоки Шерабаддарьи и представляет собой ярко выраженный ад-

министративно-идеологический центр периода поздней бронзы. Огромное (на площади более 100 га) рассредоточенное поселение имело укрепленное ядро – цитадель. Раскопаны и изучены остатки монументального дворца правителя, мастерские по плавке металла и изготовлению орудий и оружия из него, жилые комплексы в пределах цитадели. Построенные на платформе из кирпича-сырца толщиной в 1,5 м. Судя по расположению очагов, в каждом дворе проживало по 2-3 пары семей. Жилища обнаружены и за пределами оборонительных стен. Примыкающие к крепости жилые массивы представляют собой руины домов отдельных патриархально-родовых коллективов. Раскопки одного из них показали, что земледельцы Джаркутана строили свои дома на высоких (от 1 до 2-х м) кирпичных платформах, предварительно оградив центральное ядро жилого массива стеной. Каждый жилой массив состоял из нескольких жилых, комплексов с производственными точками и единым культовым центром, обслуживаемым главой общины, который, видимо, одновременно являлся жрецом. Особенно примечательно открытие целой системы фортификационных элементов протогородской культуры – стены и платформы на Джаркутане.

В 1981-1984 гг. на Джаркутане был полностью вскрыт монументальный общественно культовый комплекс – *храм огня*. Это огромное сооружение прямоугольной формы (60x44,5 м), ориентированное по сторонам света. Весь комплекс обнесен мощными обводными стенами толщиной 4,5 м. Центральная часть комплекса представляет собой монументальную платформу (31x13 м), выстроенную из кирпича. Толщина платформы 1,25 м, она состоит из восьми рядов кирпичной кладки. Функционально храмовый комплекс разделяется на три части: культовую (святилище), хозяйственно-производственную (мастерские) и служебную. Культовая, т.е. сакральная и хозяйственно-производственная части разделены стеной, в южной части которой располагались вход в святилище через южный обводной коридор. Парадный

вход в храм также находился здесь, он оформлен в виде двухсторонней ниши в теле южной обводной стены. Проходная часть его, как и вся площадь входного двора – вестибюля, была выстлана гравием.

Доминирующее положение в комплексе занимала культовая часть храма – место поклонения, которая разделяется на собственно святилище и сокровищницу. В святилище входило — сакральная платформа с главным алтарем под «чартаком», хранилища священной золы с двумя боковыми комнатами и двор святилища. Сокровищница для хранения храмовых реликвий и приношений расположена в северо-восточной части храма, в виде идущих параллельно друг другу восьми коридоров одинакового размера (длина 7,05 м, ширина 0,9, толщина стен 1,01 м). В заполнении при расчистке этих помещений была обнаружена керамика преимущественно серии тарных сосудов.

Прихрамовое хозяйство состояло из 9 помещений разных размеров, двух коридоров с самостоятельным входом в комплекс в западной обводной стене. Вход предназначался для обслуживающего персонала, наличие его в хозяйственно-производственной части храма подчеркивает парадный характер главного входа, который, по всей вероятности, функционировал только в дни приема жречеством посетителей. В середине комплекса с юга на север проходил осевой коридор длиной 22 м при ширине 1,5 м. На северном конце он завершался огромным хозяйственным двором, на южном замыкался Г-образным коридором, ведущим к выходу через западный проем. Здесь были вскрыты два узких помещения (4x1,5 м) сообщающиеся между собой через сквозной проход. Доступ к ним при строительстве храма предусматривался со стороны Г-образного коридора. На дне, под западной стеной одного из помещений обнаружены три стоящие необожженные глиняные схематические статуэтки (они отнесены к кузалинскому времени, т. к. аналогичные известны в

погребениях этого периода). В западной части описываемого, комплекса выявлена целая система храмового хозяйства: скотный двор, винодельня, металлургическая мастерская, мастерская по изготовлению глиняных статуэток, функционировавшие, вероятно, для удовлетворения потребностей храма. Во время раскопок хозяйственно-служебной части в одной из комнат были обнаружены следы приготовления священного напитка огнепоклонников. Пол и стены комнаты были обмазанные слоем красноватого гипса. На полу находился закопанный по горло в землю хум. К нему с двух сторон были подведены гипсовые канавки. Рядом с хумом находился культовый сосуд в форме птицы. В самом центре комнаты был установлен круглый алтарь. Планировочная структура храма, заложенная при его строительстве, на всех этапах оставалась без существенных изменений. Джаркутанское святилище исследователи связывают с храмом огня, о чем свидетельствуют остатки центральных алтарей квадратной формы, погребение священной золы, переносные алтарики из керамики и камня. Культ огня проявлен во всех сферах жизни древних общинников. Это подтверждается остатками придомных круглых алтарей, наличием окрашенных в красный цвет культовых сосудов (сосуд-птица, цилиндрические погребальные «оссуарии» с конической крышкой, votivные сосудики ручной лепки) и погребальных глиняных статуэток из кенотафных могил. Культ огня здесь повсеместно сочетается с культом воды (священный колодец).

По зороастризму, духовное очищение и изгнание злых духов с помощью огня как физическое очищение от нечистоты с помощью воды, считалось каноном, поэтому сочетание культа огня и воды как источников тепла и влаги в ритуалах джаркутанского храма получило свою материализацию. Исследование этого уникального комплекса позволяет проследить истоки сложения зороастрийского учения, первоначально зародившегося как культ огня и отнести его к

третьей четверти II тыс. до н. э. Храм был возведен в XV в. до н.э. на месте древней крепости. В это время происходят коренные изменения в жизни жителей Джаркутана. Они перестают хоронить умерших у себя в домах; за пределами "города" появляются отдельные некрополи.

Заброшенные более трех с половиной тысяч лет тому назад поселение Сапаллитепа, поселение, храм и могильники Джаркутан, Молали, Бустон и др. сохранили в почти непо потревоженном состоянии и древние строения, и могилы усопших, и целые серии великолепных вещей, всесторонне характеризующих быт и культуру древних сапаллинцев. За время проведения археологических исследований в Сапаллитепе, Джаркутане и на территории ещё 20 подобных им холмов, был собран очень богатый материал, характеризующий хозяйственно-экономическую и культурную жизнь оседлых земледельцев протоурбанистической цивилизации.

Ниже для воссоздания общей картины развития культуры Сапалли мы приводим по этапам описание погребального обряда, материальной культуры (керамика, орудия и вооружение, украшения и предметы туалета и др.) и хозяйства.

Погребения различных хронологических этапов четко отличаются друг от друга по инвентарю и стратиграфии захоронений, хотя иногда поздние могилы были опущены и более ранние. Устройство могил (подбойно-катакомбное, ямное) и основные детали обряда захоронений (скорченность скелета и трупоположение мужчин на правом боку, женщин – на левом) во всех этапах устойчиво повторяются, что связано с принадлежностью захоронений всех этапов к единой культуре. Другие же признаки: стандартность погребального инвентаря каждого этапа, особенности погребального ритуала, изменения господствующей ориентации скелетов, стратиграфия могил свидетельствуют о разновременности захоронений.

Мы опускаем описание погребений сапаллииского этапа,

так как он дан выше при характеристике поселения Сапаллитепа. Следует лишь отметить, что если у сапаллинцев погребения совершались прямо на поселениях, то у джаркутанцев и поздних племен «жилища мертвых» отделяются от «жилищ живых». У них появляются кладбища на высоких холмах, что свидетельствует об особых верованиях джаркутанцев, возможно, об отделении в их сознании земной жизни от загробной. С этого же периода размеры, глубина и место могил на могильниках зависели от общественного положения и возраста погребенных.

Могилы *джаркутанского* этапа, в основном, представлены одиночными захоронениями. Ориентация скелетов – северная и северо-западная. Погребальный инвентарь могил джаркутанского этапа богатый. В могилах встречаются от одного до 30 керамических сосудов. В некоторых сосудах обнаружены остатки пищи, встречены кости жертвенных животных (мелкий рогатый скот).

В погребениях джаркутанцев отмечены кенотафные и одиночные детские захоронения. Характерным признаком захоронений джаркутанского этапа является преобладание богатых женских могил, свидетельствующих, возможно, о значительных пережитках матриархата.

Могилы *кузалинского* этапа представлены также одиночными захоронениями, детскими погребениями и кенотафами. Среди могил кузалинского этапа встречаются останки, лежащие на спине с поднятыми коленями и в сидячем положении. В погребениях, в основном, преобладает западная ориентация. Начиная с кузалинского этапа, умерших детей хоронят строго по ориентации взрослых. Особенностью кузалинского этапа является резкое сокращение погребального инвентаря и строгая стандартизация сосудов, а также появление votивных предметов параллельно с предметами бытового и производственного назначения. Традиционным в погребальном ритуале является наличие жертвенной мясной

пищи. В расстановке сосудов с погребальной мясной пищей, начиная с кузалинского этапа, наблюдается определенная закономерность. Сосуды с мясной пищей (задняя нога овечьей туши, лопатка, грудинка) ставятся у ног покойного. В погребальном обряде, начиная с этого времени, находит отражение культ огня (угольно-зольная прослойка наблюдается над могилами, встречена на полу входного проема камер).

В кузалинском этапе и в последующих этапах наблюдается постепенное обеднение женских захоронений: уменьшается количество керамических изделий, украшений, металлических предметов при параллельном обогащении мужских захоронений. В кузалинском этапе число изделий из металла резко увеличивается в мужских могилах, что свидетельствует об укреплении положения мужчины в обществе.

Могилы *моллалинского* и *бустонского* этапов являются, в основном, одиночными захоронениями, встречаются и парные захоронения, имеются детские захоронения в хумах. В конце этого периода, на могильнике появляются отдельные участки (обычно на краю могильного холма) детских захоронений. Господствующей ориентацией погребенных для моллалинского этапа являются юго-западная и западная.

Если на трех предыдущих этапах культуры сапалли традиционным ритуалом было трупоположение, то на моллалинском и бустонском появляются трупосожжение, фракционные захоронения, а также погребения расчлененного человека, т. е. вторичное захоронение.

Количество и состав погребального инвентаря в это время резко сократились. В могилах встречаются в среднем от 1 до 6 сосудов. Почти исчезают бытовые предметы из бронзы, их заменяют вотивные образцы. В женских могилах появляются бронзовые бусы.

Говоря об особенностях обряда захоронения, следует отметить, что огонь играл важную роль в погребальном обряде на заключительном этапе развития сапаллинской культуры.

Так, на могильнике Бустон VII наблюдались такие явления, как угольная подстилка, зольники над могилой, кострища между могилами и серия костров, окаймляющих могильник.

На всех этапах сапаллинской культуры в погребальном обряде устойчиво повторяются *кенотафы*. В археологической литературе утвердилось устойчивое мнение, что могила без костных останков, это «кенотаф», хотя слово кенотаф в переводе с греческого означает «пустая могила». Между тем, кенотафы, с которыми имеют дело археологи, пустыми не бывают. Обычно, это такая же могила, как и другие того времени и места, тех же размеров и устройства, с тем же составом находимых вещей, так же расположенных. В ней нет только костей человека. В комплексах культуры Сапалли известны погребения, в которых место, где обычно находится скелет человека, оставалось пустым, а в других случаях было занято скульптурным изображением человека («кукла») или было занято скелетом барана, причем зачастую животные лежали на правом боку, в скорченном положении, что характерно для мужских погребений. Находки погребений животных являются показателем того, что они (овца) помимо хозяйственного значения играли важную роль в религиозном культе. Ритуальные скульптуры, вероятно, воплощают дух предка и являются символом наследования качества умершего.

Надо полагать, что во всех кенотафах погребали какое-то подобие умершего (кукла, чучело и пр.), соблюдая при этом полагающиеся обряды и снабжая его пищей и другими предметами. Возможно, кенотафы были иногда лишь частью иных более сложных погребальных обрядов и культов (ритуальный каннибализм), или назначение кенотафов определялось социальным статусом погребенного и характером смерти (не естественная, в бою на чужбине и т. д.). На современном этапе исследования назначение кенотафов нельзя трактовать однозначно.

Для суждения о развитии сапаллинского общества

существенный материал дают *детские захоронения*.

Многие исследователи отмечают ряд обрядов у разных племен, связанных с табуизацией детской смертности, чем, по-видимому, объясняется нахождение детских захоронений в случайных местах, вне территории могильников, несоблюдение в них традиционных ритуалов и т. д. Подобное явление довольно четко прослеживается на сапаллинском этапе. На поселении Сапаллитепа сопровождающий инвентарь в детских могилах состоит из одного-двух мелких сосудов.

В джаркутанском этапе уже отмечаются некоторые изменения в ритуале детских захоронений. В них появляются более крупные сосуды, а в отдельных случаях даже металлические предметы, что, видимо, свидетельствует о выделении в обществе особого привилегированного слоя.

В кузалинском этапе детские захоронения становятся еще более богатыми. Так, в них найдено уже до семи предметов, в основном, крупных размеров и лучшего качества. Вероятно, эти факты свидетельствуют о дальнейшем развитии парно-семейных отношений внутри большой патриархальной семьи, упрочении социально-экономических позиций малых семей.

В детских захоронениях моллалинского этапа сопровождающий инвентарь доходит до 8 экземпляров, а в бустонский период – до двух. Важным обстоятельством является присутствие в отдельных детских могилах принесенных в жертву животных, наличие которых, наряду с богатым инвентарем (украшения, votивные бронзовые предметы) указывает на определенную классовую дифференциацию.

В погребальном обряде сапаллинцев привлекает к себе внимание еще одно немаловажное явление, связанное с постепенной, но неуклонной тенденцией уменьшения количества инвентаря в могилах всех этапов.

5.3. Некрополь Бустон VI

Среди погребальных памятников Сапаллинской культуры своей экстраординарностью выделяется полиритуальный комплекс Бустон VI, который представляет яркую самобытную, сложную картину происходивших процессов (вторая половина II тыс. до. н.э.), отразивших проникновение новых этнических групп в среду населения сапаллинского общества. Антропологический анализ свидетельствует о неоднородности населения, оставившего некрополь, а структура общества предстает динамичной и достаточно сложной.

За 14 полевых сезонов³ исследовано более 500 объектов различного назначения и разной степени сохранности: ингумация, трупосожжение, символические, фиктивные и кенотафные погребения, остатки тризны, восемь сырцовых полуназемных сооружений для кремации, девять сакрализованных площадок, где совершались обрядовые действия, предписанные традицией, множество грунтовых алтарей, кострищ. Прослеживается комплекс новаций культурных показателей погребально-ритуальной системы, отражающих изменение сапаллинских стереотипов, что, безусловно, обусловлено инокультурными импульсами. Приток нового населения, выходцев из степной части Евразии и севера Средней Азии существенно изменил порядок жизни бустонского общества, способствовал постепенной трансформации древних обычаев, традиций, что повлияло на сложение новой мировоззренческой системы, в которой преобладало наследие ранних номадов. Проблема взаимоотношений древних земледельцев со степными сообществами — это проблема не только взаимодействия двух чуждых миров, но и проблема культурогенеза цивилизации Бактрии, которая формировалась на многокомпонентной основе. Допустимо утверждать, что проникновение степного

---

³ Изучение некрополя проходило в рамках учебно-производственной полевой практики студентов исторического факультета СамГУ под руководством автора.

населения отражает, прежде всего, глубокий внутренний кризис, имевший место в земледельческих оазисах, связанный с ухудшением демографической и экономической ситуации. Необходимо учитывать, что в рамках всей доисторической Бактрии древние земледельцы не были едины. Культурная ситуация в целом соответствует обстановке, сложившейся на всей территории доурбанистических центров Средней Азии. Новое население, оставившее глубочайший след, оказало серьезное влияние на обитателей региона и, очевидно, была ассимилирована в бустонскую среду, что способствовало консолидации всего общества. Воздействие иноэтнического населения было многофакторным и достаточно эффективным. Сформировалась система отношений, в основе которой лежали: 1) непосредственное взаимодействие культур с одновременным оседанием; 2) продвижение отдельных групп с запада и севера на юг, обусловленное особенностями сырьевых ресурсов разных территорий; 3) не исключается и оккупация, вызванная последствиями аридизации климата. Характер и интенсивность связей имеют определенную пространственную обусловленность. Основное направление контактов связано с Урало-Казахстанскими сообществами. Выявлены срубно-андроновские диагностируемые признаки в материальной культуре и погребальном обряде. Влияние указанных племен существенно трансформировало культурные ценности населения и весь облик сапаллинской культуры. Взаимодействие привело не только к культурно-экономическому, но и социально-политическому воздействию на обитателей СК и во многом определило ход историко-культурного развития культуругенеза Бактрии.

На фоне других памятников СК комплекс Б VI выгодно выделяется обилием сложнейших погребальных культов, типичный для мира степных племен, нашедших свое выражение в огненных ритуалов. Появление их не связано с внутренними тенденциями развития сапаллинского общества, а

является следствием внешнего воздействия. Неординарный характер данного памятника определяется поливариантностью его похоронного цикла, который во многом не соответствует сапаллинскому погребальному канону. Новые, не традиционные обрядовые действия (огонь и его проявление) невозможно вывести из предшествующих этапов СК. Действием степного фактора можно объяснить дифференцированный подход к совершению погребально-ритуальной практики, распространение новых форм обрядности. Материалы, полученные при исследовании могильника Бустон VI, ставят интересные проблемы (изменение идеологии, нашедшее отражение в погребальном механизме, и др.), хотя не всегда разрешимые. Они демонстрируют разнообразие, как в способах захоронения, так и культовых действиях, связанных с ними, и свидетельствуют, таким образом, что мир идеологических представлений бустонцев был достаточно сложен. Стадиальные особенности Б VI характеризовались в духовной сфере появлением монофункциональной мелкой пластики.

Бустонская система обрядности не сводится к простому симбиозу погребальных традиций СК. Она абсолютно оригинальна и строго регламентирована устойчивыми канонами, где особое место занимают огненные ритуалы, а всю обрядовую практику пронизывает символика. Самобытность Б VI проявляется не столько в оппозиции по отношению к сапаллинским древностям, сколько в ярких проявлениях срубно-андроновских традиций, о чем свидетельствуют нарастание в обрядовом и инвентарном комплексе черт степных элементов. Инновации, фиксируемые в культовой практике Б VI (кремация, фракционные захоронения, обильное жертвоприношение животных, иногда и человеческое, каменные конструкции устройства камер и надмогильных сооружений, наличие сакрализованных могил и. т.д.), говорят о включении номадов Евразии в орбиту культурных и этнических

контактов с земледельцами доисторической Северной Бактрии. Наиболее очевидные последствия такого взаимодействия проявились в системе погребальной обрядности. Уже на ранних этапах формирования саппалинской культуры в нее были вовлечены представители доандроновского (петровчане), а затем срубно-андроновское население. Наличие последних, их количественное соотношение показывает степень участия степных групп в механизме формирования нового явления в конце II тыс. до н.э. Этот период ознаменовался существенными изменениями во многих сферах жизни бустонского общества. Наблюдаются не только новые проявления ритуально-обрядового характера, но и направление экономической деятельности системы жизнеобеспечения — утверждение скотоводческо-земледельческого хозяйства.

Особо подчеркнем, что Б VI, с одной стороны, кардинально отличается от раннесаппалинских древностей, а с другой — генетически связан с ними. Именно на финальном этапе своеобразным стержнем дальнейшего исторического развития стали степной культуригенез и возрождение местных раннесаппалинских традиций в ритуале и инвентаре.

Самобытность Б VI определяется некоторыми ключевыми позициями: 1) заметное изживание саппалинских культурных стереотипов было вызвано ростом влияния степных племен; 2) обнаруженные кардинальные изменения в размещении погребений по кольцевой планировке, что соответствует подкурганым пространственным организациям степных племен; 3) количественное преобладание металлических изделий степного типа над изделиями древних земледельцев; 4) нарушение канонических диагностируемых признаков погребального обряда — скорченное положение женщин на левом, а мужчин на правом боку, являющееся традиционной нормой для ранних этапов СК; 5) появление атипичных захоронений: фракционные и оскверненные погребения, человеческие жертвоприношения, в сидящем положении, поза

“всадника”); 6) возникновение такой локальной особенности в обрядовом ритуале, как включение в могилу строго регламентированного набора монофункциональных глиняных поделок, являющиеся пластической материализацией индоиранской мифологической системы; 7) усложнение погребальной практики и многообразие ритуальных церемоний; 8) появление новых типов керамики, не характерных для предшествующего субстрата, наличие отдельной группы сосудов с генетической подосновой ранних образцов СК; 9) появление в культово-обрядовой практике и материальной культуре своего рода новосапалли-джаркутанского ренессанса; 10) изменение функций могильника, где не только хоронили, но и использовали его как святилище – выявлены места локализации церемониальных обрядов; 11) сочетание традиций и новаций, характерное как для обряда, так и материального мира; 12) наличие объектов поминального цикла с обильным жертвоприношением; 13) многочисленные следы ритуальной деятельности с использованием огненного культа как очистительной стихии; 14) тенденция к наибольшей распространенности обряда кремации на бустонском этапе.

Исследования могильника Бустон VI позволяют говорить о выраженной обрядовой полиритуальности, что, на наш взгляд, является отражением социальной (наличие ранжированности) и этнической неоднородности структуры бустонского общества, активизировавшей механизм бактрийского культурогенеза, но в то же время свидетельствует о преемственности СК. Бустонский феномен носит отчетливую печать синкретического своеобразия, с позиций общего анализа культурно-исторической ситуации становится ядром, генерирующим новые стереотипы, получившие воплощение в период урбанистической Бактрии.

Изучаемый могильник является одним из наиболее репрезентативных памятников эпохи поздней бронзы, кардинально изменивших представление об истоках и

содержании цивилизации Бактрии.

5.4. Материальная культура

Керамика сапаллинской культуры на всех этапах состоит из категорий столовой, бытовой, тарной и кухонной посуды. По технико-технологическим признакам всю керамику можно разделить на лепную и гончарную.

На *сапаллинском* этапе 95% посуды изготовлено на гончарном круге. Вся она имеет хороший равномерный обжиг, что свидетельствует о большом опыте мастеров-керамистов, краснофоновая, единичными экземплярами представлена сероглиняная керамика (вазы на поддоне, чаши со сливом, чайники с длинным трубчатым носиком и т. д.). Гончарная посуда делится на вазы и кубки, хумы и кувшины, чайники и горшки, чаши и блюда и т. д. Каждая категория сосудов, в свою очередь, подразделяется на типы и варианты. А.А. Аскарковым выделено для этого этапа 13 категорий, 25 типов и около 50 вариантов керамики.

Ленной посуды относительно мало – это массивные плоские сковородки, толстостенные хумообразные котлы. Тесто сосудов с примесью дресвы, поверхность сильно закопчена.

Все сосуды сапаллинского этапа без наружных украшений. Однако на поверхности большой группы кувшинов крупных размеров, отдельных кольцевых подставок и чайников имеются знаки мастеров в виде крестов, полуovalов и т.д. Эти знаки наносились небрежно тупым или острым инструментом по серой глине.

В керамике *джаркутанского* этапа заметно огрубение форм по сравнению с керамикой предшествующего сапаллинского этапа. При анализе керамики жаркутанского этана, как кухонной, так и параднoстоловой, выявлено 13 категорий сосудов с многочисленными типами и вариантами, их около 30. Ведущие формы керамики – вазы с коническими

резервуарами, имеющие в отличие от сапаллинского периода более грубую отделку, иные пропорции ножки, более мелкий резервуар; кубки крупнее, чем сапаллинские, с суживающимся в верхней части устьем; чайники с носиками различных типов, в первую очередь клювовидными и сливчатыми. Встречаются также банкообразные цилиндрические сосуды, конические чаши, пиалы, кувшины, хумчи. На плечиках отдельных сосудов имеются знаки – метки мастера-изготовителя. На джаркутанском этапе к представленным ранее категориям посуды прибавляется лишь категория сосудов ритуального назначения. Последние представлены кубком с изображением оленей и «курильницей». Большинство сосудов краснофонные, но встречаются отдельные экземпляры серых сосудов, например, яйцевидные кувшины с узким катушкообразным горлом и т. д.

Лепные сосуды – сковородки, большие горшки типа котлов, полусферические чаши, небольшие чайники и т. д.

Кузалинский керамический комплекс состоит из 10 типов и 28 вариантов. Все сосуды покрыты хорошо заглаженным плотным светлым ангобом, поверх которого нанесено вертикальное и горизонтальное литейное лощение. В этот период исчезает ряд форм, характерных для джаркутанского этапа (конические чаши, кубки, чайники, чаши со сливом, плоские блюда, вазообразные чаши), а также сероглиняные сосуды. Исчезают знаки-метки на керамике. Появляются новые типы мисок, горшков, банок, кувшинов. Сильно видоизменяются вазы. Ведущую форму составляют вазы на высокой балясинообразной ножке с загнутым вовнутрь под острым углом краем венчика, кувшины с прямым широким развернутым венчиком, горшки на поддоне и банкообразные сосуды. На плечиках отдельных кувшинов появляются параллельные горизонтальные линии, иногда между линиями – зигзаг.

Категория ритуальных сосудов представлена единичными

сосудами цилиндрической формы с манжетовидным венчиком и прорезными прямоугольными и треугольными отверстиями в стенках. Поверхность покрыта прочерченной геометрической орнаментацией в виде свисающих треугольников, ромбов, насечек. В это время появляется и степная лепная керамика.

Керамика *молалинского* этапа представлена 11 типами и более 60 вариантами. Керамика, изготовленная на гончарном круге быстрого вращения, по-прежнему занимает ведущее место. Сосуды становятся более мелкими, снаружи покрыты темно-красным и зеленоватым ангобом. Сильно видоизменяются вазы на высоких ножках, кувшины и горшки. Исчезают вазы с балясинообразными ножками и кувшинами, покрытые густым слоем светлого ангоба. Появляются вазы на низких плоских массивных ножках, мелкие горшкообразные кувшины с высокими горловинами, приземистые биконические и сфероконические горшки, чашечки, хумчи, крышки, банкообразные сосуды с подкошенным дном. Особую картину керамических изделий составляют подставки.

Количество форм лепных сосудов ограничено, – это толстостенные массивные сковородки с невысоким бортиком, толстостенные котлы типа корчаг, относимые к категории кухонной посуды, и лепная керамика эпохи поздней бронзы, характерная для северной степной части Средней Азии.

Вся керамика *бустонского* времени сделана на гончарном круге. Характерные признаки: покрытие сосудов густой красной краской или ангобом красных оттенков. Бустонский керамический комплекс представлен категориями столовой, бытовой, тарной кухонной посуды и ритуальных сосудов. Последние изготовлены на гончарном круге, покрыты красной краской, но не обожжены. В керамике бустонского времени ведущее место занимают горшки, затем ритуальные сосуды и миски. Оставшиеся типы сосудов количественно представлены значительно меньше. Это крынки, кувшины, вазы. Бустонский комплекс, с одной стороны, генетически связан с керамикой

предыдущих времен, особенно молалинской. С другой, он настолько своеобразен, что позволяет характеризовать его как переходный элемент от культуры Сапалли к культуре древнебактрийского времени.

Изучение керамики и ее производства по каждому хронологическому комплексу позволяет проследить этапы развития культуры, место и роль гончарного ремесла в экономике древних земледельцев.

На ранних этапах (сапаллинская и джаркутанская) культуры в керамическом производстве наблюдаются традиции, характерные для керамики Мургабской культуры времени раннего Намазга VI. Но начиная с кузалинского этапа, в керамическом производстве происходит качественно новый скачок, способствовавший подлинному расцвету гончарного ремесла, что характерно для всех последующих этапов культуры. Масштабы производства керамики намного возросли, что привело к отказу от ранних конструкций печей (однокамерные двухплощадные и полуподземные печи) и переходу к использованию усовершенствованной конструкции двухъярусных печей, более продуктивных. Гончарная мастерская, исследованная на поселении Бустон 4, по характеру организации и производственному потенциалу (полезная площадь печей возросла в 6-7 раз) принципиально отличается от придомных мастерских (поселение Сапаллитепа), указывает на специализацию гончарного производства и приобретения его продукцией явно товарного характера, что позволяет говорить о начале перехода от «домашнего», ремесла к ремесленному производству.

Орудия и оружие. Несмотря на большую роль бронзы в производственной деятельности в поселениях сапаллинской культуры на раннем ее этапе изделия из камня занимали еще значительное место. Набор оружия довольно разнообразен; наконечники стрел и копий, изготовленные из камня, кости и металла, боевой топор, каменные и глиняные ядра или пращи.

Орудия представлены ножевидными пластинками, скребками, зернотерками, ступками, пряслицами – каменными и глиняными. Из бронзы известны: двулезвийные черешковые ножи, тесла-теши, долото, спицы, иглы, шилья, вязальные крючки.

На джаркутанском этапе в эту категорию, входят неизвестные ранее бронзовый кинжал и жезлообразные предметы (бронзовые навершия рукояток).

На кузалинском этапе число орудий производства и оружия по сравнению с предшествующими этапами резко сокращается. Продолжают бытовать кремневые наконечники стрел, биконические пряслицы, иглы, шилья, появляются бронзовые черешковые однолезвийные ножи.

Феноменом сапаллинской культуры, начиная с кузалинского этапа, является появление в могильных комплексах вотивных бронзовых изделий, где кухонная утварь представлена в виде полусферических котлов, жаровни, поварешки с ручкой: орудия – тесла, топоры, серпы, двулезвийные и однолезвийные ножи, бритвы и т. д. Все они являются миниатюрными копиями моделей производственного и бытового инвентаря. В литературе утвердилось мнение, что появление символических бронзовых изделий в сапаллинской культуре свидетельствует о более расчетливом использовании сырья для изготовления орудий труда и оружия вследствие кризиса металла.

Отметим лишь, что они были частью более сложных погребальных обрядов и культов древних обитателей Северной Бактрии. На сапаллинском и джаркутанском этапах, в соответствии с наивно-реалистическими представлениями, что после смерти жизнь продолжается в ее реальных формах, умершего погребали в реальном «жилище», в одежде, в могилу клали реальный бытовой и производственный инвентарь, а не вотивный. На кузалинском этапе, видимо, происходят изменения в идеологических представлениях. Эти изменения,

несомненно, должны быть отражены в общественной структуре общества и в хозяйстве. Можно допустить, что назначение вотивных предметов престижно-символическое. Их появление можно связать и с утверждением патриархальных отношений, когда необходимость сохранения имущества в роде заставило делать их модели или миниатюрные копии. Таким образом, однозначного решения пока найти трудно.

Украшения, предметы туалета и культового назначения. В коллекции вещевого инвентаря сапаллинской культуры выделяется большая серия предметов, которые принято называть предметами туалета и украшениями.

В набор предметов туалета на сапаллинском этапе входят бронзовое зеркало (круглое, с выступающей длинной ручкой, зеркала без ручек), сурьмадон (миниатюрный графинчик), лопаточка (без ручки), деревянный гребень и т. д. Наибольший интерес представляют украшения, которые состоят из каменных бус, бронзовых браслетов, серег-подвесок, булавок и др. Богатый комплекс каменных бус изготовлен из таких благородных камней, как лазурит, сердолик, агат, оникс, бирюза. Значительное число бус изготовлено из коралла и известняка. Встречаются отдельные экземпляры бус из мрамора, кварцита, змеевика и диабазы. Типологически они делятся на бусы, бисер, бусы-подвески и бусы-пуговицы.

Особый интерес представляют в наборе украшений булавки, которые типологически представлены: булавки-печатки с розетковидным навершием, гвоздеобразные булавки с биконической и конической шляпкой, булавки с кулакообразным навершием и булавки с фигурным навершием (азиатский муфлон).

К предметам культового назначения относятся подвески с изображениями животных и печати. Последние известны из камня, терракота и бронзы. По форме подразделяются: овальные, крестовидные, розетковидные и печати-булавки.

На джаркутанском этапе почти все аксессуары женского

туалета сохраняются. Печати представлены только двумя типами с изображением орла и восьмилепестковая розетковидная печать с геометрическим орнаментом. Все они изготовлены из бронзы.

В комплексе джаркутанского периода появляются такие новые предметы культа как глиняные статуэтки, изображающие людей, фигурки животных.

Статуэтки изготовлены из глины и высушены на солнце. Фигурки исполнены схематично. Исключение составляет каменная статуэтка жабы. Украшения и предметы женского туалета кузалинского этана по назначению менее значительны, это булавки, браслеты, височные колечки и каменные бусы.

Наибольший интерес представляют булавки-шпильки. По оформлению навершия они подразделяются: подквадратная печать; цилиндрической формы, с гвоздеобразной округлой шляпкой и конической головкой. Браслеты и височные колечки не отличаются от таковых предыдущего периода, за исключением одного желобчато выпукло-вогнутого браслета с несомкнутыми концами, что характерно для степных памятников.

Каменные бусы остаются наиболее многочисленной категорией украшений, однако количество форм и сырье на кузалинском этапе сокращается. По форме они делятся на каплевидные, эллипсовидные и цилиндрические. Все бусы каплевидной формы изготовлены из лазурита, а остальные – из кальцита и яшмовидной породы камня. Появляются бронзовые бусы и бисер цилиндрической и биконической формы.

На молалинском и бустонском этапах украшения и предметы женского туалета очень редки. Из бронзы встречаются проволочные браслеты и височные кольца. Каменные бусы в своем большинстве представлены каплевидной формой из лазурита. Встречаются также короткоцилиндрической, ромбической и овальной формы из агата и кальцита.

Интересен факт присутствия в молалинском комплексе мраморной округлой двудырчатой пряжки, которая характерна для степных комплексов Евразии.

5.5. Экономика

Хозяйство носителей культуры Сапалли можно определить как земледельческо-скотоводческий тип с высокоразвитым домашним производством. Обработка почвы производилась роговыми и каменными мотыгами. Не исключено, что существовали и деревянные упряжные пахотные орудия. Подтверждением этому служит каменный наконечник сохи, найденной на поселении Джаркутан.

В Сапаллитепа высоко была развита техника возделывания зерновых культур, о чем свидетельствует наличие около 600 зернотерок и более 80 терок, найденных во время раскопок. Техника переработки сельскохозяйственных продуктов заметно отставала от техники возделывания зерновых культур (карликовая пшеница, ячмень, виноград). Дельта реки Шерабаддарьи, а также саев с мощным гумусированным слоем были наиболее благоприятны для развития орошаемого земледелия.

Охота, как и скотоводство, имела второстепенное значение в жизни обитателей поселений культуры Сапалли. Удельный вес орудий, связанных с обработкой продуктов охоты и животноводства, по сравнению с изделиями земледелия невелик – 4%. Но набор этих орудий разнообразен.

Преобладающее число домашних животных составляет мелкий рогатый скот (овца) (63%). Второе место по количеству занимает крупный рогатый скот (28%) — коровы. Ослы и свиньи на поселении были немногочисленны (по 3%). Наиболее интересен факт – наличие среди домашних животных верблюда. Приручение верблюда и осла указывает, как высоко было развито скотоводство в его пастушеско-придомном хозяйстве.

Домашнее производство на всех этапах развития сапаллинской культуры было разнообразным. Встречается много ремесленных орудий – подшипники для лучковых сверл и каменного станка, наковальни, пряслицы, тесла, долото и т.д. По уровню развития домашнее производство Сапаллитепа на жаркутанском этапе перерастает в ремесло. Возможно, стали существовать несколько групп профессиональных ремесленников – металлурги, гончары, ткачи и т. д. На уровне ремесла также были развиты обработка дерева, кости, мукомольное производство и домостроительство, о чем свидетельствуют комплекс археологических материалов.

Таким образом, сложный тип архитектурной планировки поселений и храма, высокое развитие отдельных отраслей ремесленного производства, прослеженная имущественная дифференциация погребенных позволяет охарактеризовать сапаллинскую культуру как южноузбекистанский очаг древнебактрийской протогородской цивилизации древневосточного типа второго порядка.

Раздел 6

Бактрийско-Маргианская археологическая культура (БМАК)

Сокращение поселений в подгорной полосе Южной Туркмении в период Намазга V по времени совпало с появлением высокоразвитой культуры в дельте реки Мургаб (будущая Маргиана) и по среднему течению Амударьи (западная часть будущей Бактрии). В настоящее время здесь известно свыше 200 памятников бронзового века.

Большинство поселений расположено вдоль веерообразно расходящихся водотоков речных дельт, где были наиболее плодородные гумусированные почвы и имелись наиболее благоприятные возможности для развития высокопродуктивного ирригационного земледелия и скотоводства. Поселения располагались группами, образуя отдельные оазисы,

вероятно, базировавшиеся на общих источниках водопользования.

Поселения имеют разные размеры. Самые маленькие из них едва достигают нескольких десятых гектара, а самые крупные занимают площадь в 50 га и более, однако последние единичны (Гонур в Маргиане, Джаркутан в Бактрии). Обычно крупные поселения имеют размеры в 8-12 га, Наиболее многочисленные поселения имеют площадь до 5 га. Крупные поселения являлись центрами отдельных оазисов.

6.1. Материальная культура

Поселения доисторической Маргианы и Бактрии делятся на два основных типа: неукрепленные и поселения с крепостями. Неукрепленные поселения застраивались многокомнатными домами с помещениями жилого и хозяйственного назначения, разделенными небольшими улицами или группирующимися вокруг дворов. Они принадлежали рядовым сельским общинникам.

Крепости представляют собой тип монументальной архитектуры, неизвестной в подгорной полосе Копетдага, и являются отличительной чертой бактрийско-маргианского зодчества. Их ограждающие системы построены по единому плану, с соблюдением законов симметрии, чаще всего имеют вид квадрата (Келлели 3, Гонур 1, северный холм и др. в Маргиане; Сапаллитепа, Дашлы 3 в Бактрии), реже - прямоугольника (Тоголок 21 в Маргиане, Дашлы 1 в Бактрии) или круга (Дашлы 3).

Четырехугольные крепости ориентированы по странам света, обычно - сторонами, в одном случае - углами (Дашлы 3). Характерными канонами планировки являются вписанные друг в друга ограды и системы обводных коридоров. Крепостные стены обычно снабжены башнями квадратной, круглой, полукруглой

или прямоугольной формы, которые располагаются либо только по углам (Гонур 1, северный холм), либо только по периметру (Келлели 3), либо и по углам, и по периметру (Тоголок 21; Дашлы 1; Гонур 1, южный холм). Крепость Саппаллитепа окружена сложной системой Т-образных коридоров. Сходную планировку, состоящую из симметрично расположенных коридоров Т- и Г-образной формы, имеет и внешняя ограда квадратной крепости в Дашлы 3. Длина сторон крепостей от 80 до 140 м. Возведение таких грандиозных сооружений требовало высокого уровня знаний в математике и астрономии.

Появление крепостей, вероятно, было связано с их функцией убежища в случае военной опасности, а также явилось отражением глубоко зашедших процессов социального расслоения в обществе древних земледельцев. Отмечена особая практичность сооружений с двойными и тройными оградами. Высказаны также мнения о связи монументальных конструкций с индоевропейской концепцией устройства мира и о сходстве их планировки с мифической авестийской Варой, обителью эпического героя Йимы.

Внутреннее пространство крепостей застраивается по-разному. В северной крепости Гонур 1 вскрыты обширный зал и анфилады объединенных комнат, построенных по единому плану. В обводном коридоре крепости, на внутренней части крепостной стены, имеются квадратные пилястры, расположенные на равном расстоянии друг от друга. По мнению В.И. Сарияниди, в этой крепости, возможно, располагался дворец местных правителей.

Полностью раскопана крепость Тоголок 21, имеющая тройную ограду. С северной стороны расположен главный въезд, оформленный пилонами. Центральное пространство застроено прямоугольными помещениями с центральным двором. На стенах и полах помещений северной половины сохранилась белая гипсовая обмазка. Южная часть имела подсобное назначение. Здесь, в одном из помещений, вдоль стен

расчищены кирпичные ступенчатые возвышения, в которые прочно вкопаны большие сосуды - хумы. В результате исследования органических остатков, найденных на дне хумов, были обнаружены микроскопические частички веточек эфедры - растения, содержащего алкалоидный экстракт. На некоторых других предметах (терках, пестиках) были найдены мельчайшие остатки зерен мака. В северо-восточной части крепости, в ее наружной стене, устроены два круглых алтаря. Меньший из них заполнен толстым слоем золы. Большой алтарь представляет собой яму трехметровой глубины с обложенными кирпичом стенками. В функционировании алтаря отмечены три периода, в каждом из которых ведущую роль играло возжигание огня. В нижней части алтаря, над слоем золы, обнаружена кирпичная стена, образующая в плане крест. В межстенные промежутки вкопано по пять хумов вверх дном. На основании сделанных открытий.

В.И. Сарианиди предполагает, что крепость Тоголок 21 являлась храмом, связанным с приготовлением и употреблением священного опьяняющего напитка типа хаомы, или сомы, известного по древнейшим письменным источникам индоиранских племен "Авесте" и "Ригведе", а также с культом огня.

Внутри крепости Сапаллитепа расположены восемь жилых домов - кварталов, разделенных узкими улицами. Центральное пространство не застроено. К нему ведет широкая магистральная улица, начинающаяся у входа в крепость с южной стороны. Жилые массивы Сапаллитепа представляют собой рядовые домостроения с придомными и приквартальными производственными мастерскими. По мнению А.А. Аскарова, здесь обитали восемь больших семей, объединившихся в единую общину и связанных друг с другом преимущественно по экономической, а не по родовой линии, что представляло собой прототип сельской общины.

Квадратная крепость в Дашлы 3 интерпретирована В.И.

Сарианиди как дворец, а круглая - как храм огня. Круглое здание являлось центральным ядром более крупного комплекса, в плане представляющего квадрат с вписанными в него тремя кругами: центральное здание опоясано еще двумя рядами стен, располагающимися кольцами вокруг него, а снаружи весь этот комплекс заключен в квадратную ограду с длиной сторон в 130-150 м. Межстенные пространства густо застроены помещениями бытового назначения.

В Дашлы 1 вдоль оборонительной стены вскрыта серия узких коридорообразных помещений, в которых было найдено большое количество глиняных ядер. Все эти помещения погибли от пожара. Вероятно, они имели оборонительное назначение. К ним пристроен сплошной массив жилых и хозяйственных помещений. Близкую планировку имела и крепость Аучин I в Маргиане. В.И. Сарианиди считает, что в таких укрепленных помещениях жили семьи, выделившиеся в системе местного общества.

На небольшом поселении Келлели 3 в северной части дельты Мургаба вскрыт крупный квадратный дом (длина сторон по 29,5 м), своей планировкой чрезвычайно напоминающий крепость. Крепости не строились изолированно, к ним примыкала неукрепленная часть поселения.

Крупнейшее поселение Северной Бактрии - Джаркутан (Шерабадский оазис Южного Узбекистана) - состоит из крепости и нескольких рассредоточенных холмов, разделенных ложбинами и оврагами. Различные участки его территории обживались в разное время. На Джаркутане вскрыты жилые массивы, состоящие из отдельно расположенных домов. Раскопки одного из больших домов показали, что он был устроен на высокой кирпичной платформе. На одном из холмов поселения вскрыт монументальный общественно-культовый комплекс – храм огня. Он имеет прямоугольную форму (60х44,5 м) и обнесен мощными стенами толщиной в 4,5 м. Храм разделен на две части - культовую и хозяйственно-

производственную. Главный алтарь располагался на кирпичной платформе площадью в 400 м² (сохранившаяся высота 1,4 м). Напротив алтаря находилось хранилище священной золы. Культовая часть также включала двор и отгороженные от него стеной несколько узких коридорообразных помещений, которые являлись сокровищницей храма. В хозяйственной части располагались винодельня, металлургическая мастерская и мастерская по изготовлению статуэток, использовавшихся в погребальных обрядах. Изолированное положение занимал хозяйственный двор в северной части храмового хозяйства: возможно, здесь содержались жертвенные животные.

В целом доисторическая Маргиана и Бактрия в эпоху бронзы представляли собой густонаселенную страну. Расположение и характер поселений отражают высокий уровень социального развития земледельцев, свидетельствуют о бурном процессе урбанизации, появлении административно-идеологических центров и монументальной архитектуры, обособлении ремесел. По-видимому, на этой обширной территории обитали союзы оседлоземледельческих племен, а оазисы при этом развивались по пути создания такой политической единицы, как город-государство или номовое объединение.

На поселениях и в могильниках Маргианы и Бактрии найдено большое количество разнообразных изделий из металла, камня, глины. Это орудия труда, оружие, украшения, сосуды, культовые предметы.

Керамика изготавливалась на гончарном круге и обжигалась в печах двухъярусной конструкции. Вручную лепили лишь сосуды для приготовления пищи, так как для них требовался специальный состав глиняного теста. Для хозяйственных целей использовались большие хумы, хумча, тагора, цедилки. Наиболее разнообразна и изящна столовая посуда: миски, чаши, кубки, вазы на ножках, чайники и т.д.

Керамическая традиция Маргианы и Бактрии на начальном этапе наиболее близка южнотуркменистанской конца периода

Намазга V. В дальнейшем здесь появляются новые формы сосудов, позволяющие проследить их развитие на протяжении длительного хронологического периода.

Изделия из меди свидетельствуют о подлинном расцвете металлургического производства. Они представлены топорами, кинжалами, наконечниками стрел и копий, серпами, ножами, сосудами, шильями, пробойниками, зеркалами, булавками, браслетами и т.д.

Среди этих предметов есть настоящие произведения искусства. Например, ручки некоторых зеркал изготовлены в виде человеческой фигурки, вероятнее всего женской. Подлинными шедеврами тореvтики являются золотые и серебряные сосуды (их около 20), найденные крестьянами в местечке Фуллол на северо-востоке Афганистана. Они богато декорированы геометрическими и натуралистическими изображениями, среди которых ступенчатые пирамиды и пиловидные линии; змеи с поднятыми вверх головами; кабан, стоящий перед "деревом жизни", процессия быков и т.д. находка получила название "клад из Фуллола", хотя не исключено, что эти предметы являлись погребальным инвентарем бактрийской знати.

В Дашлы 3 вскрыты печи для выплавки металла. Здесь же были найдены глиняный ковш-тигель для разливания жидкого металла и глиняная форма для отливки топора-тесла. Как показали специальные исследования, бактрийско-маргианские литейщики, по-видимому, получали основное количество металла из источников, располагавшихся на территории Ирана и Афганистана. Лишь на поздних этапах существования оседлоземледельческой культуры Северной Бактрии отмечено возрастание роли северных источников, располагавшихся в степной зоне.

Бактрия и Маргиана в эпоху бронзы являлись частью большой металлургической провинции, включавшей также Южную Туркмению и Северо-Восточный Иран. Об этом

свидетельствуют не только характер рудных источников, но и сами типы металлических изделий. Отмечены и влияния традиций более отдаленных регионов, вплоть до Месопотамии, Элама, Луристана и долины Инда.

Каменные изделия Маргианы и Бактрии также отражают высокий уровень ремесленного производства. Они выполнены из стеатита, хлорита, серпантина, мрамора, известняка и других пород камня. Для изготовления бус использовались лазурит, сердолик, бирюза, опока и т.д. Среди каменных изделий много разнообразных сосудов. Некоторые из них украшены орнаментом в виде заштрихованных треугольников, кружков с точкой посередине, а также растительными и зооморфными мотивами. Встречаются изображения змей и драконов. Большую коллекцию составляют предметы ритуального назначения, среди которых выделяются миниатюрные колонки. Например, только в Тоголоке 21 их найдено свыше 30 экземпляров. Из разграбленных могильников Южной Бактрии происходят уникальные составные женские статуэтки (они выполнены из двух пород камня) в платье, близко напоминающем эламскую моду.

Отличительной особенностью материальной культуры бактрийско-маргианского комплекса являются своеобразные печати и амулеты с богатыми сюжетами мифологического и религиозного содержания. Печати делятся на три основные группы: 1) металлические, среди которых преобладают ажурные; 2) каменные, цилиндрические, и 3) наиболее многочисленные каменные печати-амулеты четырехугольной или круглой формы с двусторонними изображениями. Часть печатей выполнена в геометрическом стиле и содержит в основном мотивы крестов и розеток разной формы. На сюжетных сценах и композициях изображены антропоморфные и зооморфные персонажи, среди которых встречаются как реальные, так и фантастические существа. Некоторые из персонажей, вероятно, являлись божествами. Многие сцены отражают борьбу доброго и злого

начал, встречаются изображения культовых церемоний или празднеств. Сюжеты печатей бактрийско-маргианского типа перекликаются с мифологией месопотамо-эламского и сирохеттского мира, однако эти сюжеты переосмыслены в местной среде и свидетельствуют о формировании в Бактрии и Маргиане собственного пантеона божеств и духов.

Широкое распространение печатей и амулетов отражает смену культов и верований у земледельческого населения Средней Азии по сравнению с предыдущей эпохой. Лишь в некоторых оазисах Маргианы найдены терракотовые женские статуэтки, выполненные в той же манере, что и в период Намазга V.

Определенную роль в культовых церемониях также играли специальные ритуальные сосуды с наклепленными на бортик скульптурными фигурками птиц, людей и животных (козлов, баранов, горбатых быков, двугорбых верблюдов и др.). На стенках таких сосудов наклеплены фигурки змей и лягушек. В Тоголоке 1 найден целый экземпляр ритуального сосуда, внутрь которого были вложены пять маленьких сосудов. Возможно, они использовались в культовых церемониях, связанных с употреблением священного опьяняющего напитка типа хаомы. Культовые сосуды другого типа - со сквозными отверстиями прямоугольной и треугольной формы по периметру в верхней и средней части стенок найдены в верхних слоях поселения Джаркутан. Они связываются с ритуалом возжигания огня.

Бактрия и Маргиана в эпоху бронзы представляли собой локальный центр высокоразвитой цивилизации древневосточного типа с самобытной культурой, искусством и религиозно-идеологической системой.

6.2. Погребальный обряд

Для бактрийско-маргианских племен был характерен обычай погребения умерших как в пределах поселков, так и в обособленных могильниках. Преобладающим способом

захоронения было скорченное, на боку, трупоположение. Умершего укладывали как бы в позу спящего человека с согнутыми руками и ногами. Большинство погребений одиночные, но встречаются и парные, одновременные и одновременные. Умерших снабжали разнообразными погребальными дарами в виде сосудов (возможно, с пищей и питьем) и различных предметов, которыми они пользовались в быту. Иногда в качестве заупокойной пищи клали часть туши барана. По составу инвентаря выделяются богатые и бедные захоронения. Некоторые богатые могилы содержали около 40 различных предметов.

Иногда в могилах находится только инвентарь, а останки человека отсутствует. Такие сооружения многими исследователями принято называть кенотафами (по-гречески "пустые могилы"). Они полагают, что подобные могилы устраивались в честь умерших на стороне сородичей, чьи тела по каким-то причинам не могли быть доставлены домой. Иногда, возможно, такие ямы с приношениями были связаны с поминальными культами. В Бактрии известно несколько ритуальных захоронений молодых баранов, которые так же, как и люди, положены в могилу скорченно, на боку, в сопровождении богатого инвентаря. Возможно, что бараны в данном случае заменили отсутствующий труп человека. Иногда в погребение вместо умершего помещали человеческую фигуру из необожженной глины.

Жители Маргианы чаще всего хоронили своих умерших в грунтовых ямах или миниатюрных гробницах прямоугольной формы, стенки которых обкладывались сырцовым кирпичом. Для Бактрии характерен высокий процент могил подбойно-катакомбного типа, когда покойников помещали в специальную камеру-нишу, вырытую в боковой стене входной ямы. Вход в такую нишу закрывался кирпичами.

В Сапаллитепа могильник располагался непосредственно в пределах крепости. Захоронения совершались под полами

жилищ в период их функционирования, параллельно формировались приквартальные могильники в обводных коридорах, а на последнем этапе появились погребения в руинах заброшенных домов.

Захоронения на заброшенных участках поселения вскрыты в Гонуре, Тоголоке 1, Тоголоке 21, Аучине, Тахирбае 3 в Маргиане, Дашлы 3 в Бактрии. Однако основные могильники устраивались вне поселков, вблизи от них. Частично сохранившиеся захоронения расчищены, например, в Дашлы 3 и Тоголоке 24. Крупный могильник открыт около столичного центра древней Маргианы - Гонур 1. Огромные территории занимают могильники, расположенные на естественных холмах в предгорной зоне. Наиболее широкие работы проведены в Северной Бактрии, на Джаркутане, общая площадь которого свыше 20 га. Крупные могильники расположены также на холмах вблизи поселения Бустон в том же Шерабадском оазисе Южного Узбекистана. Раскопана часть могильника Молали в Шурчинском оазисе. В сходных географических условиях (предгорный рельеф) открыт могильник вблизи селения Тахта-Базар на среднем течении Мургаба, в Юго-Восточной Туркмении, недалеко от границы с Афганистаном.

Огромное количество захоронений бронзового века уничтожено на севере Афганистана грабительскими раскопками могильников, в результате чего тысячи высокохудожественных произведений бактрийских ремесленников попали в антикварные лавки Кабула и других городов и разошлись по всему свету. Только благодаря усилиям некоторых ученых удалось исследовать часть этих предметов. Они были сопоставлены с материалами научно раскопанных памятников Бактрии и заняли достойное место в историческом прошлом этого региона.

В памятниках доисторического Согда своей неординарностью выделяются два погребения, расположенные в районе Сазаганского староречья. Комплекс рассматривается как

продукт жизнедеятельности профессиональных ремесленников – металлурга и ювелира. Находки демонстрируют выразительный синтез двух культурно-хозяйственных систем с преобладанием сапаллинского субстрата, связанный с установлением межкультурных контактов со степным миром в начале II тыс. до н. э.

6.3. Хронология

По имеющимся сейчас материалам бактрийско-маргианского комплекса можно выделить три крупных периода в развитии его культуры. *Ранние памятники* наиболее известны в Маргиане, в Келлелинском, Гонурском и Тоголокском оазисах. Келлелинский оазис является самым северным в дельте Мургаба. Возможно, первые попытки его освоения были предприняты еще в эпоху позднего энеолита.

К раннему периоду бактрийско-маргианского комплекса относится группа из шести компактно расположенных поселений Келлелинского оазиса, северная крепость и примыкающие к ней постройки Гонура 1 и нижние горизонты северного холма Тоголока I.

Материалы, полученные здесь, позволяют хронологически сопоставить памятники раннего периода цивилизации Маргианы с комплексами позднего Намазга V, вероятно его самой последней фазы, т.е. отнести их к началу или первой четверти II тыс. до н.э. Архитектура раннемаргианских поселений (крепости и монументальные здания с четкой геометрической планировкой) принципиально отлична от южнотуркменистанской и характерна для бактрийско-маргианского комплекса и на следующем этапе развития его культуры.

В Бактрии наиболее ранняя керамика обнаружена в нижнем слое поселения Гирдай-тепе, расположенного в самом западном Давлетабадском оазисе Северного Афганистана.

Второй период связан с максимальным освоением

территории Маргианы и Бактрии. К нему относится большинство исследованных сейчас памятников: южный холм Гонура, Аучин-депе, крепости Тоголок I и 21, Дашлы 1 и 3, Сапаллитепа и ранний слой Джаркутана. Это время наивысшего расцвета культуры, ремесел и искусства бактрийско-маргианского комплекса. Именно к этому периоду относится большая часть печатей и амулетов, появляется много новых форм керамики. Этот период и в Маргиане, и в Бактрии делится на последовательные фазы. В Южном Узбекистане выделено две такие фазы: сапаллинская и жаркутанская. Последовательное развитие керамических комплексов прослеживается и на памятниках Маргианы. Появляются локальные различия между территориальными очагами культуры. В Маргиане в конце этого периода отмечено появление степных племен. Их керамика связана преимущественно с кроющими слоями поселений, однако в Тоголоке 1 фрагменты степных сосудов найдены непосредственно в культурном слое нескольких помещений. Они датируются второй четвертью II тыс. до н.э.

На юге Узбекистана материалы сапаллинского и жаркутанского этапов датированы XVIII-XVII вв. до н.э. Весь второй период бактрийско-маргианского комплекса может быть отнесен к 1800-1300 годам до н.э. В подгорной полосе Копетдага керамика, аналогичная маргианской этого периода, происходит из могильника Янги-кала.

Материалы *третьего периода* наиболее хорошо изучены в Северной Бактрии. На их основе выделены три последовательных хронологических комплекса: кузалинский, молалинский и бустонский. Они датированы в целом XV-X вв. до н.э. Сосуды, характерные для этого периода, встречаются и среди материалов из разграбленных могильников Южной Бактрии. В Маргиане самым поздним комплексом является Тахирбай 3, керамика которого наиболее соответствует бустонскому этапу культуры Северной Бактрии. В третьем периоде на памятниках Маргианы и Бактрии прослеживается

ощутимый компонент культур степных племен. На поздних этапах древнебактрийской цивилизации наблюдается и внутреннее расселение племен: в среднем течении Сурхандарьи возникает Шурчинский оазис культуры Сапалли, в это же время начинается освоение племенами бронзового века территорий Южного Таджикистана.

6.4. Генезис БМАК

О происхождении бактрийско-маргианской цивилизации высказано несколько гипотез. Пока не обнаружено местных истоков этого комплекса, поэтому большинство исследователей связывает его генезис с миграционными процессами. По мнению В.М. Массона, появление самых ранних поселений в дельте Мургаба связано с экспансией урбанизированной культуры с подгорной равнины Копетдага на восток. Комплекс Келлели он считает вариантом археологической культуры Алтын-депе, не отрицая появления впоследствии в Маргиане и Бактрии групп населения из Северо-Восточного Ирана, которые были быстро ассимилированы местными племенами.

И.С. Масимов и А.А. Аскарлов поддерживают точку зрения В.М. Массона о направлении миграционных процессов из подгорной равнины Копетдага в Маргиану, а затем в Бактрию.

В.И. Сарияниди считает, что наиболее характерные черты бактрийско-маргианского археологического комплекса имеют свои прототипы в Иране, а не в культуре Намазга V, хотя он и признает, что южнотуркменистанские племена положили начало освоению дельты Мургаба.

Исследуя различные группы бактрийских древностей, П.Амье пришел к заключению об особой роли Элама в создании оригинальной и эклектической культуры Бактрии. По его мнению, кочевая часть населения Элама (кочевники-ремесленники или "транс-эламиты") играла главную роль в организации торговли с отдельными районами, образовав своеобразную общность, которую П. Амье называет "Внешним

Ираном". Эламиты были главными посредниками в торговом обмене и передаче культурных традиций между отдельными регионами. Так, по его мнению, может быть объяснено появление в искусстве и металлургии Бактрии черт, присущих древним эпохам Месопотамии и в особенности Элама. В связи с этим была выдвинута гипотеза о возможности возникновения в Бактрии и Маргиане аристократии, близкой кочевникам-ремесленникам. Этой знати принадлежат изолированные крепости или замки.

Убедительной выглядит гипотеза о заселении Маргианы из подгорной равнины Копетдага, о чем свидетельствуют сокращение поселений в одном регионе и появление новых в другом, а также значительное сходство в материальной культуре, исключая крепостную архитектуру. Вопрос о генезисе крепостей является достаточно сложным. В.И. Сарияниди связывает их появление с влиянием архитектурных традиций Месопотамии и Ирана. По мнению В.М. Массона, тип квадратных крепостей Маргианы и Бактрии сложился под влиянием хараппской фортификации. А.П. Франкфор сравнивает их с укреплениями южноафганистанского поселения Мундигак. Однако совершенно очевидно, что каноны монументальной архитектуры Маргианы и Бактрии были выработаны в местной среде и явились достижением местной цивилизации, использовавшей и развившей культурные традиции ряда других регионов.

Участие южнотуркменистанских племен в формировании культуры бактрийско-маргианской культуры бесспорно. Однако освоение столь обширной территории, особенно во второй четверти II тыс. до н.э., вряд ли было связано с миграцией населения только из одного региона, тем более что жизнь на подгорной равнине Копетдага не прекратилась, а продолжалась на целом ряде поселений и в эпоху Намазга VI.

В 1800-1600 гг. до н.э. приходят в запустение также и крупные центры Северо-Восточного Ирана. На протяжении

тысячелетий племена этого региона развивались в тесном единстве с земледельцами юга Средней Азии. Материальная культура БМАК имеет много общих черт с комплексами Северо-Восточного Ирана. Они прослеживаются в металлургии, каменных изделиях, разных типах украшений и ритуальных предметов. Многие из этих изделий имеют длительный период существования. В Бактрии и Маргиане наблюдается дальнейший расцвет металлургии и искусства, гораздо больший, чем в самом Северо-Восточном Иране.

На юге Средней Азии существовала длительная традиция в изготовлении керамики светлых тонов, в то время как в Северо-Восточном Иране существовала мода на сероглиняную посуду (это зависело от специального обжига сосудов). На некоторых памятниках Бактрии и Маргианы найдены отдельные импортные сосуды иранских центров, но в целом керамическое производство БМАК продолжает местную, среднеазиатскую традицию изготовления посуды. Однако при местной технологии генезис целого ряда самих форм сосудов, ранее отсутствующих в Южной Туркмении, можно уверенно связать именно с Северо-Восточным Ираном. Интересно, что в Сапаллитепа найдена целая группа серо глиняной керамики, она характерна для раннего этапа культуры. Возможно также, что североиранские племена принесли в керамическое производство Средней Азии такой широко распространенный на их посуде прием украшения поверхности, как лощение.

По всей вероятности, племена Северо-Восточного Ирана также приняли участие в формировании БМАК. Особое значение в этих процессах имел такой центр, как Тепе Гиссар, расположенный у южного подножия Эльбурса, вблизи Дамгана. Материальная культура верхних слоев этого памятника содержит многие предметы, имеющие широкое распространение в бактрийско-маргианском комплексе, например, большое количество миниатюрных колонок и каменных сосудов, навершия булав, сходные изделия художественной бронзы.

Здесь же имели распространение и печати близкой формы и сюжетов, в том числе и цилиндрические. В то же время тут найдено очень мало женских статуэток. По мнению В.И. Сарианиди, Тепе Гиссар был узловым пунктом, через который проходила одна из волн широкомасштабной миграции племен, которая охватила Юго-Западную Азию в начале II тыс. до н.э. В это время на огромной территории, в оазисах Восточного Ирана, юга Средней Азии, Белуджистана и частично долины Инда возникают во многом сходные, а иногда и идентичные комплексы, истоки которых уходят на Запад, вероятно, вплоть до Малой Азии. Именно в это время получили распространение и были переработаны в местной среде многие сюжеты месопотамского и эламского искусства и мифологии. Вся Центральная Азия во II тыс. до н.э. была ареной массовых племенных миграций, вызванных глобальными политическими или палеоклиматическими причинами. Совершенно очевидно, что существовали и встречные, с востока на запад, передвижения отдельных племенных групп, в частности, хараппских племен. Следы их пребывания обнаружены очень далеко на севере, на берегах Амударьи. Вследствие этого определенные влияния древнеиндийской цивилизации прослеживаются также в Маргиане и Бактрии. Во II тыс. до н.э. на обширной территории Центральной Азии проходили активные и сложные процессы этногенеза и культуругенеза.

ГЛАВА III

Культуры Степной бронзы

Начало эпохи бронзы Степной цивилизации относится к рубежу III-II тыс. до н.э. В это время в обширной зоне евразийских степей, лежащих к северу от Средней Азии, жили племена двух основных культурно-исторических общностей: срубной – на Западе и андроновской – на Востоке. Средняя Азия являлась южным ареалом степной зоны и была освоена несколько позже. На развитие многих степных культур Средней Азии повлияли контакты с соседними древнеземледельческими цивилизациями. Поселения степных племен в противоположность южным земледельческим, обычно не были долговременными. В хозяйстве ведущую роль играло скотоводство, обеспечивающее значительную подвижность населения.

Отличительной особенностью культуры Степной бронзы является керамика. Она вся изготовлена вручную. Обжиг сосудов производился на открытом костре. Большая часть сосудов украшалась орнаментом, выполненным гладким или зубчатым штампом. Преобладающими мотивами были геометрические узоры. Большинство среднеазиатских степных племен было хорошо знакомо с техникой бронзолитейного производства и часто располагалось близко к источникам сырья.

В настоящее время степные культуры Средней Азии расположены в Южном Приаралье – Тазабагьябская культура; в Северном Таджикистане – Кайраккумская культура; в Киргизии – Притяньшанский и Семиреченский варианты андроновской общности; Зеравшанский и Междуреченский варианты андроновской общности.

В эпоху поздней бронзы во второй половине II тыс. до н.э. наблюдается массовое продвижение степных племен на юг. Следы пребывания как срубников, так и андроновцев,

обнаружены в Таштыкском оазисе. В дельте Мургаба известны отдельные стоянки степной бронзы.

Проблема хронологии и внутренней периодизации андроновских памятников Средней Азии в настоящее время окончательно не решена.

На обширной территории распространения андроновские древности не единовременны. Вопрос внутренней хронологии и периодизации андроновских комплексов Средней Азии зависит от решения всей андроновской проблемы в целом, так как генезис носителей памятников, оставленных скотоводческими племенами с подвижным пастушеским образом жизни связан с андроновским населением Казахстана и Сибири, на что указывает единство материальной культуры, погребальный обряд и материалы антропогеологии.

Прошло более 100 лет с момента исследования и введения в археологическую науку А. Я. Тугариновым в 1914 г. могильника у деревни Андроново близ г. Ачинска, определившего название археологической культуры огромного ареала, но до сих пор андроновская культура вызывает много вопросов и споров. Среди исследователей нет единого мнения по основным вопросам истории андроновских племен. К ним относятся вопросы происхождения андроновской культуры, относительной и абсолютной ее хронологии. Само понятие «андоновская культура» является спорным. На смену последней пришло более расширенное и углубленное понятие «андоновская культурно-историческая общность». Наиболее остро дискуссионной остается проблема хронологии и периодизации.

Основное противоречие в построении хронологических схем сегодня определяется различным пониманием взаимоотношений алакульских и федоровских комплексов.

Первые исследователи андроновской культуры исходили из единства его развития на всей территории степей и лесостепей от Урала до Енисея. В последние два десятилетия широкое рас-

пространение получила гипотеза о двух генетически не связанных между собой культурах — алакульской и федоровской. Новые стратиграфические наблюдения на поселениях Приуралья, Казахстана вносят коррективы в вопросы относительной хронологии андроновских комплексов. Последовательность памятников андроновской культурной общности представляется теперь достаточно определенной: во-первых, алакульские памятники ранее федоровских; во-вторых, в алакульских памятниках выделяется ранний хронологический горизонт – петровский; в-третьих, керамику кожумбердынского типа, сочетающую в себе алакульско-федоровские черты, так же как керамику кулевчинского типа, сочетающую петровско-алакульские черты, следует считать переходной. И наконец, выделены культуры поздней бронзы с валиковой керамикой, генетически связанные с федоровской. Таким образом, они представляют собой генетически связанные культуры андроновской общности: петровскую, алакульскую, федоровскую и алексеевско-саргаринскую, объединяемые переходными этапами.

Относительная хронология памятников андроновской общности разрешалась нами также через типологическую классификацию металлического инвентаря всего андроновского ареала, построенную на основе технико-морфологического и метрического анализа. Здесь же была предложена абсолютная хронология, которая с небольшой модификацией на сегодняшний день может быть представлена как: петровская культура XX-XVII вв. до н.э.; алакульская культура – XVI-XIV вв. до н.э.; федоровская культура – конец XIV-XIII вв. до н.э.; алексеевско-саргаринская или культуры с валиковой керамикой XII-IX вв. до н.э.

Представленная нами абсолютная хронология опирается на датировки памятников восточноевропейских стран и хронологию Кавказа, тесно связанную с хронологией Ближнего Востока, а также на серию радиоуглеродных дат различных лабораторий.

Важно отметить, что андроновская культурно-историческая общность, простирающаяся на гигантской территории от Урала до Южной Сибири через всю казахстанскую степь,

полупустыни и пустыни Средней Азии и высокогорья Тянь-Шаня и Памира до южных оазисов Средней Азии, в целом представляет собой определенное единство и ритмы ее развития в основных чертах совпадают. Различия же в этапах (культурах), в форме керамики, в деталях ее оформления, в деталях погребального обряда носят хронологический характер.

Раздел 1

Памятники андроновской историко-культурной общности (АИКО)

Степи Средней Азии от высоких Притянь-шаньских нагорий до Междуречья Амударьи и Сырдарьи в эпоху развитой и поздней бронзы были заняты пастушескими племенами андроновской общности. Они представлены следующими локальными вариантами: Зеравшанский, Тянь-шаньский, Семиреченский, Междуреченский, Припамирский.

Генезис носителей указанных вариантов связан с андроновским населением Казахстана, Приуралья и Сибири, на что указывает единство предметов материальной культуры, погребальный обряд и материалы антропологии.

1.1. Зеравшанский вариант АИКО

Территория водораздела Зеравшанского бассейна занимает обширную часть среднеазиатского междуречья. Особое географическое положение – центр континента Евразии, способствовало тому, что регион стал местом интенсивных контактов разных в этнокультурном отношении групп древнего населения. Важным фактором, способствовавшим сложению особой Зеравшанской культурно-географической области, определившим ее историческую роль в эпоху палеометалла, явилось наличие минерально-сырьевых ресурсов. Рудная база богата полиметаллическими, медными, оловянистыми, золотоносными месторождениями. Начало металлопроизводящей экономики

зеравшанцев связано с петровским металлургическим очагом (поселение Тугай) и местной традицией саразмийцев.

С проблемой своеобразия памятников связан вопрос и более широкого плана – этнокультурных контактов населения Зеравшана с соседними областями и более отдаленными регионами степной Евразии. Материальная культура таких памятников, как Гуджайли, Кызил-кир, стоянки Махандарьи, Тугай и др. позволяют уточнить время проникновения андроновцев в пределы региона.

Этот вопрос важен для реконструкции этнокультурных процессов исторической действительности, восстанавливаемой по археологическим источникам. Именно степень участия разноэтничных, разнокультурных групп эпохи бронзы определили специфику Зеравшанского варианта андроновской общности. За прошедшие более два десятилетия, реестр археологических древностей степной цивилизации существенно расширился и составляет более 30 объектов, причем многие материалы не введены в научный оборот. В последние годы обнаружено несколько новых погребальных памятников (Бешмолла, Тоз, Муминабад-2, Бахмал, Талибулак), демонстрирующих территориальную и обрядовую обособленность андроновских памятников Зеравшана. Однако, в целом, различия преимущественно связаны с количественными, а не качественными показателями.

Андроновские древности региона представлены несколькими информационными блоками: 1) места проживания (поселения, остатки жилища, развеянные стоянки, производственные участки); 2) погребальные памятники (могильники Чакка, Муминабад, Дашти-Козы, отдельные погребения – Гус, Сай-Гус, Джам, Бешмолла, Тоз и др.); 3) специализированные хозяйственные комплексы горно-металлургического производственного цикла, направленные на освоение местных сырьевых ресурсов (поселение Тугай, Актапшты, Медоми, Чакка и др.); 4) отдельные местонахождения (материальные остатки без привязки к культурному слою – Тым, Кошкарли, Чангали и др.); 5) случайные находки (сборы во время строительных и сельскохозяйственных работ).

При некоторых различиях в обряде и инвентаре, исследованные памятники обладают существенными чертами сходства, позволяющими отнести их к единой АИКО. Они маркируют алакульскую и федоровскую линию развития с переходными ступенями и датируются эпохой поздней бронзы. Калиброванный возраст функционирования установлен в пределах XVIII-XIV вв. до н. э. Растущее количество новых объектов расшило возможности системного подхода к источникам, выявило сложную мозаику всей картины культурных образований исследуемой зоны.

Отличительной особенностью рассматриваемых комплексов в структуре андроновской ойкумены является влияние инокультурных традиций. В андроновских памятниках Зеравшана мы находим мир, чуждый как степным, так и земледельческим обществам вследствие вовлечения в интеграционный процесс сразу нескольких культур, что отражается на особенностях бытового уклада и материальной культуры. Ни в одной из палеометаллических культур Средней Азии нельзя найти полного сходства с памятниками Зеравшана. Одним из факторов, определивших своеобразие андроновских комплексов обсуждаемого края, были межрегиональные взаимосвязи Севера и Юга, а также активные контакты с населением Урало-Казахстанских степей. Результатом этих связей явилось формирование синкретических образований при сохранении доминирующей роли степного компонента. Носители новых культуuroобразующих комплексов были сообщества, несущие основные черты пастушеских и земледельческих традиций. Этот процесс наиболее ярко отражен в самых разных категориях артефактов. Показательно, что часто в погребениях представлены украшения, характерные для оазисных общин юга вместе с предметами, которые считаются не только типичными, но и являются андроновским маркером (серьги с раструбом), а также хронологическим и этническим индикатором.

К числу неординарных явлений, отражающие различные виды андроновской культурной трансформации в Зеравшанских древностях мы относим:

- ✓ Подкурганый обряд захоронений (Муминабад, Чакка) сосуществующий с грунтовым могильником (Дашти-Козы);
- ✓ Вариабельность могильных сооружений (подпрямоугольная камера, подбой, катакомба);
- ✓ Применение таких элементов ритуала, как подстилка (камыш), покрывало, охра;
- ✓ Северная и северо-восточная ориентировка погребенных;
- ✓ Отсутствует заупокойная мясная пища, устройство тризны и жертвенников;
- ✓ По морфологическим и технологическим признакам выделяются серебряные, золотые, бронзовые серьги с коническим широким раструбом и массивные литые пластинчатые браслеты со спиральным коническим завершением (часто они имеют гравированный орнамент, носят их по две-три пары на каждой руке);
- ✓ Украшения из самоцветов (лазурит, бирюза, сердолик и др.);
- ✓ Сосуды в погребениях встречаются редко, единообразны с сохранением андроновских срубных и местных традиций.

Перечисленные аргументы своеобразия Зеравшанских памятников являются очевидными в пользу выделения локального варианта андроновских древностей. Исследуемое образование складывалось и развивалось согласно общим закономерностям в системе единой Урало-Казахстанской общности.

В формировании культурного облика памятников АИКО региона особая роль принадлежит поселению Тугай и могильникам Чакка, Муминабад, Дашти-Козы, где наблюдается интеграция разнокультурных элементов. *Поселение Тугай* расположено в 18 км к востоку от Самарканда. Памятник относится к кругу специализированных производственных комплексов горняков-металлургов, материалы которого содержат синтез нескольких культурных традиций. Все обнаруженные в процессе изучения объекты делятся на две группы: хозяйственно-бытовая часть (жилище-полуземлянка) и производственная – с остатками металлургической деятельности (сохранившиеся части медеплавильного сооружения). Культурно-хронологическая

интерпретация поселения основывается на сравнительной характеристике технологических и морфологических показателей керамики петровского облика и Саразма.

Для определения времени существования поселения и культурной принадлежности приоритетное значение имеет характеристика *керамики*. Значимость последней, как одной из основных источников по истории древних обществ в силу ее массовости и информативности в археологии общепризнанна. Коллекция представлена 31 сосудами (в том числе производственными) из них 8 целых, 20 реконструированных почти полностью (без придонной части), от остальных сохранились незначительные обломки и крышка от сосуда. Материал не является однородным. Часть керамики находит полные соответствия среди продукции круговой нерасписной посуды поселения Саразм, но основная масса близка керамике Петровской культуры. Последняя представляет довольно значимое явление в связи с проблемой выяснения характера связей и интенсивности взаимоотношений степных сообществ с соседними древнеземледельческими культурами.

Керамика из жилища и участка, связанного с металлоплавильным производством, не различается, за исключением станковой земледельческой, она выявлена только из культурного слоя жилища. Формы и технология этих сосудов вписываются в керамический канон IV периода Саразмской культуры. Коллекция саразмской посуды из-за малочисленности (6 фрагментов) не может быть подвергнута типологическому анализу. Основную часть составляют краснофоновые ангобированные стенки сосудов с двусторонним лощением (один фрагмент с черно-серым лощением) конических и полусферических форм в виде чаш, мисок и, возможно, кубков. О форме дают представления ряд крупных фрагментов верхней части сосудов и фрагмент донца с придонной частью. Сосуды по своей выделке в целом одинаковы. Посуда изготавливалась кольцевой ленточной техникой с последующей отделкой на гончарном круге. Глиняное тесто с значительной

примесью песка. Проработка поверхности сосудов типична для саразмского комплекса – лощение, черный и красный ангоб на внутренней и внешней поверхности. Скромная коллекция земледельческой керамики может свидетельствовать о кратковременном сосуществовании поселений Тугай и Саразм.

Степная керамика представлена 22 сосудами. По фрагментам венчиков, плечиков и днищ удалось получить 14 неполных реконструкций сосудов и 6 археологически целых. Все они относятся к горшечно-баночному типу. По морфологическим признакам в пределах одного типа выделяется несколько разновидностей форм сосудов. Это биконические и острореберные горшки. Два сосуда баночной формы и один – горшечно-баночной. Сосуды, у которых сохранились нижние части, имеют плоские днища. Внешняя и внутренняя поверхность посуды часто покрыта слоем сажи и нагара. В целом, лепную керамику характеризует ряд признаков и элементов, которые являются определяющими для петровских емкостей: технология формовки с использованием текстиля; приземистые пропорции горшков, широкие горловины; острореберные сосуды с воротничковым утолщением под венчиком; элементы орнаментальных схем, стиль исполнения и др.

Могильники и погребения (Чакка, Сиаб, Сай-Гус, Муминабад) известные в Самаркандском оазисе, датируются преимущественно XX-XIV вв. до н.э. Погребения совершены по обряду трупоположения и сопровождаются керамикой, украшениями, круглыми зеркалами с петелькой, в одной из могил в Муминабаде найдена костяная свирель в виде полой трубочки с ромбическим отверстием в центре. По расположению украшений в женских погребениях установлено, что захоронения производились в одежде и головных уборах, богато расшитых бусами. Ряд специфических черт погребального обряда и керамики свидетельствует об их отношении к петровской (Сиаб), алакульской (Чакка) и федоровской (Сай-Гус, Муминабад) культурам.

Интерес представляет и *могильник Дашти-Козы*, расположенный в 50 км к востоку от Пенджикента. Здесь вскрыто 27 захоронений,

совершённых на склоне в погребальных сооружениях, реконструированных как катакомбы с неглубокими входными ямами. Погребения преимущественно одиночные, встречено несколько парных, одно тройное, а в одной из могил одновременно захоронено семь человек (это погребение без инвентаря; возможно, оно носит ритуальный характер или связано с особым случаем смерти этих людей). Имеются случаи захоронения расчлененных костяков, в одном случае погребен лишь череп ребенка. Сопровождающий инвентарь состоит из сосудов, имеющих черты позднеандроновской и тазабагьябской керамики, и бронзовых украшений: браслетов, бус, височных колец, найдены также украшения из пасты.

Обязательным элементом ритуала в Дашти-Козы было разжигание огня либо на дне входной ямы, либо на полу камеры. Костер горел до того, как умерших помещали в могилу, так как на скелетах следов воздействия огня нет. Кроме таких кострищ, на территории некрополя выявлены большие ямы со следами многократного разжигания огня, что также являлось составной частью погребального обряда и было связано с похоронами или поминальными действиями. В некоторых случаях обнаружены следы возлияний в огонь каких-то жирных веществ.

Могильник оставлен населением федоровской культуры и датируется XIV-XII вв. до н.э.

Археологические комплексы долины Зеравшана свидетельствуют о том, что на протяжении энеолита и бронзового века исторические и этнокультурные процессы в этом регионе, занимающем в Средней Азии центральное положение, развивались при участии как южных, так и северных степных племен.

Разные пути культурно-хозяйственного и общественного развития юга и севера Средней Азии в доисторическую эпоху, естественное разделение труда между ними, прогрессивный рост экономики в каждой из зон способствовали возникновению межрегиональных контактов. Эти контакты имели разные формы обмена, взаимовлияния, миграций. Они способствовали также формированию ряда синкретических культур.

1.2. Андроновские памятники Киргизии – Тяньшанско-Семиреченский вариант

Основным ландшафтом Киргизии являются горы, замкнутые горные долины окружены обширными пастбищными угодьями, и у обитавших здесь в эпоху бронзы групп андроновского населения скотоводство являлось ведущей отраслью хозяйственной деятельности. В горных условиях главное значение приобретало разведение мелкого рогатого скота. Уже в эпоху бронзы были освоены труднодоступные высокогорные пастбища, использовавшиеся при сезонных перекочевках. Погребения древних пастухов обнаружены высоко в горах Тянь-Шаня. На территории Киргизии также существовал самостоятельный очаг металлообработки, где изготавливалась массовая продукция на сбыт.

Поселений андроновских племен в Киргизии известно очень мало, их культура представлена в основном могильниками. Преобладают захоронения в грунтовых ямах, обозначенных на поверхности четырехугольными оградами из крупных каменных плит. Наряду с труположением здесь часто практиковалось трупосожжение.

В высокогорном могильнике Арпа найдены глиняные сосуды с богатым ковровым орнаментом, характерным для памятников особой, федоровской группы андроновских племен. Отличительной особенностью большинства других комплексов Киргизии является преобладание посуды, лишенной всякой орнаментации. Процент орнаментированных сосудов в них крайне невелик. Эти памятники выделены в самостоятельный локальный вариант андроновской культурной общности, получивший название *семиреченского*. Наиболее интенсивное освоение территории Киргизии племенами бронзового века относится ко второй половине и особенно к последней четверти II тыс. до н.э. По мнению Е.Е. Кузьминой, появление андроновских племен связано здесь с их расселением из Центрального Казахстана с целью освоения богатых пастбищ Тянь-Шаня.

Памятники тяньшанского типа представлены могильником Арпа, случайными находками в Пригородном у г. Фрунзе и на Иссык-Куле.

Погребальный обряд различен. В Пригородном характер надмогильных сооружений не установлен, погребение по обряду трупоположения совершено в грунтовой яме скорченно на левом боку головой на запад, при умершей положены раковина со сверлиной, несомкнутые височные кольца, бусы и сосуд. В Арпе выявлено пятнадцать курганов с галечно-грунтовой насыпью диаметром 12-18 м, высотой 0,5-0,6 м, перекрывающей прямоугольные, квадратные или концентрические выкладки из поставленных на ребро плит. В пяти раскопанных сооружениях открыты трупосождения, сопровождавшиеся двумя-тремя сосудами и в одной могиле – парой несомкнутых бронзовых браслетов, шестеренкообразными бусами и ребристыми пастовыми пронизками. Тянь-шанские памятники Киргизии объединяются на основании керамики. Сосуды единообразны - горшки с округлым плечом, отделенным каннелюрой, сформованы ленточным способом из глины с примесью кварца и покрыты черно-коричневым лощением. На сосуде из Пригородного орнамент нанесен тремя зонами, на венчике, шейке и плечике; на двух горшках из Арпы и на иссык-кульском – орнаментальные зоны венчика и шейки объединены, что составляет локальную особенность среднеазиатской андроновской посуды. Богатый декор выполнен средnezубчатым штампом: косые и вытянутые треугольники, флажки, меандр; Z и X-образные композиции; есть зона орнамента у дна.

Дата тяньшанских памятников - третья четверть II тыс. до н. э. - устанавливается на основании аналогий просверленной раковине, шестеренкообразным бусам и ребристым пронизкам в андроновских и срубных комплексах развитого этапа. Тяньшанская керамика и по форме, и по орнаменту сохраняет близость с федоровской посудой Центрального Казахстана, что указывает на генезис киргизского комплекса. Эти памятники являются древнейшим свидетельством освоения степняками-скотоводами высокогорий Тянь-Шаня.

Памятники семиреченского типа составляют компактную группу, в которой прослеживается устойчивое сочетание погребального обряда, керамики и украшений и с большим основанием могут рассматриваться как самостоятельная культура эпохи поздней бронзы, однако, учитывая их происхождение и связи, целесообразнее считать их четко выделенным вариантом андроновской этнокультурной общности.

Семиреченский вариант представлен могильниками Таш-Тюбе II, Таш-Башат, Беш-Таш, Джазы-Кечу (Каракмат), а также Тегирмен-сай, Джал-Арык II, Кулан-сай, Кызыл-сай.

Предположительно с ними связаны поселения во Фрунзе, Джал-Арык и находки на Большом Чуйском канале, где найдена сходная керамика. Тип жилищ не установлен. В Джал-Арыке найдены куски самана, позволяющие предположить зарождение саманной архитектуры, и большие кострища и зольники.

В могильниках открыты сложные сооружения: квадратные или реже овальные ограды, смыкающиеся и образующие вытянутые цепочки или комплексы с несколькими пристройками. В центре каждой ограды расположена могильная яма, ориентированная обычно на запад или юго-запад. Иногда в яму впущен каменный ящик, прослежена обкладка верхнего края могилы одним - тремя рядами уложенных плашмя камней, а в Таш-Тюбе II и Беш-Таш - также забутовка могилы щебнем и обмазка стен и дна ямы глиной, могильники биритуальны, обряды трупоположения и трупосожжения сосуществуют и применяются в соседних отсеках одной ограды и даже в одной могиле. В Таш-Тюбе II сожжения составляют 80 %, в Джазы-Кечу трупосожжения выявлены в 14 оградах, трупоположения – в шести. Поза – скорченно на левом боку головой на запад – установлена только предположительно. При обоих типах погребений найден одинаковый инвентарь: серьги с раструбом, несомкнутые браслеты, овальные подвески, круглые бляшки, литые и кованые бусы, иглы, шилья, также серьга со спиралью (Джазы-Кечу) и однолезвийный нож (Таш-Тюбе) и по одному – пять сосудов.

Керамика сформована ленточным способом, содержит примесь дресвы, снаружи заглажена. Представлены горшки с округлым плечом (вазообразные), горшки с приземистым туловом и значительно реже - горшки с подчеркнутым уступом, один биконический сосуд (Джазы-Кечу), наконец, банки и банки-стаканы. Горшки иногда имеют сплошной поддон. Подавляющее большинство сосудов не орнаментировано. В Таш-Тюбе лишь один горшок украшен зигзагом по плечу и косыми насечками по резко отогнутому венчику. Только в могильнике Джазы-Кечу встречено много орнаментированных сосудов (20 из 90). Декор гладким или зубчатым штампом нанесен на плечике или на шейке: горизонтальный и реже вертикальный зигзаг, в одном случае - ромбы, иногда – насечки по плечу и краю отогнутого сложнопрофилированного венчика.

В керамическом комплексе поселения Джал-Арык есть та же посуда, но преобладают грубые кухонные толстостенные сосуды с раздутыми боками и сложнопрофилированными венчиками, изредка украшенные по краю венчика и плечу насечками, зигзагом и елкой, выполненными ногтем, гладким или очень крупнозубчатым штампом. Эта группа посуды близка керамике стоянки Каинда и других пунктов на Большом Чуйском канале, где, однако, в большом количестве представлены сосуды, орнаментированные типично алексеевскими наклепными валиками с насечками и крестами, что, может быть, позволяет считать ее несколько более поздней.

Памятники семиреченского типа относятся к эпохе поздней бронзы. Их хронология устанавливается, во-первых, на основании находок однолезвийного ножа и литых бус, характерных для эпохи поздней бронзы, во-вторых, забутовки и обмазки могил пахсой, появляющихся в Центральном Казахстане в предбегазинское время, в-третьих, по аналогии с могильниками Южного Казахстана (Кара-Кудук и Алакуль) и Ферганы (Вуадиль, Карамкуль, Арсиф), датирующимися концом II тыс. до н.э. по стреле со скрытой втулкой и совместной встречаемости с чувской керамикой. Сходство семиреченских могильников с южно-казахстанскими и ферганскими

настолько велико и касается всего комплекса культурно-определяющих признаков - конструкции могильных сооружений, погребального обряда, типов и орнамента керамики, украшений, что это позволяет уже сейчас ставить вопрос об объединении этих памятников в единый тяньшаньский вариант андроновской этнокультурной общности.

По вопросу происхождения семиреченских памятников эпохи поздней бронзы может быть высказано две гипотезы: или 1) они сложились в результате переселения андроновцев из Центрального Казахстана в Киргизию в эпоху поздней бронзы; или 2) они составляют следующий этап развития культуры, представленной в Арпе, где есть и сложные каменные сооружения, и обряд трупосожжения, и сосуды, причем в большинстве неорнаментированные, - эти признаки получают дальнейшее развитие в семиреченских комплексах. Однако пока связующие звенья отсутствуют, вопрос не может быть решен окончательно. В любом случае, потенциальной родиной населения Киргизии, по-видимому, должен быть признан Центральный Казахстан, где прослеживаются истоки андроновской культуры Тянь-Шаня.

1.3. Памятники Центральной части Среднеазиатского междуречья

Среднеазиатское междуречье изучено крайне слабо, лишь по случайным находкам и отражают синтез различных по своему генезису скотоводческих племен - срубных и андроновских.

Культурная принадлежность ряда памятников из-за неполноты информации не может быть установлена. Во Вревской в кургане античной эпохи № 1 в 1947 г. М. Э. Воронцом выявлены остатки нескольких погребений эпохи бронзы: пережженные трубчатые кости животных, ложило, кусочек бронзы и фрагменты девяти сосудов; на Никифоровских землях в Ташкенте И. А. Анбоевым в 1927 г. зафиксирован курган высотой 0,5-0,7 м., содержащий трупоположение и один или два сосуда; кости вместе с сосудом

найжены в Ореховском и в Ходжикенте, единичные сосуды - у Ангрена, в Ак-тепе II и Занги-Ата. Горшки содержат примесь дресвы или раковины, горло узкое, бока раздуты, но, в отличие от тазабагыбских сосудов, иногда тулово приземистое, иногда венчик резко отогнут наружу, во Вревской, кроме того, представлен вазообразный сосуд андроновского типа и большая банка. Орнамент выполнен гладким или зубчатым штампом: горизонтальный зигзаг на плечике и иногда зигзаг или треугольники на шейке. Своеобразен сосуд из Занги-Ата с раздутым туловом и цилиндрическим горлом, богато украшенный в андроновской традиции флажками и каннелюрами по шейке, X-образной композицией по тулову и треугольниками у дна.

Население, родственное андроновскому, жило в окружавших Ташкентский оазис горах. На Чирчике - в Аурахмате и Искандере - открыты курганы с каменной насыпью, содержавшие погребения по обряду трупоположения. При умерших женщинах положено по четыре-пять массивных бронзовых браслета с литыми рожками, типичных для восточно-андоновской металлургической провинции. По технике изготовления браслеты относятся к позднеандоновскому времени, что определяет время прихода андроновских племен с востока.

Дата памятников скотоводов среднеазиатского междуречья - вторая половина II тыс. до н. э. - устанавливается по аналогиям керамике и металлу в культурах евразийских степей. Памятники горных районов относятся к XIII-XII вв. до н. э., поскольку в них представлены самые поздние типологически и сложные технологически формы восточноандоновских украшений.

Верхний рубеж - XI в. до н. э. - определяется на основании смены культуры в Ташкентском оазисе, где в эпоху поздней бронзы формируется бургулюкская культура, датирующаяся XI-VIII вв. до н. э. по многочисленным изделиям и импортной чувской керамике.

1.4. Скотоводческие памятники Памира и Припамирья

Культура скотоводческих племен верхней части Среднеазиатского Междуречья – Памира и Припамирья – представлена поселениями и погребениями, несущими черты влияния андроновских памятников федоровского типа.

На Памире население обитало в пещерах (Ак-Танга и Куртеке), в долинах – на стоянках (совхоз им. Кирова), где открыты очаги (иногда с каменной обкладкой) и найдены каменные терочники, гальки и стрелы, костяные проколки, бронзовые шилья и двухлопастные стрелы (втульчатая и черешковая), а также керамика. Аналогичная посуда обнаружена у Джиликульской переправы, у Кара-Буры на Вахше, на городище Саксан-охур и на поселении Кангуртут.

Погребальный обряд изучен по могильникам Кокуйбель-Су и Кзыл-рабат на Памире, где Б. А. Литвинским открыты прямоугольные или круглые каменные ограды и иногда наброски камней диаметром 3,5-6 м с грунтовой ямой или каменным ящиком, содержащим скорченное погребение головой на северо-восток или трупосожжение, сопровождающееся сосудом и костями барана.

На поселениях найдены лощеные горшки с примесью белого отошителя и слюды. Они имеют характерную федоровскую форму с округлым плечом и отогнутым венчиком, реже встречаются близкие тазабагьябским горшки с округлым плечом и суженным горлом и высокие банки. Орнамент выполнен гладким и часто зубчатым штампом, располагается тремя зонами: на венчике, шейке и плечике, реже – на шейке и плечике. Представлены каннелюры, зигзаг, вертикальная и горизонтальная елка, но также сложные композиции из горизонтальных заштрихованных лент, углов, флажков и особенно косых треугольников. Вазообразный профиль, лощение, богатство орнамента, господство трехзонного декора, выполненного по косой сетке зубчатым штампом, отличают керамику Таджикистана как от тазабагьябской, так и от кайраккумской и указывают на сохранение

федоровских традиций, о чем говорит и погребальный обряд (трупосожжение, каменные конструкции).

Для датировки памятников степной бронзы в Таджикистане получены данные, важные для решения хронологических проблем всей Евразии: на поселении Кангуртут, принадлежащем бактрийским земледельцам периода Намазга VI, в закрытом комплексе жилища вместе с муллалинского типа сосудами, сделанными на гончарном круге, найдена лепная посуда, близкая федоровской; в могильнике вахшской культуры Тандыр-йул в комплексе с бактрийской гончарной керамикой найдена андроновского типа серьга с раструбом. Это позволяет синхронизировать с древнеземледельческими памятники андроновского круга Таджикистана и датировать их эпохой Намазга VI – второй половиной, в основном, видимо, последней четвертью II тыс. до н. э.

Культура скотоводов почти в неизменном виде сохранилась в Таджикистане и в эпоху поздней бронзы: на стратифицированных стоянках совхоз Кирова и Ак-Танга в двух слоях, разделенных стерильной прослойкой, представлена почти неразличимая по слоям андронидная посуда, причем в верхнем слое она сочетается с типичной для эпохи поздней бронзы Средней Азии крашенной и расписной керамикой, сосудом с носиком-сливом и литейными формами желобчатого долота (?) и зеркала с бортиком, датирующимися концом эпохи бронзы.

1.5. Памятники восточного Прикаспия и Туркмении

Пастушеские племена региона имеют важное значение для решения вопросов формирования скотоводческих культур бронзового века Средней Азии и проблемы этногенеза индоиранцев, так как именно здесь пролегал путь миграции индоиранских народов.

В настоящее время в результате разведок А. А. Марущенко, А. М. Мандельштама, Хорезмской экспедиции и сборов геологов открыты временные стоянки у колодцев и родников. Одна группа памятников концентрируется в Северном Приаралье у Аральска. Другие стоянки тянутся цепочкой от Эмбы вдоль восточного берега Каспия, на Ман-

гышлаке, вдоль Усть-Урта, по Краснодарскому полуострову, нижнему и среднему Узбою и выходят на окраину песков рядом с земледельческими оазисами Южного Туркменистана.

Третья группа стоянок располагается в подгорной равнине Копетдага у границы оазиса и песков; керамика степного типа найдена и в культурном слое древнеземледельческих поселений Анау, Елькен-тепе, Намазга, Серманча.

Далее на восток степная керамика обнаружена на кратковременных стоянках по всему течению Мургаба и в дельте в культурном слое на земледельческих поселениях Аучин, Тахирбай 3,13,15, Гонур I, Тайп и др.

Из других изделий на стоянках встречены только черешковые каменные стрелки и бронзовые дротики (Бала Ишем 8, Ашхабад). Керамика поселений и стоянок с примесью дресвы, раковины и песка изготовлена ленточным способом и представлена банками, широкогорлыми горшками с округлым плечом. Сосуды лишены декора или орнаментированы в верхней части зигзагом, елкой, треугольниками и изредка треугольниками веерообразными или с бахромой и композициями из заштрихованных полос. Узкогорлые сосуды часто украшены наклепными валиками с насечками и насечками по краю венчика. На ряде стоянок посуда с валиками отсутствует.

Локальные отличия намечаются только в керамике некоторых стоянок Северного Прикаспия по Уилу и Сагизу и Северного Приаралья, где чаще представлены сопоставимые с алакульскими сосуды с уступом и каннелюрой под венчиком. Во второй локальный вариант, возможно, удастся выделить посуду дельты Мургаба, по форме и орнаментике близкую махандарьинской и, как правило, лишенную наклепных валиков.

Керамические комплексы со стоянок недостаточно выразительны, чтобы отнести их к срубной, андроновской или тазабагьябской культуре, поэтому за ними приходится оставить условный термин «памятники степного типа».

Хронология памятников скотоводческого населения Туркмении устанавливается по керамике. Черты, характерные для раннесрубной (бережновской и покровской) и раннеандроновской (петровской) раннеалакульской и кожумбердынской) посуды в Туркмении отсутствуют. Туркменские стоянки делятся на две хронологические группы: более раннюю, керамика которой не имеет налепных валиков и находит аналогии в срубно-хвалынских и позднеалакульских комплексах; и позднюю, где представлены горшки, орнаментированные налепными валиками и насечками по краю венчика, типичными для керамики Евразии позднебронзового века. Абсолютная дата памятников степного типа Туркменистана устанавливается по находкам скотоводческой керамики на поселениях анауских земледельцев в слое Намазга VI. В Анау керамика без валика найдена в средней части слоя и может датироваться концом третьей четверти II тыс. до н. э.; в Намазга, Теккеме, Елькене посуда с валиком обнаружена в кроющем слое, она может быть отнесена к последней четверти II тыс. до н.э., что согласуется и с европейской линией синхронизации.

Характер взаимоотношений степного и земледельческого населения дискусионен: В. И. Сарияниди и М. А. Итина полагают, что земледельцы мирно сосуществовали и торговали со скотоводами, напротив, А. Ф. Ганялин, А. А. Марущенко, Е. Е. Кузьмина и А. М. Мандельштам считают, что проникновение скотоводов в оазисы часто носило характер вторжения и явилось одной из причин гибели некоторых поселений, что подтверждается драматической картиной пожара земледельческого поселка Теккем, на пепелище которого обосновались степняки, и перекрытием культурного слоя Намазга VI слоем степной керамики на Таипе и др.

Хозяйство степного населения Туркмении было скотоводческим. Топография стоянок Прикаспия, расположенных в пустыне цепочкой и приуроченных к древним руслам, родникам и колодцам, позволяет заключить, что уже в конце третьей четверти II тыс. до н. э. в евразийских степях сложились нормы отгонного и кочевого

скотоводства и были выработаны традиционные маршруты передвижений, функционировавшие вплоть до XIX в..

Отмеченный стоянками путь отражает реальную дорогу, по которой происходило переселение на юг степного скотоводческого населения с северо-запада, из Поволжья и Западного Казахстана, где следует искать его генезис, так как представленные в Туркмении элементы культуры имеют там многовековое предшествующее развитие.

1.6. Хозяйство

Пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие — основные виды хозяйственной деятельности андроновских племен в главных районах их расселения — в Казахстане и Южной Сибири. И, видимо, они же были определяющими в хозяйстве среднеазиатских степных племен. Эти племена селились главным образом по берегам рек и озер в степных и пустынных районах, где были благоприятные условия для разведения скота и имелись хотя бы небольшие участки, пригодные для занятия земледелием.

В совсем иных условиях жили племена в высокогорных районах Центрального Тянь-Шаня (Арпа) и Памира. В этих местах развитие земледелия невозможно, поэтому хозяйственная деятельность населения несомненно отличалась от таковой в степных районах.

Весьма возможно, что освоение горных районов Средней Азии сопровождалось изменением в традиционных формах хозяйства и переходом уже на алакульском этапе к сезонным перекочевкам. Условия жизни в пустынном и горном ландшафтах обусловили, вероятно, преимущественное развитие скотоводства в хозяйстве среднеазиатских андроновцев. Они разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз, так же как и андроновские племена в других областях. Кости домашних животных найдены на поселениях (например, на Кават 3 в Приаралье, в Кайрак-Кумах и Ак-Танге), а также в захоронениях. Именно скотоводство было ведущей, постоянно развивающейся отраслью хозяйства того времени. Оно давало все большее количество продуктов, непрерывно

прогрессировало и в конце эпохи бронзы привело к появлению новой формы хозяйства — кочевого скотоводства, которое стало возможным в результате развития коневодства. О возросшей роли лошади в жизни населения может свидетельствовать также находка статуэттки лошади на поселении Кават 3 в Приаралье. Скорее всего, только использование лошади как верхового животного позволило освоить горные районы и проникнуть в глубь Тянь-Шаня и Памира.

В некоторых районах, например в Приаралье, занятие земледелием благодаря применению в это время искусственного орошения играло несколько большую роль. Здесь возле поселений андроновских племен выявлены остатки каналов ирригационной сети, а также полей. Для обработки земли применялись грубые каменные мотыги, для сбора урожая — бронзовые серпы. Продукты земледелия перерабатывались на ручных зернотерках, которые обнаружены в жилищах на поселениях в Приаралье.

Несомненно, известную роль играло также рыболовство. Об этом свидетельствуют неоднократные находки бронзовых рыболовных крючков в Приаралье и в Северо-Западной Фергане; Все крючки массивные, больших размеров и, очевидно, предназначались для ловли крупных рыб. Вероятно, в некоторых местах население занималось и охотой.

Все, что нам известно о хозяйстве и культуре степных племен Средней Азии, наглядно свидетельствует об их прогрессивном развитии по сравнению с предшествующим периодом (эпохой неолита и энеолита), когда господствовали присваивающие формы хозяйства охотников-рыболовов и собирателей. Вместе с тем по уровню хозяйства степные племена значительно уступали современным им оседлоземледельческим общинам юга Туркмении и даже чувшским племенам Ферганы.

В экономике степных племен большую роль играли добыча руд и обработка меди и бронзы. В разных местах обнаружены бесспорные свидетельства развития металлургии и металлообработки в виде находок руды, литейных форм, шлаков и самих металлических изделий. Так, в Кайрак-Кумах в ряде мест обнаружены куски руды и

несколько скоплений шлака, количество которого достигает 1,5-2 т. Такие скопления, очевидно, представляют собой остатки мест плавки руд, причем плавилась как самородная медь, так и богатая окисленная руда, содержащая серу. Плавка сернистых (сульфидных) руд представляет более сложный процесс, что говорит о большом умении и опыте древних мастеров.

На одном поселении, в Кайрак-Кумах, найдено три литейных формы из песчаника. Одна — для отливки вислообушных топоров с гребнем вокруг втулки. Другая форма служила для изготовления вислообушных кирок — орудия своеобразной формы, встречающейся очень редко. Третья находка представляет собой небольшой обломок литейной формы.

Металлические изделия племен Средней Азии в значительной части по форме очень сходны с изделиями других степных племен. Это, конечно, не означает, что они изготовлялись в одном каком-либо месте и затем оттуда распространялись в разные области. Степные племена Средней Азии искусство обработки металла заимствовали первоначально у земледельческих южнотуркменских общин. Это наглядно проступает в формах медных изделий доандроновского комплекса Заманбабы. Для андроновского периода уже можно говорить о местном производстве металла. Своеобразие металлического производства среднеазиатских племен проявляется как в особенностях форм некоторых изделий (например, браслетов с рожками), так и в химическом составе сплавов.

Результаты химических анализов изделий из Северной Киргизии, Ферганы, низовьев Зеравшана и других районов свидетельствуют о разном составе сплавов и, следовательно, об использовании разных рудных месторождений. Среди изученных предметов имеется небольшое количество медных, но преобладают изделия из бронзы. Проведенные химические исследования позволяют говорить о самобытном облике среднеазиатских центров обработки.

1.7. Вопросы общественного строя

В рассматриваемое время отмечается общий подъем производительных сил общества, проявившийся особенно в развитии металлургии, скотоводства и земледелия. Одним из последствий его явились увеличение численности населения степей и появление более прочной оседлости.

Следует полагать, что развитие металлургии и скотоводства способствовало увеличению роли мужчины в хозяйстве и общественной жизни. Образуется большая патриархальная семья, которая и составляет основную общественную ячейку. Эти изменения нашли отражение в погребальном обряде. Так, существование парных разновременных захоронений и устойчивой традиции разного трупоположения мужчин и женщин (супругов) в могильнике Кокча 3 можно рассматривать как отражение патриархальных отношений. Мужчин, как правило, клали на правый бок, а женщин — на левый. Поскольку детей, как и мужчин, клали на правый бок, то из этого можно заключить о бытовании патрилинейной формы счета родства. Подобные захоронения были отмечены еще на раннем этапе в пору заманбабинской культуры, когда, вероятно, уже имело место возникновение патриархальных отношений.

С развитием производительных сил и особенно в связи с переходом к новой системе скотоводческого хозяйства (систематическим и регулярным сезонным перекочевкам) происходят изменения и в социальном строе общества. Ослабевает общинная собственность на скот, и он переходит во владение отдельных патриархальных семей. Развитие частной собственности семьи на скот со временем приводит к неравномерному накоплению богатств и развитию имущественного неравенства в родовой общине. В археологических материалах это проявилось в появлении отдельных захоронений с большим количеством высоко ценившихся в то время вещей, положенных в могилу. Такие богатые погребения выявлены в могильнике Таш-Тюбе в Таласе, где в одной могиле найдено очень много бронзовых, стеклянных и сурьмяных бус, а также в могиле

возле Ургута в долине Зеравшана. В могильнике Кокча 3 тоже имеется захоронение, где вместо обычных двух браслетов было положено пять. Все сказанное позволяет сделать вывод, что среднеазиатские андроновские племена находились на последних этапах развития родового строя, когда возникли предпосылки для его разложения.

Анализируя с точки зрения родовой организации общества данные о распределении поселений и других памятников степных племен, можно сделать некоторые заключения.

Вполне понятно, что сотни стоянок и поселений андроновской культуры в Приаралье оставлены не одним родовым коллективом. Небольшие дома-полуземлянки (размером в 100-150 м²) на поселениях Ангка 5 и Кават 3, вероятно, служили жилищем патриархальной семьи. В таком случае поселение, состоящее из нескольких жилищ, представляет собой, скорее всего, родовой поселок. Совокупность нескольких таких поселков принадлежала, по-видимому, отдельному племени. Исходя из количества известных в настоящее время памятников в Приаралье, можно предположить, что на этой территории обитало не одно племя, а целая группа-племен. Особенности развития хозяйства и некоторое своеобразие материальной культуры дают основания рассматривать население Приаралья (Хорезма) в качестве особой этнической группы племен, составляющей, быть может, племенной союз.

Имеющиеся три группы стоянок в Кайрак-Кумах тоже можно рассматривать как памятники отдельных родовых коллективов, объединенных в племя. Другие группы племен или племенные союзы населяли долины Зеравшана и Кашкадарьи, горные районы Северной Киргизии и Южного Казахстана. Все имеющиеся факты говорят о довольно сложном общественном устройстве степных племен в андроновское время.

1.8. Проблема происхождения

Единого мнения по вопросу о происхождении андроновской культуры и появлении ее в Средней Азии не имеется. В настоящее

время существует две теории. Одна из них говорит о сложении среднеазиатского варианта андроновской культуры на основе развития какой-то местной энеолитической культуры, а вторая – о приходе андроновской культуры в уже готовом виде с севера.

Первоначально С. П. Толстовым было высказано предположение о происхождении ее от кельтеминарской культуры. Это предположение было поддержано А. А. Формозовым по материалам Западного Казахстана. Однако конкретных фактов, позволивших бы увязать обе эти культуры, до сих пор не выявлено. Поэтому С. П. Толстов в последующих работах отказался от прежней точки зрения и примкнул к сторонникам теории переселения андроновцев. Имеется также мнение, что основой для сложения андроновской культуры могла послужить гиссарская позднеэнеолитическая культура горных районов. По другой точке зрения, корни этой культуры восходят к комплексам Заманбабы. Представленные варианты, теории автохтонного развития андроновской культуры объединяются попыткой проследить местные истоки этой культуры.

Сторонники второй теории считают, что андроновская культура сложилась на территории Казахстана, затем на алакульском этапе была привнесена в Среднюю Азию, и проникла до южных ее районов. Вариантом этой концепции является гипотеза о формировании тазабагьябской культуры Хорезма в зоне контактов срубных и андроновских племен на территории Среднего Заволжья и Южного Приуралья.

Анализируя обе теории, следует, прежде всего, сказать, что андроновскую культуру со всеми присущими ей своеобразными признаками материальной культуры никак нельзя полностью вывести из более ранних местных комплексов — позднего Кельтеминара, гиссарской культуры и особенно заманбабинской. Возможно, некоторые районы Средней Азии были заселены андроновскими племенами уже на федоровском этапе одновременно со всеми другими областями распространения этой культуры.

Однако картина была более сложной и ее нельзя сводить к простому переселению племен с севера. Об этом говорят, в

частности, антропологические данные. Среди погребенных в могильнике Кокча 3 имеются представители двух расовых типов — европеоидного долихокранного средиземноморского типа и другого европеоидного типа, характерного для степных племен эпохи бронзы (срубной культуры Поволжья и андроновской культуры Казахстана). Причем замечено, что серия черепов из Кокчи 3 несет следы, вероятно, недавнего смешения населения. Из всего этого вытекает заключение о разнородности населения Приаралья в антропологическом отношении. Единственный определенный череп из Вуадильского могильника сходен с черепами второго типа из могильника Кокча 3.

В Фергане, так же как и в Приаралье, наряду с населением европеоидного степного типа были распространены представители долихокранного средиземноморского типа, характерного для чустских земледельческих племен. Сосуществование населения этих двух типов отмечается и в памятниках поздней бронзы юга Туркмении. Такая разнородность населения была, вероятно, характерна для Средней Азии, где степные племена являлись непосредственными соседями земледельческих. Среди последних средиземноморский расовый тип был распространен, например, в Южной Туркмении начиная по крайней мере со времени энеолита (IV тыс. до н.э.).

Среднеазиатские степные племена отличались в антропологическом отношении от населения основных областей андроновской культуры. Почти на всей территории андроновцев распространена была особая разновидность европеоидной расы — андроновский тип, характеризуемый мезокранным черепом, прямым лбом, низким и очень широким лицом и значительно выступающим носом. Этот тип в небольшом количестве представлен в могильнике Кокча 3. Но в целом погребенные здесь люди ближе стоят к населению срубной культуры, чем к андроновцам.

В последние годы появились также материалы, свидетельствующие о разнородности андроновского населения Западного Казахстана. В могильнике Тасты-Бутак выявлена

серия черепов средиземноморского типа, сходная с черепами Нижнего Поволжья и Приаралья. Совершенно отчетливо устанавливается сходство их с первым расовым типом могильника Кокча. 3. Все эти факты говорят о разнородности и смешанном характере населения андроновской культуры Средней Азии, и Западного Казахстана, а также о том, что среднеазиатские племена отличались друг от друга в антропологическом отношении. Эти факты говорят и о том, что передвижение населения, возможно, происходило не только с севера на юг, но и в обратном направлении.

Наблюдаемая картина жизнедеятельности андроновского населения, отражающая процесс специфического синтеза противостоит как степному, так и земледельческому миру. Активные проявления взаимодействия между разнохозяйственными блоками, были вызваны необходимостью получения сырья для металлургии бронзы, поиском новых пастбищ в связи с аридизацией климата и увеличением поголовья скота. В эпоху бронзы край был одним из наиболее культурно интегрированных макрорайонов Средней Азии, где пересекались различные традиции и формировались несколько культурных образований, в том числе и Зеравшанский вариант андроновской историко-культурной общности.

Раздел 2

Тазабагьябская культура

В Южном Приаралье для начала II тыс. до н.э. выделена небольшая группа памятников, которые носят название *камышлинских*. Их происхождение связывается с позднекельтеминарскими неолитическими комплексами при активном воздействии южных влияний. Для камышлинских памятников характерно появление плоскодонной посуды, предполагаются зачатки производящего хозяйства и знакомство с металлом. Камышлинские комплексы явились начальным этапом местной, суярганской, культуры бронзового века Южного Приаралья.

Большая часть стоянок Приаралья принадлежала племенам

тазабагьябской культуры, которая возникла в результате прихода населения из Южного Приуралья, где находилась контактная зона срубных и андроновских племен. Пришельцы частично ассимилировали аборигенов. Вследствие всех этих процессов в тазабагьябской культуре прослеживаются срубные, андроновские и раннесуярганские компоненты. В развитии тазабагьябской культуры выделены три последовательных хронологических этапа: ранний (XV-XIV вв. до н.э.), средний (XIV-XIII вв. до н.э.) и поздний (XIII-XII вв. до н.э.).

Тазабагьябцы расселились преимущественно на внутريدельтовом пространстве древних русел Амударьи, что способствовало развитию земледелия на плодородных аллювиальных отложениях дельты и скотоводства – на сезонных пастбищах коренного берега реки. Возле тазабагьябских поселений обнаружены оросительные каналы и поля. Преимущественно земледельческое направление хозяйства и наличие ирригационных систем резко отличают тазабагьябскую культуру от других культур степной бронзы Евразии. Среди домашних животных преобладает мелкий рогатый скот, на всех поселениях найдены кости крупного рогатого скота, представлена лошадь и в меньшей степени другие виды животных.

Поселения обычно располагались группами и имели рассредоточенный характер. Дома строились прямо среди арыков и полей. Наиболее крупные поселения насчитывали до десятка домов, а мелкие – всего по два-три дома. Ведущим типом жилища была полуземлянка четырехугольной формы с каркасно-столбовой конструкцией стен и коридорообразным входом. Каждый такой дом занимал площадь от 40 до 100 и более кв. метров. Внутри располагались большие центральные очаги, хозяйственные ямы, иногда у стен сооружались земляные суфы.

В некрополе Кокча 3 раскопан крупный могильник тазабагьябской культуры, насчитывающий свыше 100 захоронений. Все погребения совершены в грунтовых ямах, вытянутых по оси запад-восток. Погребенные ориентированы головой на запад, мужчины положены на правый, а женщины на левый бок.

Встречаются одиночные, и парные захоронения.

Среди находок на тазабагъябских памятниках преобладает керамика. Интересную группу находок составляют фигурки животных из необожжённой глины. Бронзовые изделия на памятниках Южного Приаралья редки (однолезвийные ножи, шилья, круглое зеркало с ручкой-петелькой, серьги, браслеты и т.д.), на некоторых поселениях найдены литейные формы и льячки для разливания жидкого металла. М.А. Итина предполагает, что у тазабагъябцев выделения ремесел еще не существовало, этот процесс в древнем Хорезме начался лишь в самом конце II или начале I тыс. до н.э.

На позднем этапе тазабагъябской культуры отмечены следы появления в Южном Приаралье андроновских племен, однако по имеющимся данным их пребывание здесь не было долговременным. В целом материалы Приаралья свидетельствуют о пестром этническом составе населения этой территории во второй половине II тыс. до н.э.

Раздел 3

Кайраккумская культура

Еще один очаг среднеазиатской степной бронзы, располагался на берегах другой крупной среднеазиатской реки – Сырдарьи, на территории западной части Ферганской долины, где Б.А. Литвинским выделена особая Кайраккумская культура эпохи бронзы. На такырах в урочище Кайраккум было обнаружено около 70 пунктов, представляющих собой остатки полуразветвляющихся поселений и производственных участков обитавших здесь племен. *Поселения* имели разные размеры, в большинстве случаев от 0,1 до 3 га и располагались группами. Дома, по всей вероятности, имели легкую конструкцию типа "мазанок". Очаги округлой формы сооружались преимущественно из камня. В некоторых жилищах они располагались в виде горизонтальной цепочки. Такие жилища были большими - до 20 м в длину и 12-15 м в ширину. В горных районах для жилья иногда использовались пещеры. Такая пещера, которая

носит название Актанга, открыта в 22 км к югу от поселка Шахристан.

Раскопаны несколько *могильников* кайракумских племен. В одном из них, Ходжи-Ягона, погребения совершались в каменных ящиках, сооруженных из поставленных на ребро плит. В другом, расположенном возле кишлака Дахана, могильные ямы были обложены каменными плитами, размещенными плашмя. Наиболее поздним из кайракумских погребений являются каменные ящики могильников Дашти Ашт и Ариф.

Глиняные сосуды украшались разнообразным орнаментом: зигзагами, треугольниками, прямыми линиями, "елочкой" и т.д. Широко употреблялась и неорнаментированная посуда. Всего в Кайракумах собрано свыше 5 тыс. фрагментов керамики.

Экономической основой кайракумцев было скотоводство. Найдены кости мелкого и крупного рогатого скота и лошади. Земледелие также, по-видимому, играло существенную роль в хозяйстве, о чем свидетельствуют находки каменных зернотерок и терочников на поселениях. Подсобными занятиями были охота (в частности, на джейрана) и рыболовство, о чем можно судить благодаря находке большого бронзового рыболовного крючка. Кайракумцы также знали прядение и ткачество: среди материалов поселений присутствуют глиняные и каменные пряслица, а отпечатки тканей, преимущественно полотняного переплетения, обнаружены на внутренней поверхности сосудов, которые нередко изготавливались на матерчатом шаблоне.

Кайракумцы были хорошо знакомы с горным делом и бронзолитейным производством. Вблизи мест их обитания находится Наукатское медное месторождение, в котором руда практически почти выходит на поверхность. Месторождения меди также известны и в Кармазарских горах, прилегающих к Кайракумам с севера и северо-запада. Олово, возможно, доставлялось из Зерабулак-Каратюбе, Зеравшанского и Чаткало-Коксуйского районов или из каких-то более удаленных источников. В результате специальных работ, проведенных Б.А. Литвинским на древних выработках,

установлено, что рудокопы работали молотками разной формы и кайлом. Сначала отрабатывался верхний горизонт месторождения с помощью щелеобразных карьеров, которые иногда переходили в короткие штольни, а на больших глубинах практиковались подземные выработки. Metallургическое производство, судя по обилию шлаков в Кайраккумах, можно считать одним из важнейших занятий населения и, очевидно, самостоятельным, обособившимся ремеслом. Плавка руды обычно проводилась на изолированных участках за пределами поселений. Здесь же ее первоначально подвергали окончательному измельчению. О масштабах проводимых работ свидетельствуют большие скопления руды и шлаков во многих пунктах. Иногда такие скопления достигали 1,5-2 тонн. Для отливки изделий применялись односторонние и двухсторонние литейные формы. Найдены формы для отливки вислообушных топоров и вислообушных кирок. Сами бронзовые предметы представлены на памятниках кайраккумской культуры разнообразными типами. Это однолезвийные и двулезвийные ножи, шилья, долота, браслеты, серьги, кольца.

Генезис. В культурном отношении кайраккумские племена были наиболее связаны с андроновским населением Казахстана и в меньшей степени с носителями срубной или тазабагьябской культур. Высказана также гипотеза об участии в сложении кайраккумской культуры местного гиссарского неолита. Такое заключение сделано на основании раскопок навеса Актанги. Неолитические слои на этом памятнике перекрыты отложениями эпохи бронзы (три горизонта). Третий слой отнесен к энеолиту, во всех горизонтах бронзового века встречались орудия гиссарской культуры.

Представляется вероятным, что Кайраккумская культура сложилась в долине в результате синтеза автохтонной и пришлой культур. Только так можно объяснить её сильное отличие от наиболее близких семиреченских и южно-казахстанских культур. В ферганской керамике дольше сохраняется традиция орнаментировать сосуды штампом, в том числе и устаревшим для других территорий гребенчатым, продолжают бытовать старые формы.

Кувшинообразный сосуд из Вуадильского могильника сравнивают с тазабагъябскими, хотя там подобные сосуды считаются имеющими южное происхождение. В Фергане же подобные сосуды могли иметь собственные прототипы, восходящие к форме бронзового сосуда из Хакского клада. Котёл из Кашкарчинского могильника сильно напоминает по форме крупные круглодонные сосуды из могильника Заманбаба. Каменные ящики в виде розеток из поставленных вертикально крупных галек, видимо, тоже специфика Ферганы.

Время существования кайраккумской культуры в целом датируется второй половиной II тыс. до н.э.

ГЛАВА IV

Синкретические культуры

Северная часть Средней Азии входила в ареал евразийских культур степной бронзы с преобладанием скотоводческого уклада хозяйства. Появление ее носителей относится ко времени III тыс. до н.э., когда на обширных пространствах степи Евразии приходят в движение скотоводческо-земледельческие племена, способ производства которых требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, а рост численности этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов. Продвижение проходило по рекам. Только в поймах рек в первое время и можно было вести скотоводческое хозяйство. Скотоводство, очевидно, носило оседло-земледельческий характер.

Пастушеские племена того времени не были и не могли быть кочевыми, так как не имели транспортных животных. Они не могли уходить далеко от воды или совершать регулярные перекочевки и всегда концентрировались вокруг относительно постоянной базы в каком-либо оазисе или у реки, где обычно имели и посеvy.

В горных областях при благоприятных условиях позже стало создаваться скотоводческое хозяйство, основанное на регулярном летнем отгоне скота на горные пастбища. Но этот тип хозяйства широко развился, по-видимому, лишь с введением коневодства в начале II тыс. до н.э., т.е. немногим ранее, чем кочевое скотоводство. Различия природной среды и культурных традиций сказывались на направлении развития скотоводства.

Исторические судьбы населения Северных и Южных

областей Средней Азии в эпоху бронзы теснейшим образом переплетаются. Так активизация скотоводческой периферии с культурой оседло-земледельческого юга привела к формированию таких синкретических культур, как чувтская, яздепинская, бургулюкская, и наоборот, продвижение земледельцев на Север привело к формированию заманбабинской, бишкентско-вахшской культурных образований.

Раздел 1

Культура Заманбаба

Археологический комплекс Заманбаба в Бухарском оазисе выделяется своей исключительной уникальностью. На протяжении многих лет специалисты, занимаясь исследованиями этой интересной культуры, не могли решить ряда исторических проблем, связанных с происхождением Заманбабы, с определением точной даты существования этого комплекса эпохи бронзы. Решением этих проблем занимались видные советские ученые-археологи: Я. Г. Гулямов, А. А. Аскарлов, В. М. Массон, Б. А. Латынин, В. И. Сарияниди, Е. Е. Кузьмина. Однако к единому мнению прийти не удалось.

В настоящее время известны три памятника этой интереснейшей культуры – 2 поселения, открытые на берегу высохшего русла Гуджайли и могильник Заманбаба, расположенный к северу от одноименного озера в низовьях Зеравшана

Поселение состоит из обширных жилищ полуземляночного и наземного легкого типа площадью 100-150 м² и обнесено по краю обводным валом шириной около 2 м, сделанным из плотно утрамбованной земли.

В землянках, но полу обнаружены очаги, хозяйственные ямы, обмазанные глиной и саманом, и ямки от столбов диаметром 14-16 см. Здесь же обнаружены обмазки глины с отпечатками тростника и соломы. Видимо, каркасное перекры-

тие промазывалось глиной, смешанной с соломой. Наземное жилище типа шалаша имело камышовую кровлю. Рядом с жилищем располагалась овальная в плане двухъярусная гончарная печь столбовой конструкции, отличающаяся небольшими размерами (диаметр топки 0,9 м). Здесь же расчистили несколько хозяйственных ям. Поселение многослойное, содержащее культурные остатки одного типа лишь с незначительными напластованиями других времен. Первое заселение древними племенами этой территории относится к эпохе энеолита (по керамике с росписью). Затем следует перерыв, во время которого образуется слой суглинка толщиной более 1 м, нанесенного р. Гуджайли во время неоднократных разливов, после чего на поселении возобновляется жизнь, оно заселяется потомками местных племен, материальная культура которых известна как заманбабинская. Впоследствии, здесь, видимо, жили скотоводческие племена андроновско-тазабагъябской общности, о чем свидетельствует собранная вне слоя, на поверхности поселения керамика.

Недалеко от поселения Заманбаба обнаружен *могильник*. В нем вскрыты 44 сильно разрушенные и выветренные могильные ямы. Устройство погребальных камер – катакомбы. Вместе с тем имеются и просто грунтовые ямы, которые, по мнению одних исследователей, представляют собой особый тип захоронений, а по заключению А. А. Аскарлова, являются не чем иным, как разрушенными катакомбными погребениями. Почти все могилы оказались потревоженными. Кости погребенных сдвинуты с прежних мест. В трех случаях скелеты погребенных находились в анатомическом порядке. Умерших хоронили в скорченном положении на боку, головой на В, СВ и иногда на север. В некоторых могилах на дне камеры найдены древесные угольки.

Известны 8 могил с парными погребениями и 28 могил с одиночными захоронениями. В двух парных погребениях наряду со скелетами взрослых встречено также по одному

детскому скелету. В число погребального инвентаря входит керамика, которую ставили чаще всего у головы. Это небольшой лепной кругло- или плоскодонный сосуд, не имеющий наружных украшений. В двух случаях были найдены привозные сосуды – донная часть биконического сосуда с росписью и поддон сероглиняного сосуда. В некоторых могилах среди сопровождающего погребенных инвентаря найдены кремневые орудия – наконечники стрел (до 5 в одной могиле), кремневые вкладыши серпов. Женские могилы сопровождались комочками темной массы (сурьмы) и миниатюрными медными «лопаточками». Эти погребения богаты украшениями (разнообразные бусы-пронизки из полудрагоценных и простых камней, медные зеркала). В одном случае найдена терракотовая статуэтка, в другом – бронзовый рыболовный крючок. В некоторых могилах найдены каменные наворачия для булавки. В могилах встречены также каменные и керамические наворачия с несквозными отверстиями пестики, обуглившиеся зерна культурных злаков и кости домашних животных (барана, козла и коровы).

В некоторых могилах не оказалось останков захоронения и сопровождающего его инвентаря, т.е. кенотаф. Инвентарный комплекс могильника состоял из вещей местного и привозного происхождения.

Раскопки могильника Заманбаба, несмотря на значительные его разрушения, позволяют восстановить общую картину могильника, охарактеризовать основные его особенности.

Керамика заманбабинской культуры, в основном, изготовлена ручным ленточным способом, но на поселении и могильнике найдены сосуды, изготовленные на круге (в могильнике – 2 черепка от 2-х сосудов, на поселении – 60 черепков от 18 сосудов). Вся глиняная посуда отличается высоким качеством обжига и отсутствием в глине примеси, за исключением иногда встречающегося мелкого песка. Она имеет равномерный обжиг, звонкий черепок, в изломе розовый или

желтый, на поверхности зеленоватого оттенка по желтовато-белому фону. По своему назначению вся посуда делится на две группы: 1) бытовая-кухонная и столовая; 2) культовая. К первой группе относятся крупные яйцевидные сосуды с округлым или приостренным дном и круглодонные полусферические чаши. Сюда же входят горшковидные сосуды с плоским или реже круглым днищем, а также сосуды цилиндрической формы – кубки, стаканы.

Культовые сосуды – небольшие прямоугольные сосуды с полукруглым или квадратным отделением в одном из углов («кормушки» для птиц сопровождали умершего, его «душу-птицу») и кубические сосуды с отверстиями по углам в верхней части для подвешивания (служили для отправления культа огня). Вся приведенная выше керамика местного происхождения. К привозным относят – миниатюрный бокал на высокой ножке из серой глины и нижняя часть биконического сосуда с темно-коричневой росписью

Орудия и оружие заманбабинской культуры представлены изделиями из кремня и кремнистых пород, из металла, из кости и галек, валунов. В хозяйстве главную роль играли кремневые орудия (скобели, пилы, ножи, вкладыши серпов, проколки); металл, видимо, только начинал заменять камень в изготовлении режущих (нож) и колющих (игла) орудий. Изредка встречаются земледельческие каменные орудия: – 1 мотыга, 14 зернотерок и 14 пестиков. Галечные изделия применялись для лощения кожи и керамики, изготовления пряслиц и наверший. В Заманбабе обнаружены орудия металлургического производства.

Оружие заманбабинцев представлены только наконечниками стрел (удлиненно-листовидной миндалевидной, лавролистной и подтреугольной формами, которые следует рассматривать преимущественно как оружие охоты.

Украшения и предметы туалета представляют значительную часть инвентаря заманбабинской культуры. Это

бусы-пронизки, подвески разнообразной формы, изготовленные из бирюзы, змеевика, агата, разновидностей известняка, мрамора и сланцев, каолина, лазурита, сердолика, хризопраза и яшмы. Встречаются также бусы из коралла, одна бусина изготовлена из тонкого золотого листа цилиндрической формы. По форме бусы делятся на несколько групп: цилиндрические, овалоидные, крестовидные, полулунной формы. Среди большого количества бус чрезвычайный интерес для исследователей представляют бусы, сделанные из каолина и бирюзы, имеющие форму сложного креста. По единодушному мнению специалистов, они характерны для древнеземледельческих центров Ирана, Афганистана и южного Туркменистана.

Каменные бусы заманбабинцев поражают необычной техникой изготовления и известной стандартизацией форм. Интерес представляют обнаруженные в некоторых женских могилах и на поселении «навершия» для булавок. Сделаны они из известняка и хорошо обожженной глины, но форма их одинакова — шаровидные или удлиненно-грушевидные с несквозными отверстиями, куда вставлялся стержень булавки. Нам представляется, что назначение этих предметов не как навершие (ибо булавка, как правило, имеет навершие), а как футляр-наконечник, оберегающий острый конец булавки или в нашем случае косметической лопаточки от изнашивания.

К предметам женского туалета следует отнести медные миниатюрные лопаточки (длиной 12-16 см). Назначение последних определяется как принадлежность косметического прибора, поскольку они встречены только в женских могилах, причем в таком составе: лопаточка, зеркало, сурьма и кусочки охры. Зеркала заманбабинской культуры медные округлой формы диаметром 8 см.

Особого внимания заслуживает обнаруженная в могиле терракотовая, сильно схематизированная плоская стоячая статуэтка, выполненная в условно-плоскостной манере без

обозначения. Обломок другой терракотовой фигуры найден на поселении. Однако она в отличие от первой удлиненно-круглая, лицевая часть ее слабо выражена.

Хозяйство заманбабинской культуры следует характеризовать как скотоводческо-земледельческое. На существование скотоводства указывает остеологический материал, найденный, главным образом, на поселении Заманбаба и частично в могильнике. Среди костных остатков преобладают кости домашних животных (козы, барана, коровы, осла). Кости диких животных (тугайного оленя, кабана, джейрана) составляют всего около 15%. Н. М. Ермолова, изучавши остеологический материал данной культуры предполагает, что население в большей степени разводило крупный рогатый скот. Кроме скотоводства заманбабинцы занимались и земледелием, игравшим в их хозяйстве важную роль. Обработка почвы производилась каменными, роговыми и деревянными мотыгами различной конструкции. Уборка урожая осуществлялась кремневыми вкладышевыми серпами. Перерабатывали земледельческие продукты (пшеница, ячмень) с помощью зернотерки.

Обработка дерева, кости, рога и камня имела также свое место в хозяйстве заманбабинцев. Занимались рыболовством, развито было и ткачество (пряслица).

Своеобразие исторического развития племен заманбабинской культуры выразилось, прежде всего, в том, что здесь в отличие от других степных племен хозяйство было комплексное. Племена Заманбабы, находясь ближе других обитателей степей к древнеземледельческим племенам, поддерживали с ними тесные культурные связи. Их общины в силу конкретных исторических и природных условий развивались более интенсивно и все в большей степени испытывали влияние своих высокоразвитых современников. О чем свидетельствуют такие бесспорные факты как гончарная керамика, тип гончарных горнов, крестовидные бусы, терракотовые статуэт-

ки, навершия булавок, медные «лопаточки», находящие прямые аналогии или прототипы в памятниках эпохи бронзы северо-восточного Ирана, северного Афганистана и южного Туркменистана. Как полагает В. М. Массон, влияние со стороны оседлых земледельцев предопределило в низовьях Зеравшана переход к экономике производящего типа.

Степной компонент отражают жилище – полуземлянка на поселении и обряд погребения в могильнике ямного и катакомбного типа, наличие мела, охры, костей животных и формы круглодонной и остродонной лепной керамики, близкие с типами ямной и, частично, кельтиминарской, но лишенной орнамента. Придя в низовья Зеравшана, пастушеское население вступило в контакт с земледельцами – носителями культур Саразма и Намазга V.

Обнаруженная в верхнем слое поселения Заманбаба андроновская керамика, видимо, дает ключ к определению дальнейшей истории заманбабинских племен, возможно, ассимилировавшихся в среде андроновцев. На вероятные близкородственные отношения указывает и краниологический материал. Культурно-определяющие признаки времени существования обсуждаемой культуры являются: погребальный обряд и керамика, широкий круг аналогий с комплексами степных культур Евразии и земледельческими памятниками Переднеазиатского круга, которые датируются рубежом III-II тыс. до н.э. Однако, если принять новые комбинированные радиоуглеродные датировки, не исключая вероятность удревнения до середины III тыс. до н.э. Культурный синтез, впервые засвидетельствованный в Заманбабе, затем становится характерной особенностью культур Средней Азии на протяжении всей исторической эпохи.

Раздел 2

Бишкентская и Вахшская культуры

Бишкентско-вахшские культурные образования пред-

ставлены могильниками эпохи поздней бронзы Южного Таджикистана. Бишкентская культура известна по раскопкам А. М. Мандельштама, вахшекая – по результатам исследований Б. А. Лнтвинского и Л. Т. Пьянковой.

Бишкентская культура территориально связана с низовьями р. Кафирниган Бишкентской долины. Ключевым памятником, характеризующим культуру, является ранний Тулхарский могильник, где вскрыто 75 погребений. На поверхности они обозначены выкладкой из нескольких камней. Тип погребального сооружения – подпрямоугольные или округлые ямы с наклонным спуском с поверхности древнего горизонта и подбойно-катакомбные. Способ захоронения – скорченное труположение (мужчина – на правом боку, женщина – на левом) и трупосожжение. Преобладают одиночные погребения, но имеются и парные разнополые, как одновременных, так и разновременных. Дети младшего возраста хоронились отдельно от взрослых, на некотором удалении от могил последних.

В погребальном обряде, неизменным является наличие костей баранов (пища), а также небольших очагов в виде круглых углублений или же квадратных ямок, обложенных по краям продолговатыми камнями. В них всегда имеется некоторое количество золы и углей, что свидетельствует о разжигании огня с какими-то ритуальными целями.

Сопровождающий инвентарь представлен, в основном глиняными сосудами, различными предметами из меди и бронзы, а также украшениями.

Керамика в основном лепная (70 %), но имеются сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения. Лепная керамика представлена простейшими формами – горшками с округлым туловом и невысокой горловиной, открытыми мисками и небольшими цилиндрическими сосудами.

К круговой относятся почти шаровидные горшки на невысоком сплошном поддоне и открытые миски различных

размеров с изогнутым профилем венчика. Имеются отдельные случаи сочетания керамики этих двух групп, позволяющие их синхронизировать.

Гончарная посуда бишкентской культуры типична для керамических комплексов этапа молали Сапаллинской культуры.

Металлические изделия включают в себя ножи, кинжалы, «бритвы», зеркала, булавки и некоторые другие единичные предметы. Большинство из них бронза, но значительный процент составляют и медные.

Ножи представлены двумя типами, из которых один близок к листовидным, но сильно отличается от них изогнутой формой конца, а второй имеет ребро посередине и по общему облику сходен с миниатюрными кинжалами. Один из кинжалов, сильно сточенный, относится к известному типу «с обособленной рукояткой» (с рельефным орнаментом), хорошо известный в скотоводческих комплексах степной Евразии. Предметы, условно именуемые бритвами, делятся на два типа: первый – весьма сложной формы, с небольшой изогнутой рукояткой, отходящей от одного из углов клинка, второй – «угловидный», с длинной рукояткой и прямым лезвием, расположенным под тупым углом к ней. Условия находки (у костей барана) позволяют считать, что они могли использоваться в качестве ножей, или точнее наравне с ними, для разрезывания мяса.

Предметы туалета представлены булавками, зеркалами. Большинство зеркал не имеет ручек. Все они округлой формы, как единичную находку можно отметить – зеркало с ручкой. Булавки представляют собой длинные, круглые в сечении стержни, снабженные навершиями в форме лопаточки или двух спиралей.

Наиболее разнообразны по форме *украшения* из агата, лазурита, сердолика, опоки и др. Судя по условиям находки, они связаны преимущественно с головным убором. Техника изготовления бус очень высокая. В коллекции бус имеются 4

золотые цилиндрические по форме бусины, свернутые из узкой полоски.

Дошедшие до нас предметы, безусловно, составляют лишь часть имевшегося в действительности сопровождающего инвентаря. Многие полностью или почти полностью деградировано и представлено лишь следами (перегнившая кожа, тлен от каких-то шерстяных изделий, окиси меди и т.д.).

Группа захоронений раннего Тулхара, совершенная по обряду кремации, находит аналогии с погребениями в каменных ящиках могильника Бишкент II.

Своеобразен *антропологический тип* населения, оставившего могильник ранний Тулхар. Т. П. Кияткина считает его в целом родственным средиземноморскому типу европеоидной расы, но отличным почти от всех известных к настоящему времени краниологических серий. Т.К. Ходжайов, рассматривая антропологический материал эпохи бронзы Средней Азии, отмечает, что особняком стоят представители бишкентской культуры, характеризующиеся морфологическими признаками средиземноморского III типа. К этому типу помимо черепов раннетулхарского могильника относятся черепа из Тахирбая 3 (мургабский вариант Намазга VI), а также курганов Красноводского полуострова – Каралематсай и Патмасай (погребения срубного типа).

Проблема *генезиса* бишкентской культуры остается на данном этапе исследования в значительной степени открытой, так как не были исследованы памятники более раннего времени в южных областях Среднеазиатского Междуречья. Образовавшаяся лакуна позволила А. М. Мандельштаму предположить неместное происхождение бишкентской культуры и связать с заманбабинской культурой, с которой у нее есть сходные черты. Л. Т. Пьянкова считает бишкентский комплекс местным, бактрийского происхождения (керамика происходит из оседло-земледельческих памятников культуры Сапалли). Она отмечает, что формирование бишкентской

культуры относится к тому времени, когда отмечается волна проникновения с севера носителей степных культур. Во всех комплексах Бишкентской долины наблюдается смешение степных и оседло-земледельческих черт в инвентаре и в погребальном обряде. В такой сложной этнической обстановке происходило формирование бишкентской культуры – с большей чем у вахшских племен долей участия степного населения. Основой экономики носителей бишкентской культуры было скотоводство.

Время существования бишкентской культуры в результате сопоставления с материалами близлежащих территорий и прежде всего, оседло-земледельческих памятников Бактрии, определяется в пределах середины II тыс. до н. э.

Вахшская культура представлена могильниками – Вахш I, Тигровая Балка, Ойкуль и Джаркуль в низовьях правобережья Вахша; Маканимор в низовьях Кызылсу и Амударьинский у слияния Вахша с Пянджем (Пьянкова, 1986, с. 41).

Погребальные сооружения внешне имеют вид невысоких курганов округлой формы, часто с каменными кольцами или выкладками. Исследовано 230 сооружений. Почти все погребальные сооружения, за редким исключением, являются могилами подбойно-катакомбного типа. Способ захоронения – скорченное труположение. Для мужчин характерно положение на правом боку, лицом к входу в погребальную камеру. Относительно женских костяков стандартизации не наблюдается: встречаются захоронения и на левом и на правом боку, равно как лицом, так и спиной к входу. Ориентировка погребенных различна. В могильнике Тигровая Балка известны 4 парных погребения, все остальные – одиночные. Четкой корреляции между полами, возрастом, ориентировкой погребенных и типом сооружения не наблюдается. Отличительной особенностью могильников Вахшской культуры является наличие большого числа сооружений, не содержащих погребения. Внешне кенотафы не отличаются от сооружений с

погребениями.

В погребальных комплексах зафиксирован культ огня: угли в могилах; очажки из трех камней со стоящим на них кухонным горшком в камере; костры под насыпью. Ряд верований и культов, реконструируемых по материалам вахшских могильников, имеет общую индоевропейскую традицию, многие детали обряда перекликаются с данными «Ригведы» и «Авесты».

Идеологические представления вахшских племен также в значительной степени сопоставимы с аналогичными представлениями древнеземледельческого населения Бактрии.

Могильники вахшской культуры синхронны поздним комплексам бронзового века Южной Бактрии. На основании ряд черт (кухонной керамики с валиком) Л. Т. Пьянкова датирует XI-X вв. до н. э.

Сопровождающий инвентарь в могилах представлен преимущественно глиняными сосудами (более 70% керамики является лепной). Металлические изделия редки. Во многих погребениях найдены остатки мясной пищи в виде лежащих в анатомически правильном положении ребер барана или козла.

В количественном отношении в инвентаре преобладает *керамика*. Лепные и гончарные сосуды поразительно похожи друг на друга, поэтому при классификации они не разделяются. Типологически они разбиты на 7 групп, включающих в себя 18 типов: кухонные горшки, кувшины, чаши, блюда, миски, горшковидные сосуды, яйцевидные сосуды на поддоне, баночные сосуды, биконические сосуды с раздутым туловом и узкой горловиной и сосуды индивидуальных форм.

Вахшская керамика в целом относится к кругу форм, распространенных в среде оседло-земледельческого населения Средней Азии и прилегающих областей в эпоху поздней бронзы. Наиболее близкие аналогии прослеживаются с материалами древней Бактрии, особенно с керамикой оседлых земледельцев Северного Афганистана. При этом лепные

экземпляры (горшковидные, баночные, биконические сосуды) в процентном отношении значительно преобладающие в керамической коллекции из вахшских могильников, по форме копируют соответствующие им гончарные образцы. Значительное число общих типов керамики имеется в могильниках вахшской культуры и могильниках Бишкентской долины. Прослеживается близость керамической традиции и с комплексами дельты Мургаба. Среди кухонных горшков вахшской культуры встречаются экземпляры, украшенные валиками, насечками, зигзагами – элементы орнаментации, характерной для керамики степной бронзы. Ряд параллелей для вахшской керамики, касающихся преимущественно кухонной посуды, имеется в культурах северных территорий – заманбабинской и чустской.

Металлические изделия представлены ножами («бритвы» двух типов и двулезвийные ножи), кинжалом, близким к кинжалам «переднеазиатского типа», зеркалами (круглыми и с боковой ручкой), булавкой и подвеской.

Все бронзовые изделия из вахшских могильников принадлежат к типам, бытовавшим в среде оседло-земледельческого населения Средней Азии, и прилегающих территорий. Наибольшее число аналогий прослеживается в материалах древнебактрийских памятников.

Каменные изделия включают кремневые наконечники стрел, навершия булав, круглую подделку из гальки, терочник и единичные бусы.

Костяные изделия представлены наконечниками стрел и дротиков, полый трубчатой и плоскими шлифованными лопаткообразными предметами.

В большинстве случаев инвентарь помещался в изголовье погребенного. Определенная закономерность прослежена относительно расположения кухонных горшков – их ставили у входа в камеру. Большинство бронзовых изделий найдено в мужских погребениях. Различные типы сосудов, как и их

количество, распределены в мужских и женских захоронениях равномерно. Зависимости инвентаря от возраста погребенных не наблюдается.

Хозяйство бишкентской и вахшской культур исследователи определяют как скотоводческое (при преобладании овцеводства). Широкому развитию скотоводства на этой территории, по всей видимости, способствовало изобилие благодатных пастбищ. Развитию скотоводства, вероятно, способствовали также постоянные контакты с племенами степного круга, следы пребывания которых обнаружены в непосредственной близости от мест сложения вахшской и бишкентской культур.

Определенное сходство материальной культуры бишкентских и вахшских памятников, вероятно, можно объяснить обитанием этих племен в контактной зоне степных и традиционно земледельческих областей Средней Азии. По данным антропологии носители бишкентской и вахшской культур принадлежат разным этническим группам.

Генезис. По своему материальному облику вахшская культура генетически восходит к оседло-земледельческим комплексам Северного Афганистана. Однако в облике вахшской культуры имеются и некоторые признаки влияния степной бронзы (курганная насыпь с каменным кольцом, сосуды с валиками, насечками, зигзагами). Исследователи допускают участие степных племен в сложении вахшских комплексов, но главным ее компонентом считают культуру оседло-земледельческого населения Южной Бактрии.

Материалы вышеизложенных комплексов времени поздней бронзы свидетельствуют о сложности этнических процессов, которая была характерна для всей Центральной Азии во II тыс. до н.э.

Раздел 3

Чустская культура

В Фергане в последней четверти II тыс. до н. э. сложилась своеобразная земледельческая культура, называемая по первому хорошо изученному поселению чустской. Для этой культуры характерно наличие своеобразной лепной расписной посуды (возрождение традиций украшения ее росписным, преимущественно геометрическим орнаментом), развитой металлургии бронзы и разнообразного каменного инвентаря вспомогательного назначения, отсутствие обособленных могильников. Захоронения производились на поселениях. Чустская культура представляет наиболее ранний известный нам сейчас этап развития земледельческой культуры в Фергане. Памятники ее распространены в северной и восточной частях долины. Последняя, судя по количеству памятников, осваивалась более интенсивно, чем северная

3.1. Распространение памятников

В настоящее время известно более 80 поселений и мест отдельных находок чустской керамики. Большинство известных ныне памятников сосредоточено в восточной части Ферганы, что свидетельствует, по всей вероятности, о значительном развитии земледельческой культуры именно в этой части долины вследствие наличия особо благоприятных природных условий. Здесь выявлены такие крупные памятники, как Дальверзин (25 га) и Ашкал-тепе (13 га). Из поселений террасного типа выделяется Ошское, которое, вероятно, являлось культовым центром. Важные результаты, получены в последнее время китайскими археологами в новом регионе – в Таримской впадине (Синьцзян). На южных склонах Восточного Тянь-шаня выявлено несколько земледельческих оазисов эпохи поздней бронзы. Наиболее интересно поселение Синтала,

расположенное к северу от озера Баграш-куль в северо-восточной части Таримской котловины. Основным индикатор культурной принадлежности поселения – керамика, которая близка чувтским поселениям соседней Ферганы.

Поселения чувтских племен располагаются в основном в равнинной части долины, но ряд памятников выявлен в предгорной зоне — поселения в Узгенском оазисе, на хребте Маняк в районе г. Ош и Кара-Курган в Северной Фергане. Одно поселение — Акбарабад — находится на окраине песков Центральной Ферганы. Таким образом, в отличие от неолитических стоянок, которые встречены только в песках Центральной Ферганы, земледельческие поселения чувтских племен располагаются в различных ландшафтах — степном, полупустынном и пустынном.

3.2. Материальная культура

Поселения чувтской культуры по размерам занимаемой площади могут быть разделены на большие (площадь более 10 га – Дальверзин, Ашкал-тепе) и малые (площадь до 1 га). Промежуточное положение занимают такие поселения, как Чувтское (4 га) и Дехканское (около 5 га).

Наиболее хорошо изучено *Чувтское поселение* (4 га). Оно располагается на холме (размером 210x200 м) в пойме р. Гавы, к северу от г. Чуст.

Культурный слой толщиной от 40 см до 3,5 м разделяется на 7 прослоек. На обширной вскрытой площади поселения обнаружено всего лишь два помещения с глинобитными стенами, а также остатки легких наземных построек наподобие шалашей. Почти в центре поселения располагается овальное глинобитное сооружение (размером 2x2,7 м), служившее, вероятно, обжигательной керамической печью или культовой постройкой.

На вскрытых участках обнаружены многочисленные круглые ямы. Они предназначались для хранения зерна и других продуктов.

Чустское поселение было укрепленным. Оборонительная стена толщиной в 3 м и высотой до 3.5 м сложена из сырцового кирпича (размером 54-55x32-33x8-10 см). Основание ее лежит на культурном слое, находки в котором не отличались от вышележащих слоев.

Одним из наиболее крупных поселений является *Дальверзин*. Оно расположено на левом берегу р. Карадарьи в 5 км от нее. Площадь поселения около 25 га. В культурных напластованиях выделено три строительных горизонта, причем толщина культурного слоя колеблется от 1,6 до 3-4 м.

В пределах вскрытой площади во всех трех горизонтах обнаружены остатки нескольких помещений из сырцового кирпича. Так же как и для Чуста, характерно обилие хозяйственных ям, имеющих во всех горизонтах, но основная масса которых встречена в среднем и нижнем. Выявлено несколько типов очагов: в виде скопления гальки и обожженных вальков и в виде прямоугольной площадки с глинобитными стенками.

Дальверзинское поселение было окружено оборонительной стеной, по всей вероятности, со всех сторон. В настоящее время остатки стен изучены на северном, восточном и юго-восточном краях поселения.

Стены Дальверзина дошли до нас в виде земляных валов шириной 18-20 м и высотой над окружающей местностью 2,8-3,6 м. Первоначально поселение, по-видимому, не имело стен. Затем на отложившемся (нижнем) культурном слое была построена глинобитная платформа. На нее был положен слой утрамбованной черной земли толщиной в 1,2 м. Сверху этот слой перекрыт кладкой толщиной в 60 см из нескольких рядов сырцовых кирпичей, лежавших без определенного порядка на толстом слое раствора. В последующее время стена была

расширена за счет пристройки с внутренней стороны, в результате чего толщина ее достигла 4-6 м. Высота сохранившегося участка стены 2,5 м, а первоначальная высота ее, по всей вероятности, достигала 5-6 м.

В Карадарьинском оазисе исследовано всего 5 небольших поселений чустской культуры. Они располагаются на краю древней береговой террасы Карадарьи на расстоянии 1-3 км друг от друга. Отличаются они также небольшими размерами: площадь поселения Каракочкор I – 200 м², Каракочкор II – около 700 м², поселения 33 – 1040-1400 м², поселения 82 – около 2000 м².

Особым типом поселений являются поселки, расположенные на скальных хребтах, например, в седловине невысокой гряды Маняк к северо-западу от г. Ош. Хотя культурные наслоения достигают 60-80 см, здесь, по всей вероятности, никаких постоянных жилых построек не было и оно служило местом сезонного пребывания.

Жилища поселений чустской культуры недостаточно изучены, и поэтому мало материалов для их характеристики. Скорее всего, основным типом жилища служили глинобитные или из сырцового кирпича наземные дома. Остатки их выявлены на трех поселениях. В нижнем горизонте Дальверзина открыта часть узкой комнаты, стены которой сложены из кирпича. Аналогичное строение отмечено в среднем горизонте, а в верхнем горизонте раскрыто помещение размером 9х7 м. Еще одно помещение (6х3 м) выявлено в оборонительной стене. Несколько узких комнат с глинобитными стенами раскопано на Чустском поселении. В верхнем горизонте выявлено крупное помещение, по своим размерам сходное с помещением верхнего горизонта Дальверзина.

Остатки трех комнат изучены также на Ашкал-тепе. Все эти факты не оставляют сомнения в существовании наземных домов в этот период. Однако вызывает удивление

малочисленность выявленных построек по сравнению с размерами изученной площади поселений.

В Чусте отмечено наличие легких построек наподобие шалашей, от которых сохранились ровики и круглые углубления для стоек. Следует, однако, иметь в виду, что в условиях континентального климата Ферганы такие постройки не могли служить основным типом жилищ и не могли заменить наземные дома.

Орудия и оружие. Для чустских племен важное значение имело развитие бронзолитейного производства. В Чусте и Дальверзине найдены формы для отливки одинаковых плоских круглых зеркал с небольшой рукоятью, причем на одной стороне формы вырезано углубление для изготовления зеркала большого размера, а на другой — для отливки небольших зеркал. На одной литейной форме из Чуста вырезаны углубления для отливки одновременно двух серпов. Древние мастера весьма экономно использовали поверхность каждой литейной формы, поскольку камень-песчаник, из которого они вырезаны, составлял, видимо, большую редкость.

Все процессы вторичной обработки металла производились в пределах поселения. Плавка осуществлялась в обычных сосудах. Преобладают изделия, изготовленные путем литья, но имеются также кованые изделия. Большинство металлических предметов, судя по спектральному анализу, изготовлено из бронзы. Среди них выделяется группа оловянистых бронзовых изделий с содержанием 3-7% олова и группа мышьяковистой бронзы с примесью более 5 % мышьяка и включением небольшого количества олова. По химическому составу сплавов изделия чустской культуры отличаются от изделий соседних областей Средней Азии, что объясняется главным образом характером использованной местной руды (Богданова-Березовская, 1962). Набор бронзовых изделий чустской культуры довольно разнообразен и включает орудия труда (серпы, долота, ножи, шилья, иглы и др.) предметы вооружения

(наконечники стрел и копий) и конской упряжи (удила и псалии), предметы украшения и туалета (зеркала, браслеты, кольца, бусы и др.).

Типичными для чустской культуры формами являются своеобразные ножи с узкой рукоятью, составляющие одно целое с клинком и заканчивающиеся круглым навершием, серпы со слабо изогнутым лезвием, закругленным обушком и отверстием, равного размера двухперые наконечники стрел с черешком, наконечники копий двух разновидностей — листовидные с центральным ребром и со втулкой, на которой имелось отверстие для закрепления на древке, и листовидные с прорезями (находка на Заргулдак-тепе), двусоставные удила из стержня с кольцами на концах (кольцо располагалось перпендикулярно плоскости удил), псалии в виде длинного стержня с тремя отверстиями в одной плоскости на небольшом расстоянии друг от друга, верхний конец которых заканчивается кнопковидной шишкой.

Всего на Дальверзине найдено около 60 металлических предметов, а в Чусте — около 80.

Наряду с широким развитием металлургии бронзы в это время появляются первые свидетельства знакомства населения Ферганы с железом. Из Дальверзина происходит обломок железного ножа с узким клинком и выделенной рукоятью. О распространении на поселении железа говорят находки шлака железной руды.

Каменные орудия и изделия широко использовались чустскими племенами. Находки их весьма многочисленны на всех поселениях. Так, например, на Дальверзине добыто около 1500 каменных орудий и поделок. Чаще всего встречаются каменные шаровидные отбойники, представленные в коллекциях Чуста и Дальверзина сотнями экземпляров.

Каменные орудия и поделки находили разностороннее применение в хозяйстве и быту населения. Но в основном они имели вспомогательный характер. Для обработки почвы

использовали массивные мотыги трапециевидной формы со слегка выделенной рукоятью. Типичным для чустской культуры орудием являются серповидные ножи, насчитывающие в материалах из Дальверзина около 400 экземпляров. Они производились на месте, о чем говорит наличие их многочисленных заготовок, находящихся на разных стадиях изготовления. Ножи имеют слегка изогнутую форму, с прямым обушком и массивным рабочим краем. Средние размеры их 15x4,2x0,8 см. Они несколько различаются по своей форме, степени изогнутости лезвия и размерам. Подобные орудия были найдены на поселении Кучук-тепе на юге Узбекистана.

На изученных поселениях часто встречаются каменные навершия булав. Они найдены даже на небольших поселениях — в Чимбае и Тергаучи. Навершия обычно конической формы, изготовлены из мраморовидного камня белого (Дальверзин) или черного цвета (Чуст), тщательно отшлифованы. В Чусте найдено также навершие иной формы, с шишковидными выступами.

Широко использовали древние земледельцы гальки и камни в качестве различных терок, ударных орудий и т. д. Многочисленны на всех поселениях находки каменных зернотерок нескольких разновидностей и, как правило, больших размеров. Однако назначение и характер употребления ряда каменных изделий остаются неясными.

Следует добавить, что из камня (песчаника) вырезали литейные формы, а также изготовляли украшения (бусы).

Изделия из кости составляли важную часть производственного инвентаря. Набор костяных орудий и поделок разнообразен — это костяные гребни и челнок для ткацкого производства, проколки-шила, роговые трехдырчатые псалии, наконечники стрел, орудия из метаподия лошади (так называемые коньки), трубки и рукояти, кружки из эпифизов костей, костяные пряслица и др. На всех поселениях

в большом количестве встречены астрагалы со срезанными и зашлифованными поверхностями. Некоторые из них имеют отверстия, которые залиты бронзой. Имеются астрагалы с нарезками и вырезанными знаками. Найдены зубы животных с просверленным отверстием для шнурка, которые использовались в качестве амулетов или украшений, часто встречаются раковины каури, служившие украшением.

Вся *посуда* изготовлялась вручную, так как в Фергане гончарный круг в это время не был еще известен. Однако в Чусте и Дальверзине имеется несколько фрагментов сосудов, изготовленных на гончарном круге, происхождение которых остается неясным.

Основную массу находок составляет керамика двух типов – с красной облицовкой и кухонная сероглиняная. Все остальные типы представлены небольшим количеством фрагментов, в том числе находки расписной посуды.

Керамика с красной облицовкой изготовлена из плохо промешанной массы с примесью дресвы, обжиг недостаточный. Сосуды снаружи покрыты красной краской, на которой разбросаны пятна разного цвета, от светло-коричневого до черного. Посуда формовалась ленточным способом и на матерчатом шаблоне. Можно выделить ведущие формы посуды этого типа – круглодонные кувшины, плоскодонные горшки конической формы, миски с перегибом бортика, чаши полусферической формы и с плоским дном. Весьма характерны чаши и миски с носиком-сливом.

Расписная посуда является одним из выразительных признаков чустской культуры в целом. По составу глины и способу изготовления она мало отличается от посуды первого типа, но, как правило, у нее лучшее качество и более яркая и прочная облицовка. Роспись наносилась черной краской и занимала главным образом верхнюю часть сосуда. В орнаменте преобладают геометрические узоры и отсутствуют криволинейные и зооморфные мотивы. Единственным

экземпляром представлена чаша с силуэтным изображением фигурки человека. Основные мотивы узора — треугольник, клиновидный треугольник, ромб, лента и отдельные линии. В орнаменте преобладают геометрические узоры с сетчатым заполнением и со сплошной заливкой. Большинство узоров находит прямые аналогии в расписной посуде эпохи неолита и энеолита Переднего Востока. Вместе с тем в орнаменте наблюдается и сходство с карасукской посудой.

Наряду с преобладанием черной росписи на Чустском поселении обнаружены образцы с узором коричневой краской по светлой облицовке. Имеется также несколько фрагментов с потеками буро-коричневой краски. На Ашкал-тепе найдена чаша, украшенная зигзагообразным узором лилового цвета, приближающаяся по цвету к росписи посуды Актамского могильника.

По количеству находок второе место в комплексе занимает сероглиняная посуда. Она изготовлена из глины с примесью, известняка ленточным способом и на матерчатом шаблоне. Характерные формы — большие шаровидные котлы, кувшины, жаровни.

Для чустской керамики характерны сосуды с ручками и носиками, представленные пока немногочисленными образцами. Своеобразны ручки в виде прямоугольных вертикальных наклепов с вертикальным отверстием для шнура и плоские горизонтальные ручки, прилегающие к горловине сосуда. Имеются также обычные петлевидные ручки. Крышки имеют дисковидную форму, иногда снабжены ручками.

3.3. Экономика

Для чустской культуры характерно сложившееся земледельческо-скотоводческое хозяйство. Время возникновения земледелия в Ферганской долине пока еще не установлено. Но можно полагать, что оно зародилось в дочустский период, так как в чустский период уже отмечается

широкое освоение земледельцами этой долины. Количество поселений, большие размеры некоторых из них, а также значительные толщи культурных отложений и общий высокий уровень материальной культуры дают право говорить о значительном развитии земледелия. Косвенные данные позволяют предполагать использование начальных форм искусственного орошения.

Древние земледельцы возделывали мягкую пшеницу, пленчатый ячмень, а также просовидное растение типа могоара. Семена этих культур обнаружены в Чусте. Разведение проса является особенностью древнеземледельческой культуры Ферганы.

Для хранения зерна и других продуктов сельского хозяйства предназначались многочисленные хозяйственные ямы, обнаруженные на ряде поселений. В среднем каждая такая яма могла вмещать от 2 до 10, а большие ямы — до 20 и более центнеров зерна. Эти подсчеты позволяют предполагать, что чустские племена были хорошо обеспечены зерном и, видимо, имели даже излишки для обмена. Обычай хранения зерна в ямах пока установлен только для Ферганы.

Набор известных нам земледельческих орудий очень ограничен. Для рыхления и обработки земли применяли массивные каменные мотыги. С земледелием связаны каменные серповидные ножи, имевшие различное назначение и употреблявшиеся в качестве и серпов, и ножей. Наряду с каменными серповидными орудиями употребляли в это время также бронзовые серпы. По форме и размерам они близки подобным орудиям из Чуйской долины и Восточного Казахстана. Из других предметов труда, применявшихся при обработке продуктов земледелия, в большом количестве встречаются ручные зернотерки.

Значительную роль в хозяйстве чустских племен играло пастушеское скотоводство, тесно связанное с земледелием. Кости животных, добытые в Чусте и Дальверзине, дают

некоторое представление о видовом составе стада. В это время разводили все виды домашних животных: коров, коз, овец, лошадей, ослов, а также верблюдов и, возможно, свиней. Кости крупного рогатого скота и лошадей составляли в среднем 40% всех сборов костей, и, очевидно, разведение именно этих видов животных было ведущим в скотоводстве.

Костей диких животных найдено немного. Объектами охоты были представители степной и полупустынной фауны — сайгак, кулан и особенно джейран, 13 особей которого определено в материалах из Чуста. Найдены кости кабана и благородного оленя.

Население занималось, кроме того, рыболовством, об этом говорят находки костей рыб в Чусте и Дальверзине, а также находки рыболовных крючков.

Широкое развитие получило бронзолитейное производство, базой для которого были рудные богатства гор Ферганы.

Важным занятием населения было изготовление пряжи и тканей. Источником для изучения ткачества служат орудия ткацкого производства — костяные гребни для подбивания утка, челнок, прясла от веретен, а также отпечатки тканей на сосудах.

3.4. Погребальный обряд

Жители древних поселков хоронили умерших сородичей, вероятно, главным образом в пределах самого поселка на пустырях и на месте разрушенных построек. Особенности погребального обряда установлены для нескольких захоронений в Дальверзине и Чусте. Усопшие лежат, как правило, в скорченном положении на правом или левом боку. Ориентация погребенных разнообразна: на северо-восток, юго-запад, восток-юго-восток, запад. В скорченном положении погребены как дети, так и взрослые. На обоих поселениях встречены также единичные захоронения в вытянутом положении на спине. Никаких вещей возле

костяков не найдено. Только в изголовье одного погребенного находилась расписная чаша.

Особо выделяется захоронение подростка в верхнем горизонте Дальверзина, лежащего на спине в вытянутом положении. На черепе его имеются два круглых, пробитых каким-то орудием отверстия – свидетельство насильственной смерти. Положение умершего на спине и западная ориентация его сближает погребение с более поздними захоронениями в могильниках актамской группы I тыс. до н.э. Наряду с целыми захоронениями в Чусте и Дальверзине в большом количестве встречены разрозненные человеческие кости и черепа. Очень часто эти кости находят в хозяйственных ямах вместе с костями животных и отбросами. Некоторые из них имеют следы пребывания в огне. На обоих поселениях обнаружены скопления исключительно одних черепов. Только на Чустском поселении отмечен обычай захоронения в небольших сосудах-корчагах.

3.5. Генезис и хронология

Специфической особенностью истории Ферганы эпохи поздней бронзы является сосуществование земледельческих племен чустской культуры с пастушеско-земледельческими племенами андроновской общности, которые имели иные связи, иное происхождение и составляли часть обширного массива племен степных культур эпохи бронзы Евразии. Таким образом, на территории Ферганской долины проходила граница между земледельческими культурами крашеной керамики и андроновской культурой, причем отношения между этими племенами не всегда носили мирный характер, чем, видимо, и следует объяснить появление мощных оборонительных стен на поселениях земледельцев.

В Фергане как бы в миниатюре отражаются сложные переплетения исторических судеб этнически разнородного населения Средней Азии в целом.

Здесь пока не известны земледельческие памятники; более ранние, чем чустские. Если допустить, что Чустская культура трансформировалась из Кайраккумской, то переход от одной к другой не мог произойти настолько резко, чтобы не осталось памятников переходного периода. Накопленные материалы показывают, что, по крайней мере, некоторые кайраккумские и чустские памятники существовали синхронно в разных частях долины. Они настолько отличаются друг от друга по керамическому комплексу, погребальному обряду, местам расселения и набору орудий труда, что нам кажется предпочтительней точка зрения об автохтонности Чустской культуры, возникшей на основе, неизвестной пока земледельческой культуры (Мургабский оазис?) из круга древнеземледельческих культур Центральной Азии.

Добытые палеоантропологические материалы позволили охарактеризовать расовый тип населения. Большинство изученных черепов принадлежит европеоидному долихокранному средиземноморскому типу. Меньшим количеством черепов представлен другой расовый тип, сходный с андроновским и с европеоидным типом погребенных в Вуадильском могильнике. Имеются также черепа промежуточного типа, в которых смешаны черты средиземноморского долихокранного и брахикранного типов. В расовом отношении население чустской культуры было сходно с земледельцами юга Туркмении, Бухарского оазиса и частично Хорезма.

В Фергане известен ряд находок металлических изделий, которые могут быть отнесены к дочустскому периоду. Таков Хакский клад, имеющий близкие аналогии в комплексе Гисар III в Северном Иране. К этому же времени относятся бронзовые ножи катакомбного типа, найденные в разных пунктах Ферганской долины, и некоторые другие орудия. Нам неизвестна керамика этого периода. Вполне возможно, что открытие раннего этапа чустской культуры позволит заполнить

этот пробел. В этой связи большое значение имеет сходство чувтской расписной керамики с комплексом Мундигак V в Афганистане, который нельзя датировать позднее первой половины II тыс. до н. э. Появление сходства в керамике связывают со вторжением в Афганистан ферганских племен.

Отсутствие памятников предшествующего периода не позволяет проследить истоки чувтской культуры, и поэтому в настоящее время проблему происхождения ее решить невозможно. В литературе высказано предположение о возникновении чувтской культуры в результате перехода местных племен к земледелию под влиянием южнотуркменистанских племен. Вполне возможно, что это предположение в дальнейшем найдет подтверждение в конкретных материалах. Во всяком случае несомненно, что развитие металлургии и традиции украшения глиняной посуды росписью являются результатом культурного влияния более развитых земледельческих общин юга Туркмении. Вместе с тем совершенно отчетливо проступают черты самобытности культуры населения Ферганы эпохи поздней бронзы. Это дает основание говорить не о простом и механическом заимствовании культурных достижений, а о более сложных процессах сложения своеобразного облика чувтской культуры, еще недостаточно нам известных. Цветущие земледельческие оазисы чувтских племен приходят в упадок в VIII-VII вв. до н.э. Полностью прекращается существование чувтских поселений, и на смену им приходят памятники следующего, эйлатанского периода. Сравнительное изучение керамики обоих периодов свидетельствует об определенной преемственности развития земледельческой культуры в период поздней бронзы и раннего железа. Наиболее яркое отражение эта преемственность нашла в своеобразном типе керамики из поселения Кара-Курган, сочетавшей признаки, характерные для чувтского и эйлатанского комплексов.

Проблема генезиса Чустской культуры активно обсуждается в научной литературе, однако он окончательно не выяснен. Указанная культура представляет собой устойчивый сложившийся комплекс XIV-X вв. до н.э. и не имеет никакой связи с местными неолитическими племенами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из важнейших вех доисторического периода народов Средней Азии является эпоха палеометалла, без исследования которой нельзя говорить о целостности истории цивилизации этого региона. Основная задача учебной дисциплины «Археологии Средней Азии» значительно шире и глубже, чем простое усвоение названия культур и памятников. На прочном фундаменте историко-археологических фактов, она призвана формировать исторические знания, историческое мышление специалиста, его мировоззрение.

Археологические исследования, проводимые в Средней Азии в последнее десятилетие, показывают, что число памятников эпохи палеометалла значительно увеличилось и продолжает расти, а вместе с тем изменяются и наши представления об исторических процессах, происходящих в этот период.

Произведенный выше анализ материалов оседло-земледельческих и степных культур Средней Азии позволяет определить историческое место ряда культур и их значение для понимания доисторического прошлого обитателей рассматриваемого региона. В результате работ нескольких поколений исследователей, накоплен значительный объем археологических материалов, демонстрирующих особенности историко-культурных и этногенетических процессов на территории Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы.

Признавая комплексный характер древнейшего производящего хозяйства, следует в то же время подчеркнуть ведущую роль земледелия в южных среднеазиатских экономических зонах в период энеолита. Именно земледелие обусловило переход к прочной оседлости. Не менее важный показатель – овладение металлообработкой. Как особое явление следует рассматривать продвижение степных скотоводов Евразии к южным границам земледельческих

областей в эпоху энеолита, что засвидетельствовано появлением в Зеравшанских оазисах культуры Заманбаба и святилища Жуков.

В эпоху бронзы с точки зрения исторического развития к III тыс. до н. э. на юго-западе Средней Азии возникают крупные поселения площадью в десятки гектаров с беспорядочной застройкой («городского» типа) домов для больших семей, с обширными культовыми сооружениями, огражденными толстыми стенами из сырцового кирпича. Во II тыс. до н.э. появляются и городские стены. Некоторые признаки указывают на профессионализацию ремесла в этих поселках, а с начала II тыс. до н. э. наблюдаются признаки торговых связей с Ираном и Индией. В то же время на периферии таких крупных поселков располагались мелкие селения из нескольких или даже одного большесемейного жилища.

II тыс. до н.э. было эпохой этнических перемещений. Но следы этнических перемещений, если только они не сопровождались пожарами, археологически обнаружить трудно. Пока остается неизвестным также, были ли эти перемещения причиной того, что создание урбанистических цивилизаций здесь замедлилось, или, наоборот, какие-то внутренние трудности развития местных земледельческих обществ способствовали этническим перемещением. Таким образом, древнеземледельческие и степные цивилизации Средней Азии все еще загадочны.

Исследования эпохи палеометалла представляют собой одно из звеньев археологической науки Средней Азии. Накоплен большой опыт, разработана новая методика полевых исследований, где привлекаются и другие вспомогательные научные отрасли.

Все это позволило поставить изучение доисторической (дописьменной) археологии на высокий уровень и достичь больших результатов в этой области. Новые исследования во многом изменили прежние представления о ранних этапах

истории металлопроизводства. Прогресс последнего был одним из мощных стимулов экономического и социального развития среднеазиатского общества в период палеометалла. Фактически, цивилизация возникла тогда, когда человек научился использовать металл, позволившему ему изменить среду своего обитания.

Материалы, которыми сегодня располагает наука, показывают исторический путь, пройденный на протяжении многих тысячелетий народами Средней Азии, свидетельствуют об огромной значимости здесь социально-экономических, политических и культурных процессов для истории цивилизации в целом.

Доисторическое наследие как уроки прошлого должны служить благородным целям нашей эпохи – взаимопониманию народов, взаимному обогащению ценностями культур, нравственному воспитанию новых поколений. Без понимания достижений истории ранних цивилизаций наш мир немислим, так как они являются неповторимым этапом всемирно-исторического развития.

ОСНОВНАЯ РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

(для дополнительного чтения)

К введению учебника

Авдусин Д.А. Основы археологии. Учебник. Москва, 1989

Археология. Учебник. Под ред. ак. РАН В.Л. Янина. Москва, 2012

Грязнов М.П. Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии. Тез. док. теорет. семинара ЛОИА АН СССР. Ленинград, 1969

Мартынов А.И., Шер Я.А. Учебное пособие. Методы археологического исследования. Москва, 2002

Колчин Д.А. Археология и естественные науки. Москва, 1985

Клейн Л.С. К разработке процедуры археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Ленинград, 1975

Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА, № 2. Москва, 1970

Мурзаев Э.М. Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. Москва, 1958

К главе I

Губаев А. Археология Туркменистана. Ашхабад, 1998

Ермолова Н.М. Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // Древнейшие цивилизации Востока. Ташкент, 1986

Куфтин Б.А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культуры Анау // Труды ЮТАКЭ, № I. Ленинград, 1954

Массон В.М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии // СА, № 4. Москва, 1957

Массон В.М. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении.

Москва-Ленинград, 1962

Массон В.М. Алтын-депе // Труды ЮТАКЭ, т. 18. Ленинград, 1981

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Москва, 1982

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996

Массон В.М. Вопросы культурного наследия. Ашхабад, 2002

Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. С-Петербургский университет. 2006

Сарианиди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Т. 10. Ленинград, 1958

Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Москва-Ленинград, 1964

Хлопин И.Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург, 1997

К главе II

Аванесова Н.А. Эпоха бронзы Средней Азии. Учебное пособие. Часть I, Изд. СамГУ. Самарканд, 1989

Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд, 2013

Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент: изд. Фан, 1972

Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977

Аскарлов А.А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983

Бобомулов С. Материалы Фархорской археологической экспедиции. Вып. 1. Душанбе, 2017

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелот и Дарнайча). Москва, 2018

Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991

Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев

Мургаба // СА, № 1. Москва, 1979

Масимов И.С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе (материалы II Советско-американского симпозиума). Ташкент, 1986

Массон В.М., Сарианиди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Москва, 1973

Массон В.М. Алтын-депе // Труды ЮТАКЭ, т. 18. Ленинград, 1981

Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. С-Петербургский университет. 2006

Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005

Сайко Э.В., Терехова Н.Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. Москва, 1981

Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Ленинград, 1983

Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург, 2002

Ширинов Т.Ш. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья. Ташкент, 1986

К главе III

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991

Абетеков А. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирман-сай // КСИА, вып. 93. Москва, 1963

Аскарров А.А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969

Бернштам А.Н. Чуйская долина // МИА, № 14. Москва-Ленинград, 1950

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. Москва-

Ленинград, 1960

Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. Москва, 2004

Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута Юго-Западного Таджикистана. Москва, 2008

Виноградов А.В., Мамедов Р.М. Первобытный Лявлякан. Москва, 1975

Гимбург Б.З., Горбунова Н.Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА, № 3. Москва, 1957

Грязнов М.П. Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии Средней Азии. Ленинград, 1968

Галочкина Н.Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977

Гулямов А.Г., Исламов У., Аскарлов А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966

Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. История эпохи бронзы Средней Азии. Учебное пособие. Самарканд, изд. СамГУ, 1983

Итина М.А. Памятники первобытной культуры верхнего Узбоя // Труды ХАЭ. Т. 2. Москва, 1953

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья II — начала I тыс. до н.э. Москва, 1977

Кузьмина Е.Е. Арии — путь на юг. Москва, 2008

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. I. Самарканд, 1972

Литвинский Б.А., Окладников А.П. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962

Литвинский Б.А., Антонова Е.В., Виноградова Н.М. Раскопки могильника Тандырйул // АО, 1977. Москва, 1978

Пьянкова Л.Т. Бронзовый век Южного Таджикистана // Известия АН Тадж. ССР, № 4. Душанбе, 1986

Ходжайов Т.К., Джуракулов М.Д. Антропология Средней Азии. Самарканд, 1984

К главе IV

Аванесова Н.А. Эпоха бронзы Средней Азии. Учебное пособие. Часть I, Изд. СамГУ. Самарканд, 1989

Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Работы в Гиссарской долине // АО, 1977. Москва, 1978

Гулямов А.Г., Исламов У., Аскарлов А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, № 118. Москва-Ленинград, 1962

Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Москва-Ленинград, 1966

Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. д.и.н. Москва, 1978

Литвинский Б.А. Исторические судьбы восточного Туркестана и Средней Азии // Восточный Туркестан и Средняя Азия. Москва, 1984

Мандельштам А.Н. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Москва-Ленинград, 1966

Мандельштам А.Н. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА, № 145. Москва-Ленинград, 1968

Пьянкова Л.Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка // СА, № 3. Москва, 1974

Пьянкова Л.Т. Бронзовый век Южного Таджикистана // Известия АН Тадж. ССР, № 4. Душанбе, 1986

Спришевский В.И. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г. АИН, УзССР. Серия общественных наук. № 1.

Ташкент, 1957

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации.
Москва, 1948

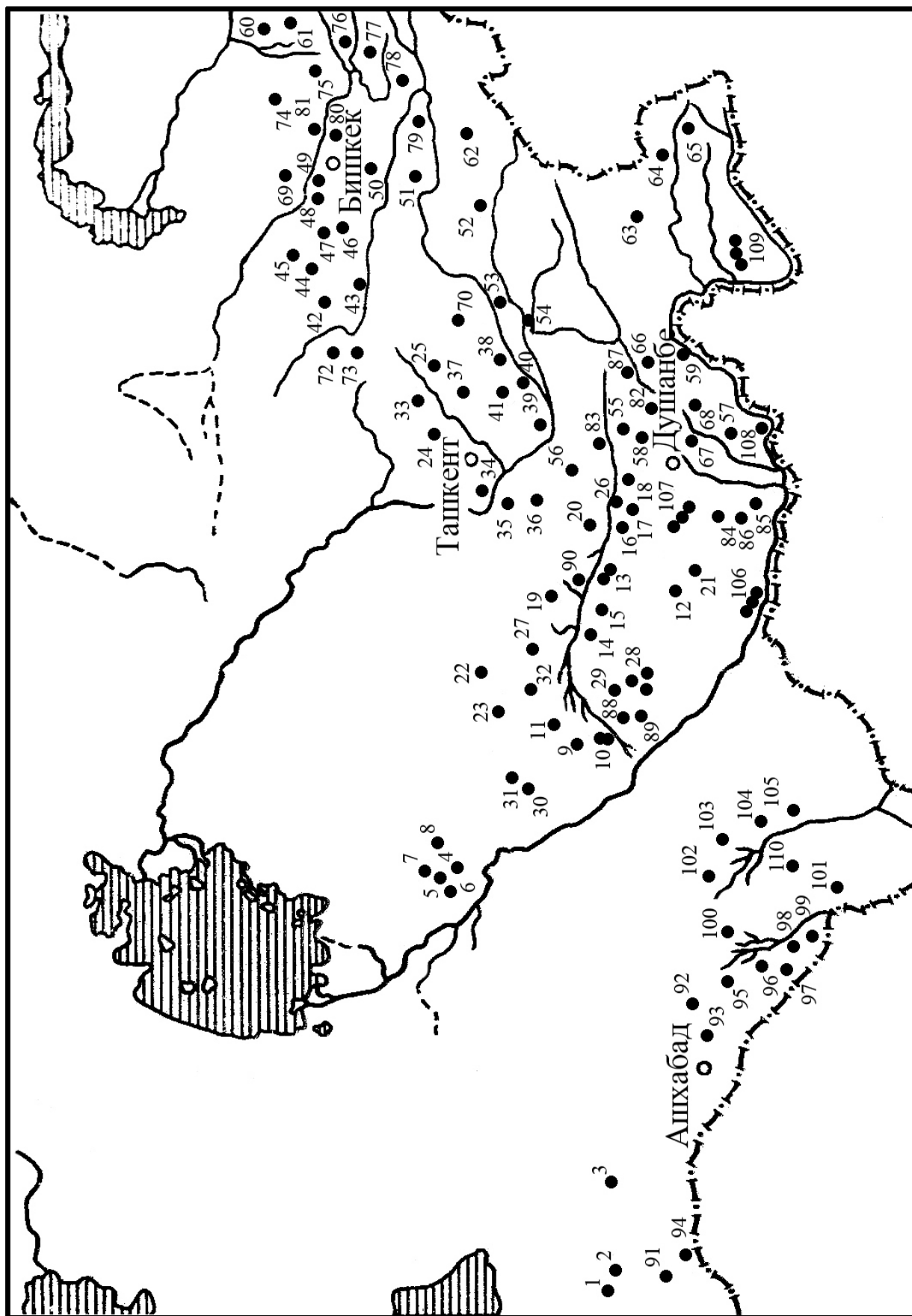
Ходжайов Т.К., Джуракулов М.Д. Антропология Средней Азии. Самарканд, 1984

Ширинов Т.Ш. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья. Ташкент, 1986

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	Вестник древней истории
ИА АН СССР	Институт археологии Академии наук СССР
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана
КСИА	Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии Академии Наук СССР
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии
СА	Советская археология
СЭ	Советская этнография
ЮТАКЭ	Ожно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
УСА	Успехи среднеазиатской археологии
ХАЭ	Хорезмская археологическая экспедиция
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории и материальной культуры
АРТ	Археологические работы Таджикистана
ОНУ	Общественные науки Узбекистана

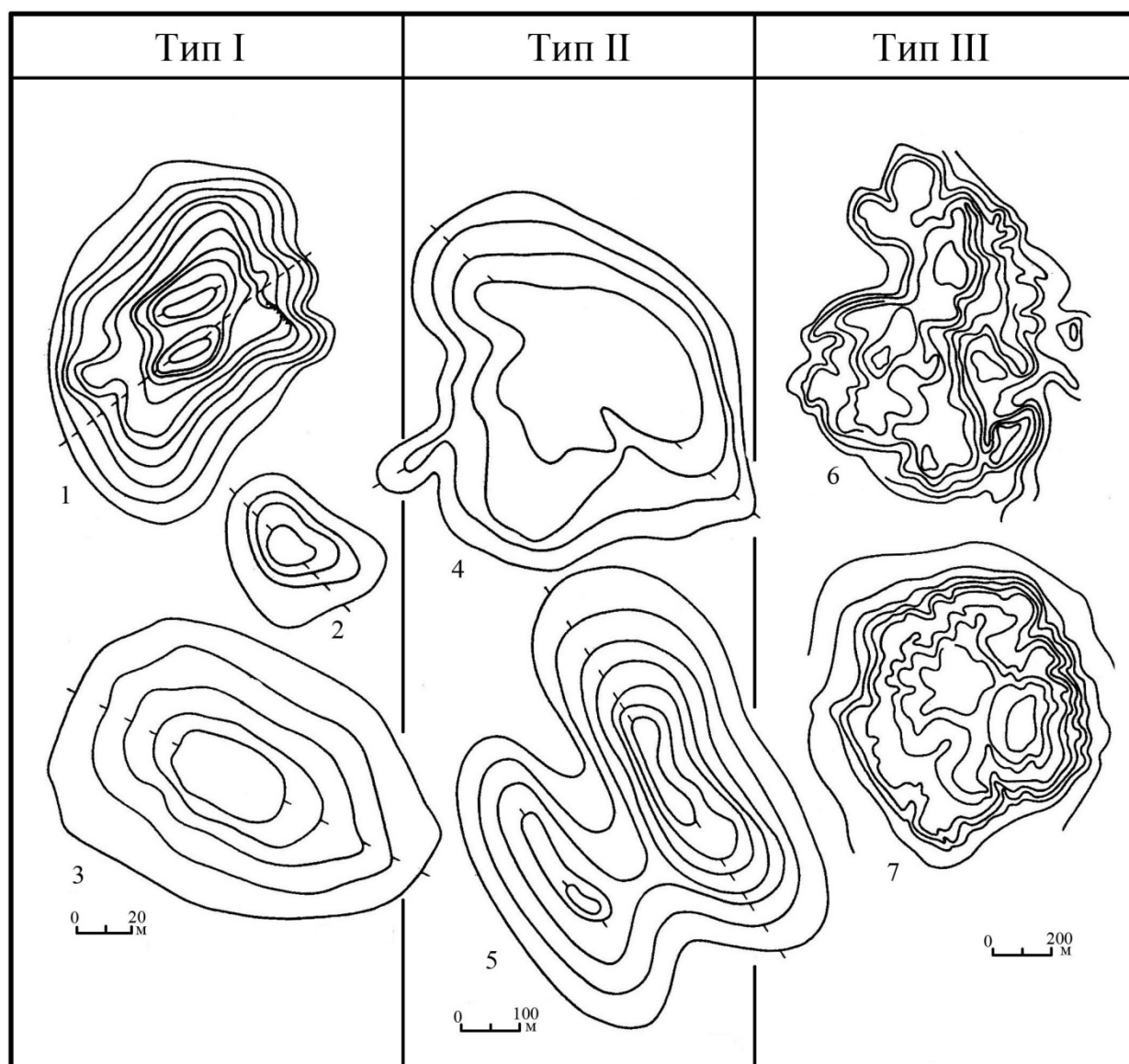
ПРИЛОЖЕНИЕ
(иллюстрации к главам учебника)

Схематическая карта расположения памятников энеолита и бронзы на территории Средней Азии

1 – могильник Караламетасай; 2 – могильник Патмасай; 3 – стоянка Балаишин; 4 – поселение Ангка; 5 – поселение Кават 2; 6 – поселение Кават 3; 7 – могильник Кокча 3; 8 – поселение Кокча 1; 9 – могильник Гурдуш; 10 – стоянки Гуджайли, Большой и Малый Тузкан; 11 – могильник Кызыл-Кыр; 12 – стоянка Пайкенд 1-10; 13 – могильник Муминабад 1-2; 14 – могильник Чакка; 15 – стоянка Чакка; 16 – погребение Дехканабад; 17 – погребение Гус; 18 – погребение Сайгуз; 19 – погребение Сиаб; 20 – погребение в заповеднике Джамбая; 21 – погребение Джам; 22 – могильник Бушмулла; 23 – погребение Тоз; 24 – клад Чимбайлык; 25 – могильник Аурахмат; 26 – стоянка Тугай; 27 – стоянка Лявлякан; 28 – горные выработки Карнаб, Кочкарлы, Чангалли, Акташты; 29 – стоянка Тым; 30 – стоянка Мадими; 31 – стоянка Бешбулак; 32 – стоянка Навбаг; 33 – клад Бричмулла; 34 – Никифоровский могильник; 35 – могильник Янги Йуль; 36 – могильник Вревская; 37 – могильник Ореховская; 38 – могильник Дашти Ашт; 39 – могильник Ходжи Ягона; 40 – Кайраккумские стоянки; 41 – могильник Дахана; 42 – могильник Таш Тюбе; 43 – могильник Таш-Башат; 44 – поселение Каинда; 45 – поселение Джаильма; 46 – клад Садовое; 47 – поселение и клад Александровское; 48 – клад Сукулук I; 49 – клад Сукулук II; 50 – могильник Тегерменсай; 51 – погребение Пригородное; 52 – клад Узген; 53 – могильник Карамкуль; 54 – могильник Вуадиль; 55 – клад Искандеркуль; 56 – пещера Ак-Танги; 57 – клад Джиликуль; 58 – могильник Тандарйул; 59 – поселение Кангурт-Тут; 60 – клад Иссык-Куль; 61 – клад Каракол I-II; 62 – могильник Арпа; 63 – могильник Кокуйбель-су; 64 – пещера Куртеке; 65 – могильник Кызыл-Рабат; 66 – поселение Тегузак; 67 – поселение Совхоз Кирова; 68 – поселение Карим-Берды; 69 – поселение Аламединское; 70 – поселение Джал-Арык; 71 – могильник Кулансай; 72 – могильник Кызылсай; 73 – могильник Беш-Таш; 74 – могильник Новороссийский; 75 – могильник Чон-Кемин; 76 – могильник Кекеликсай; 77 – могильник Тон I; 78 – могильник Джазы-Кечу; 79 – могильник Чиргаил; 80 – клад Туюк; 81 – клад Шамши; 82 – могильник Кумсай; 83 – могильник Дашти-Кози; 84 – могильник Бишкент II; 85 – могильник Тигровая Балка; 86 – могильник Тулхар; 87 – могильник Нурек; 88 – поселение Заманбаба; 89 – могильник Заманбаба; 90 – поселение Саразм; 91 – могильники Пархай I-II; 92 – поселение Анау; 93 – поселение Ак-депе; 94 – могильники Сумбар I-II; поселение Кара-депе; 96 – поселение Намазга-депе; 97 – поселение Теккем-депе; 98 – поселение Улуг-депе; 99 – поселение Алтын-депе; 100 – памятники Геоксюрского оазиса; 101 – поселение Хапуз-депе; 102 – памятники Келлелинского оазиса; 103 – памятники Гонурского оазиса; 104 – памятники Тоголокского оазиса; 105 – поселение Тахирбай 3; 106 – памятники Сапаллинской культуры; 107 – могильники Гиссарской долины (Заркамар, Тандырйул, Кумсай); 108 – могильники Вахшской культуры; 109 – памятники Припамирья; 110 – поселение Илгынлы-депе

Иллюстрации к главе I

Рис. 1 Типы энеолитических поселений Средней Азии:

1 – Айна-депе; 2 – Дашлыджи-депе; 3 – Ялангач-депе; 4 – Геоксюр; 5 – Кара-депе; 6 – Намазга-депе; 7 – Алтын-депе

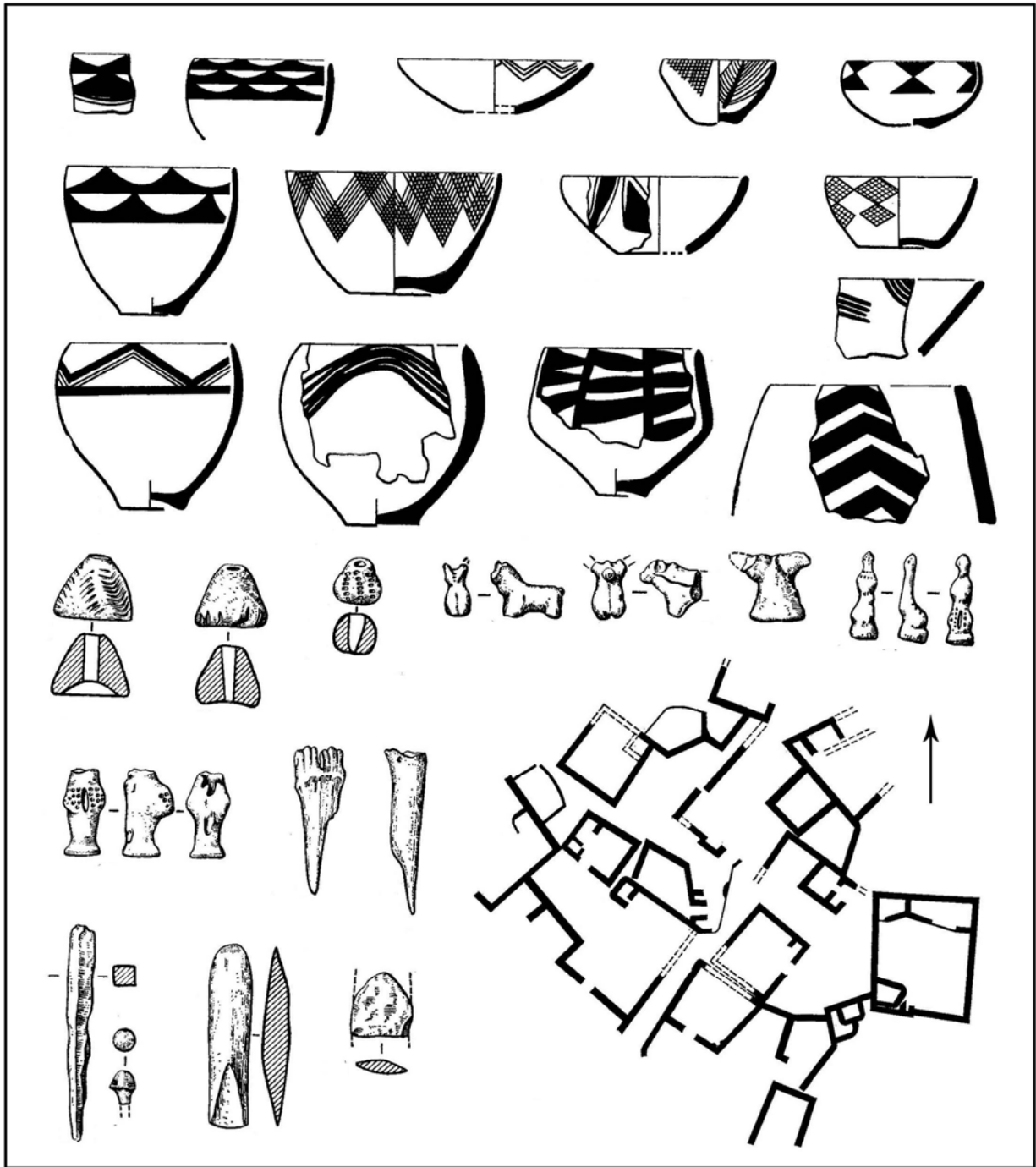

Рис. 2 Раннеэнеолитический комплекс Дашлыджи-депе

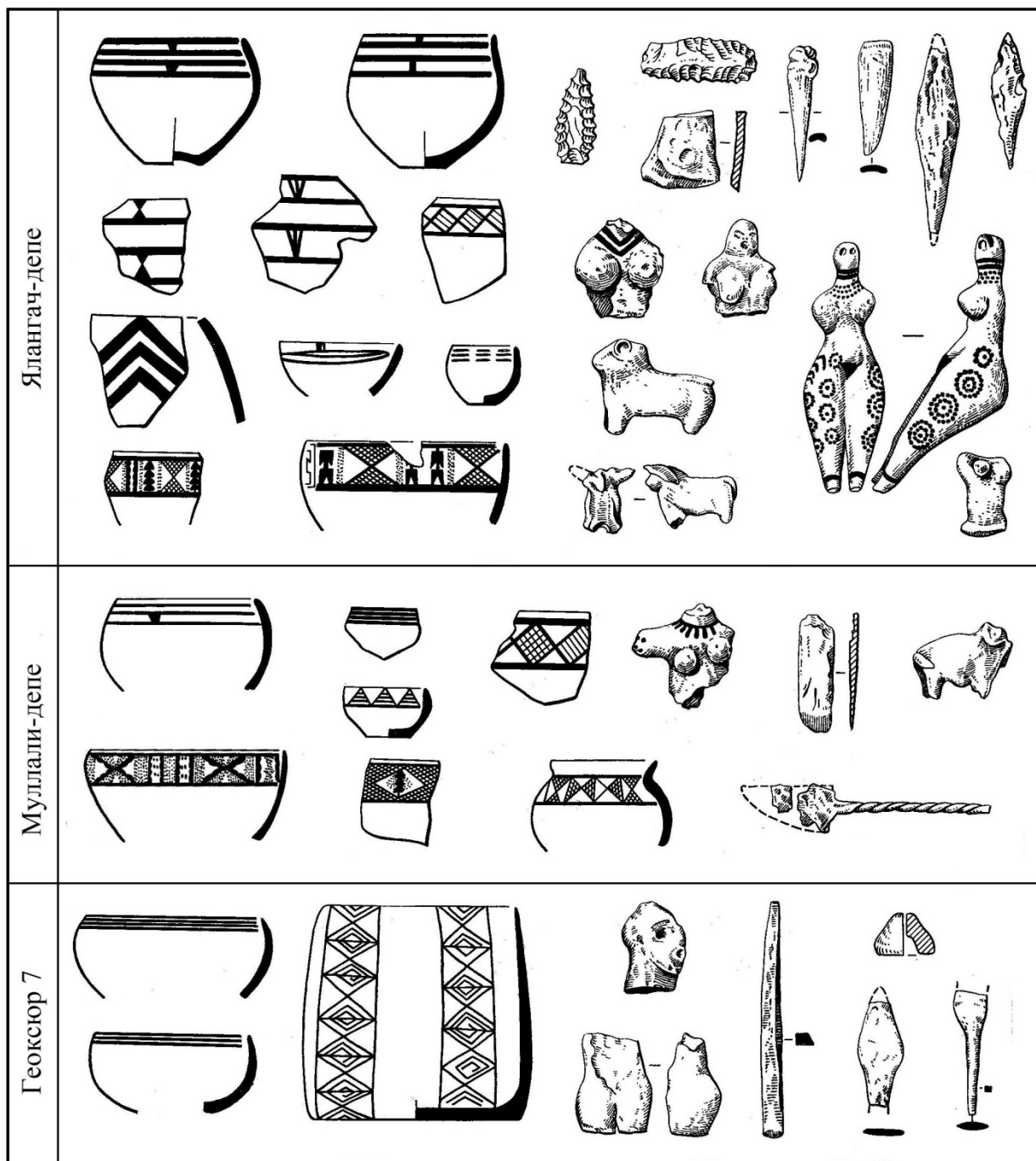

Рис. 3 Среднеэнеолитические комплексы древних земледельцев

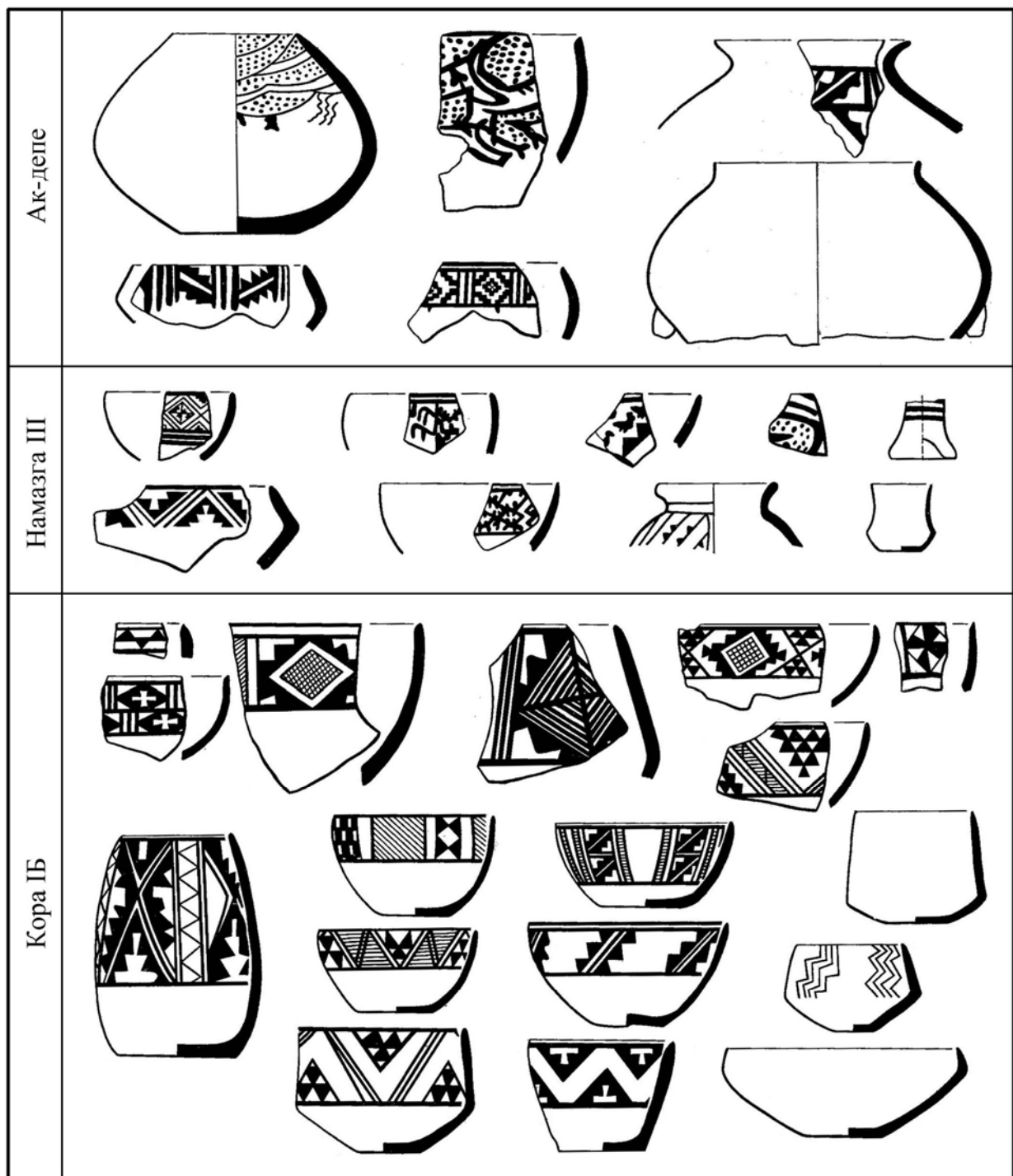

Рис. 4 Позднеэнеолитические комплексы древних земледельцев

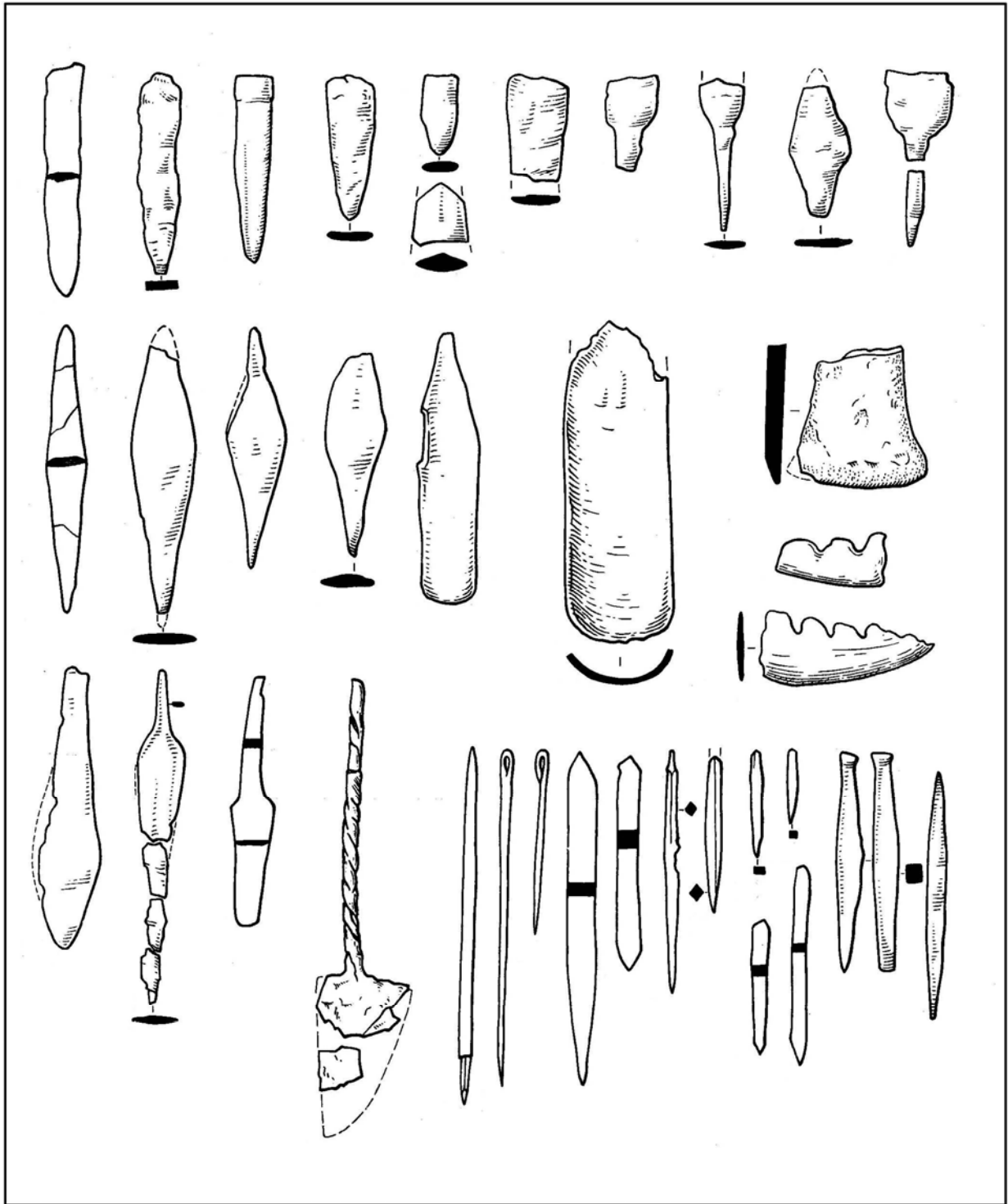

Рис. 5 Медные орудия и оружие среднеазиатского энеолита

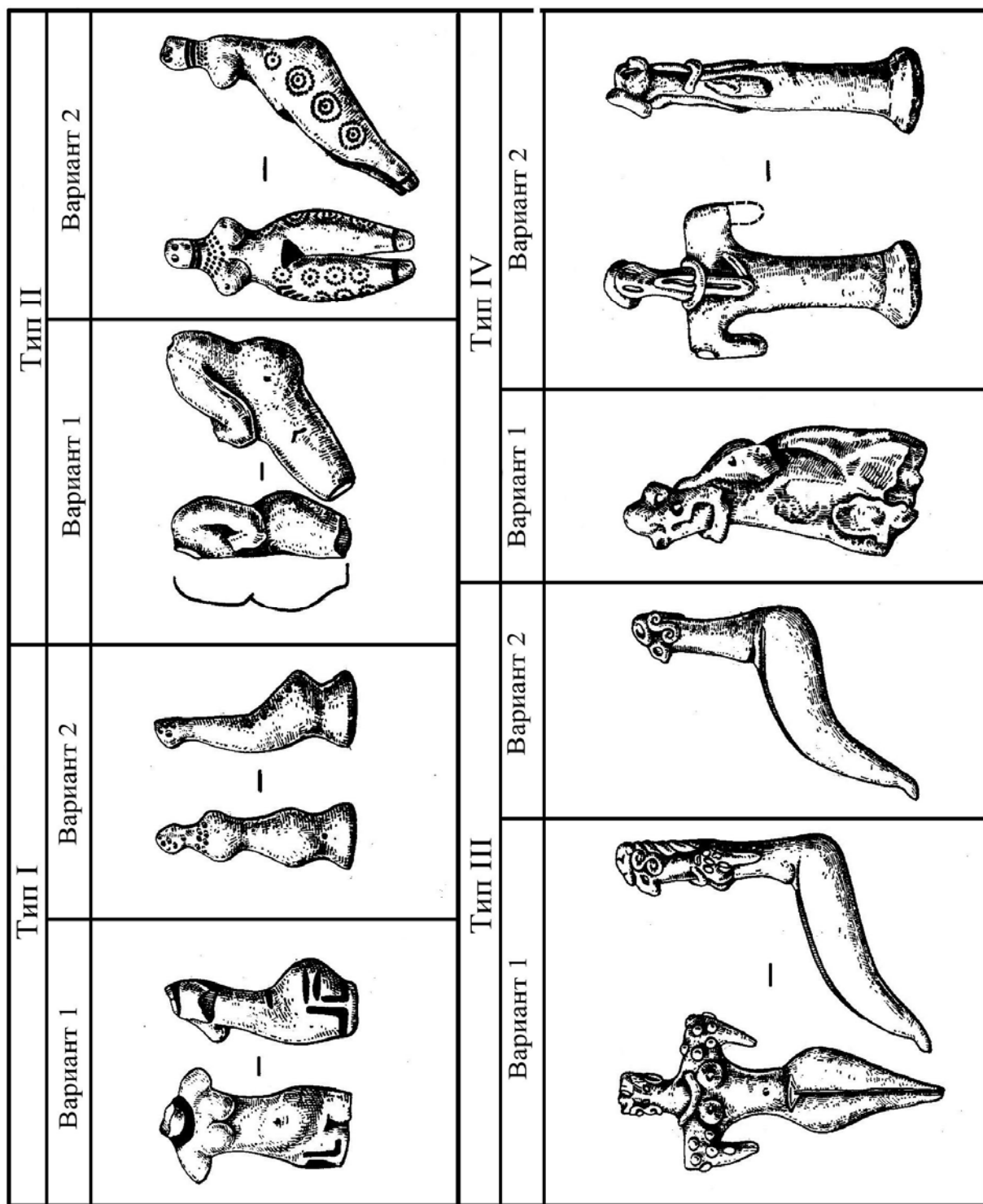

Рис. 6 Типы антропоморфных терракот

Иллюстрации к главе II

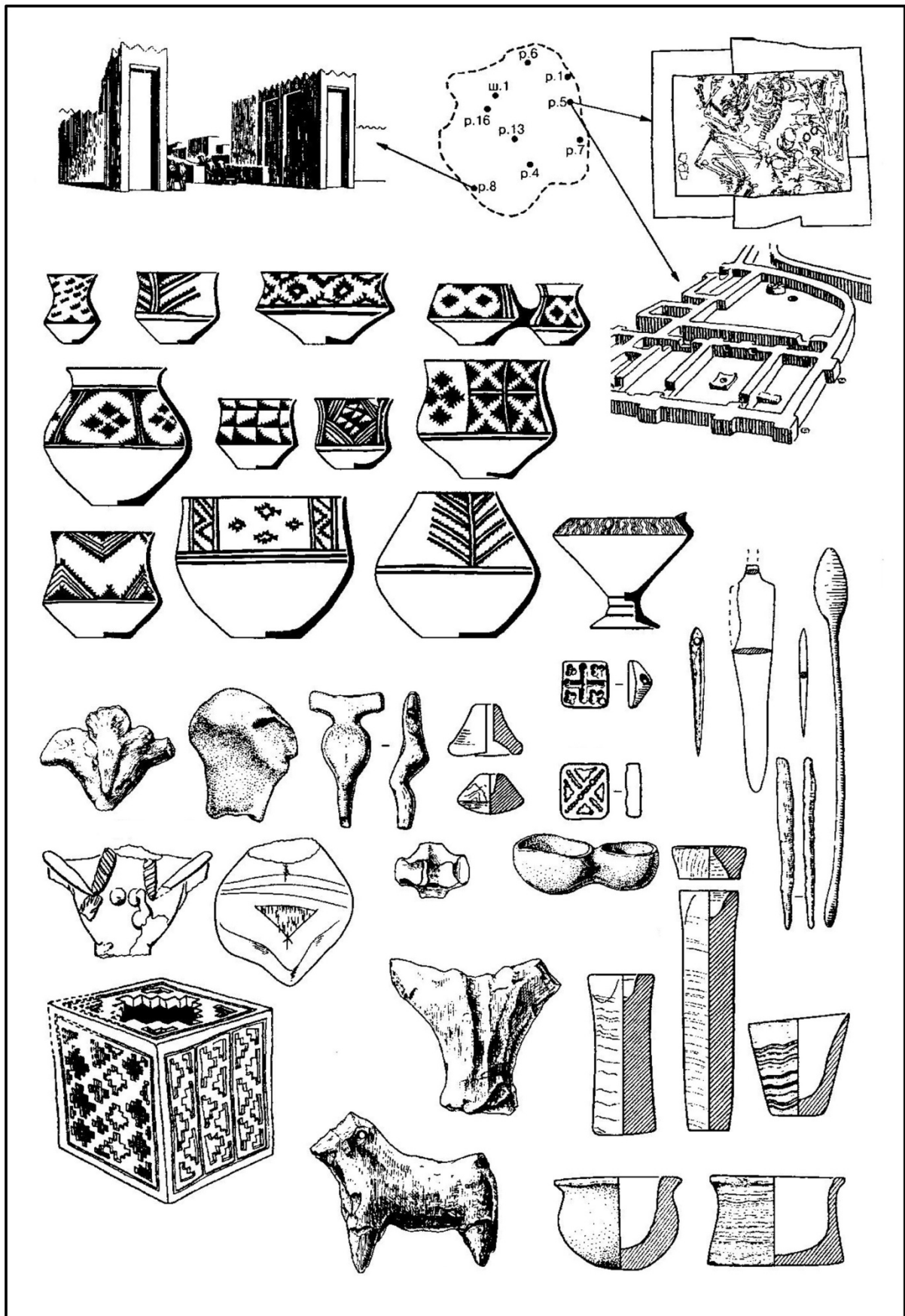

Рис. 1 Комплекс времени Намазга IV. По материалам Алтын-депе

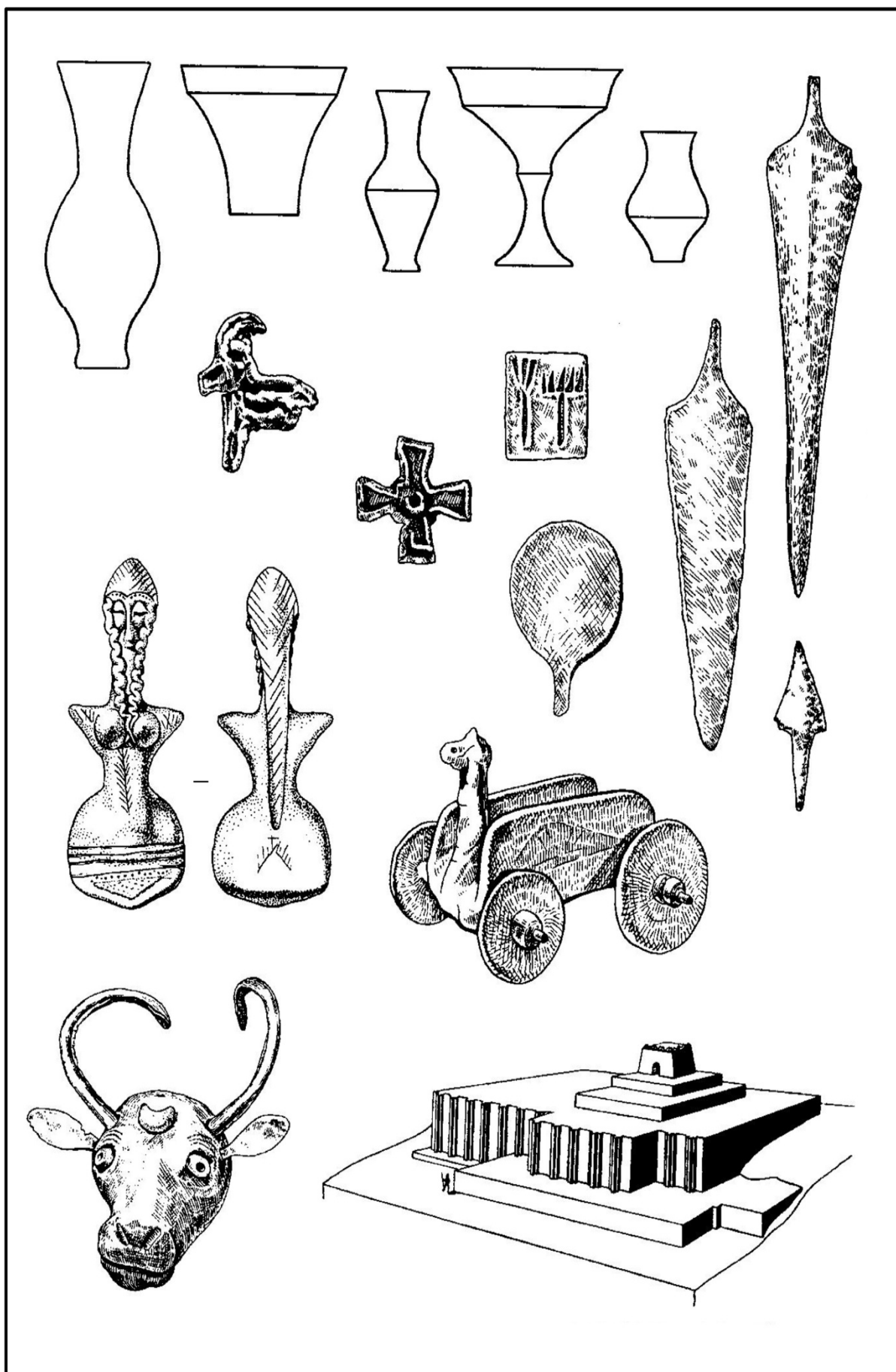
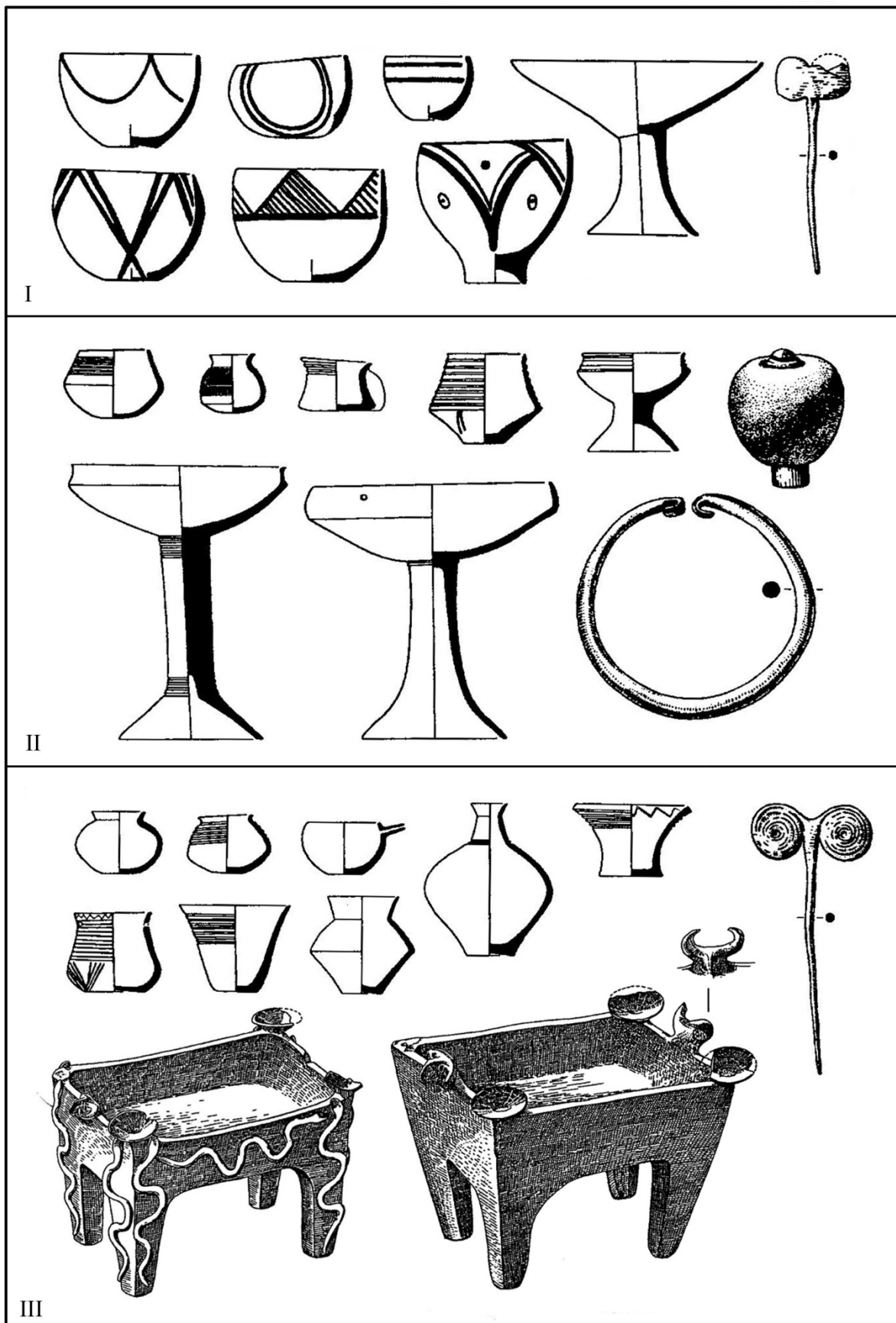
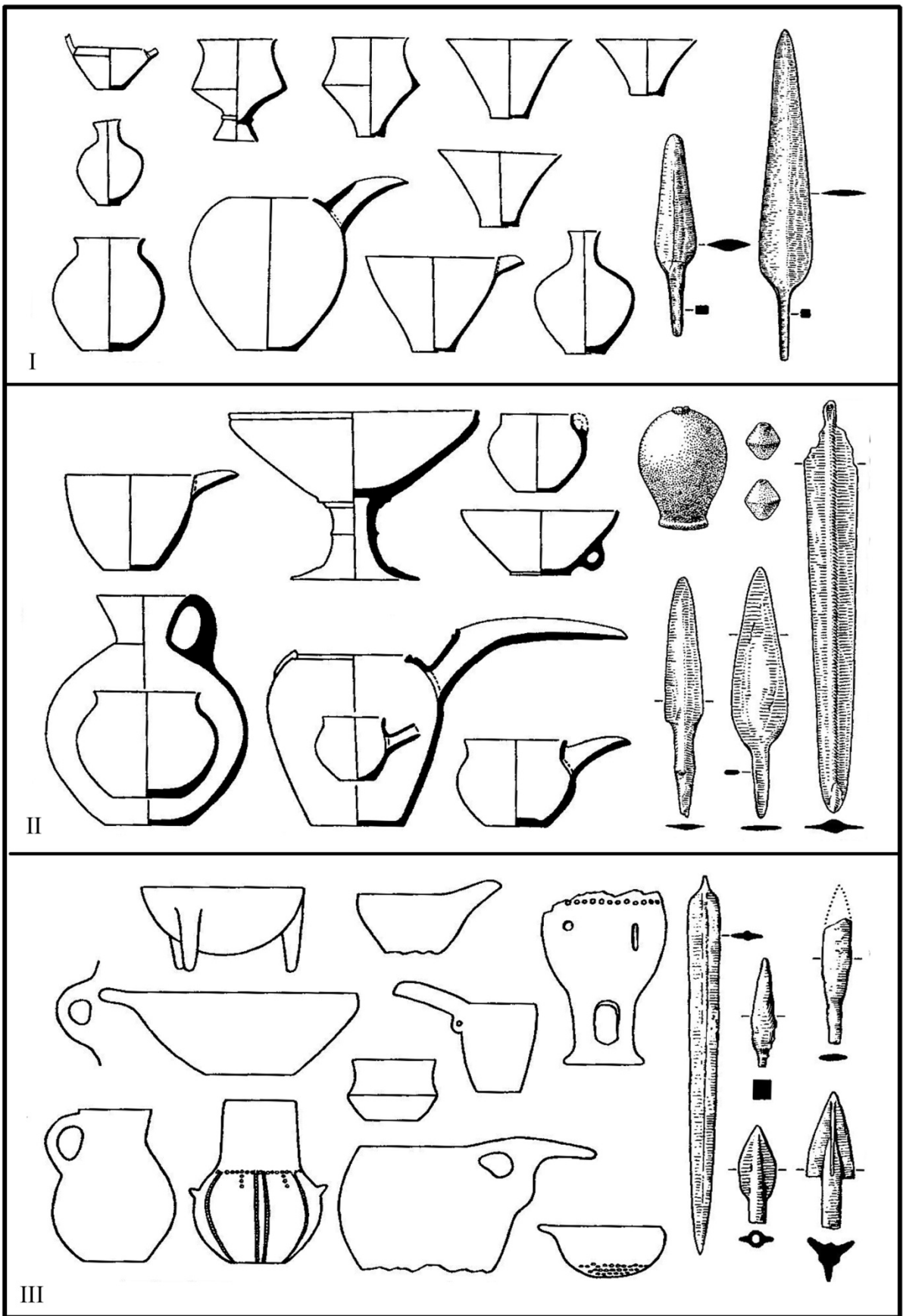

Рис. 2 Комплекс времени Намазга V. По материалам Алтын-депе

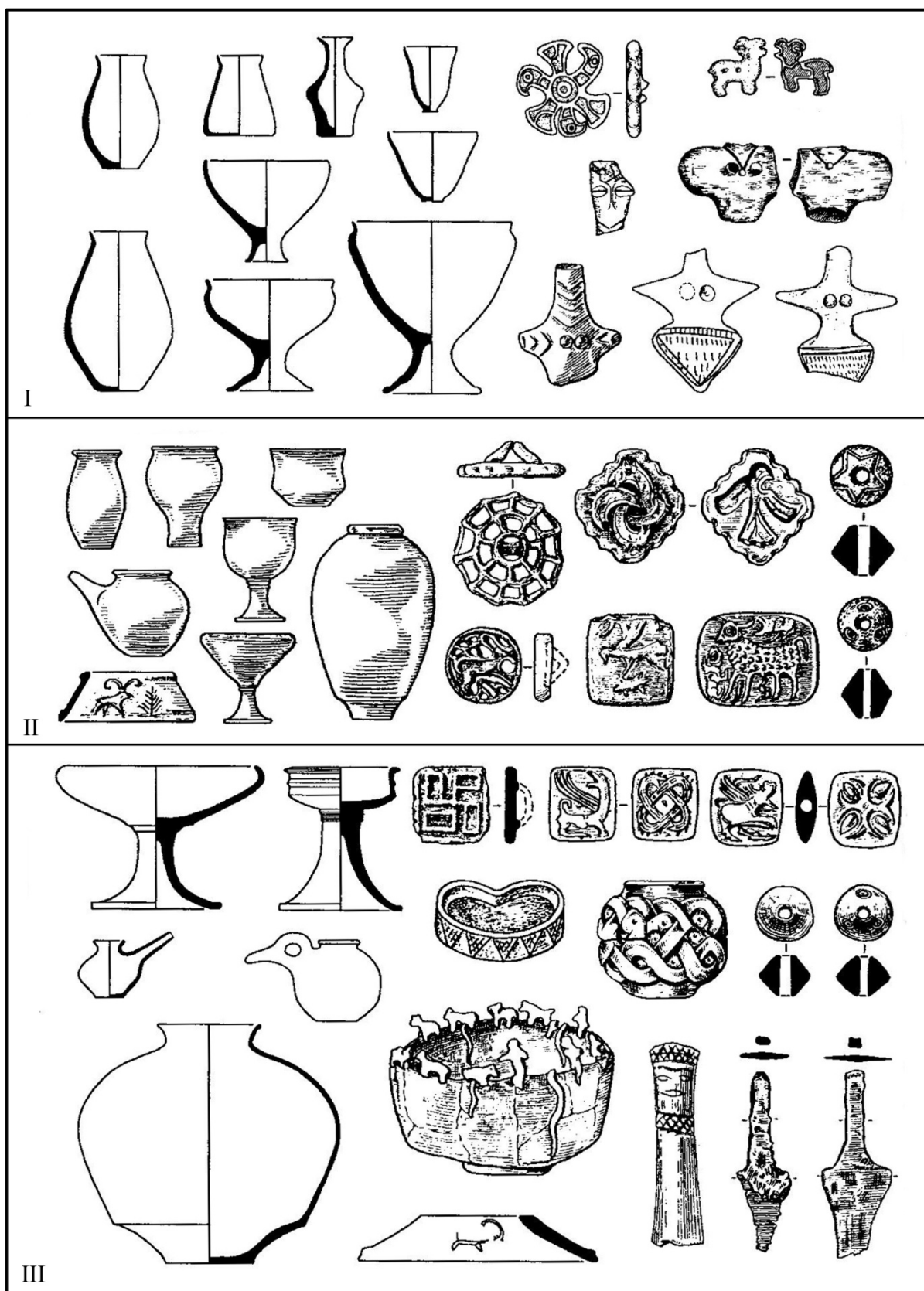
Рис. 3 Комплексы Юго-Западного Туркменистана:
 I – ранний энеолит; II – поздний энеолит; III – ранняя бронза

Рис. 4 Комплексы Юго-Западного Туркменистана:

I – развитая бронза; II – поздняя бронза (сумбарская культура); III – рубеж поздней бронзы – раннежелезного века (культура архаического Дахистана)

Рис. 5 Комплексы Маргианы эпохи бронзы:

I – Келлели (время Намазга V); II – тип Аучин (комплекс Гонур); III – тип Тахирбай 3 (комплекс Тоголок)

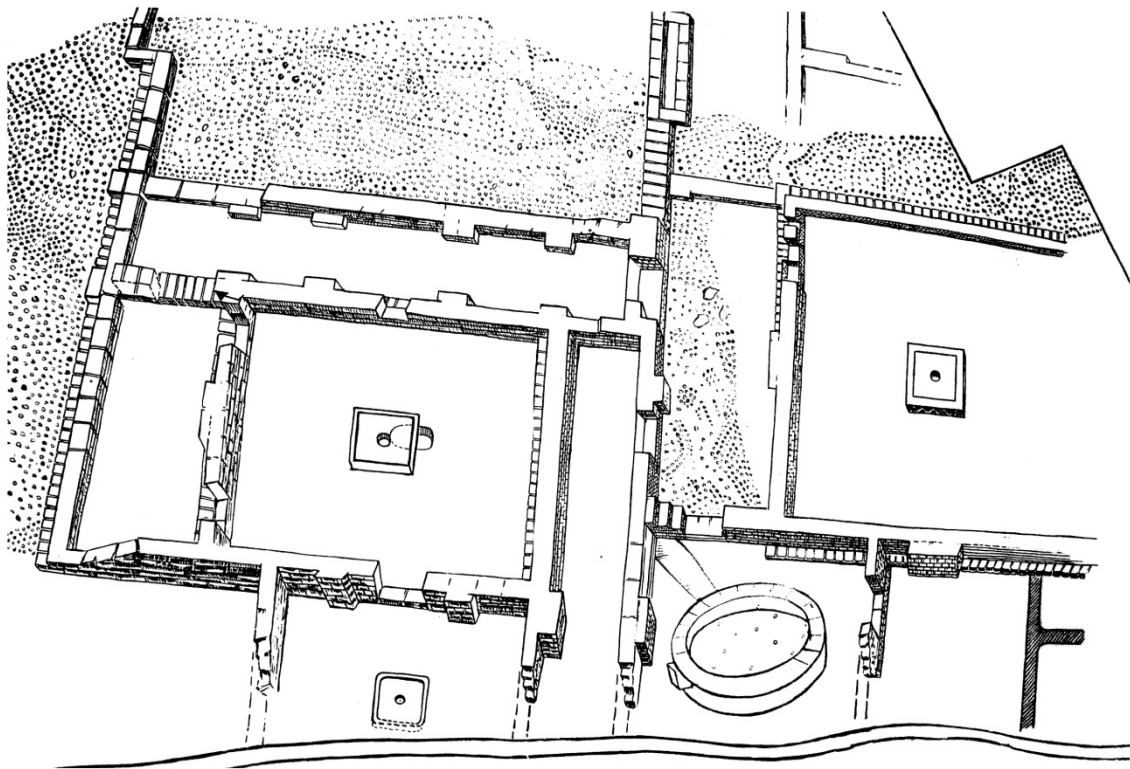

Рис. 6 Саразм. Храмовый комплекс

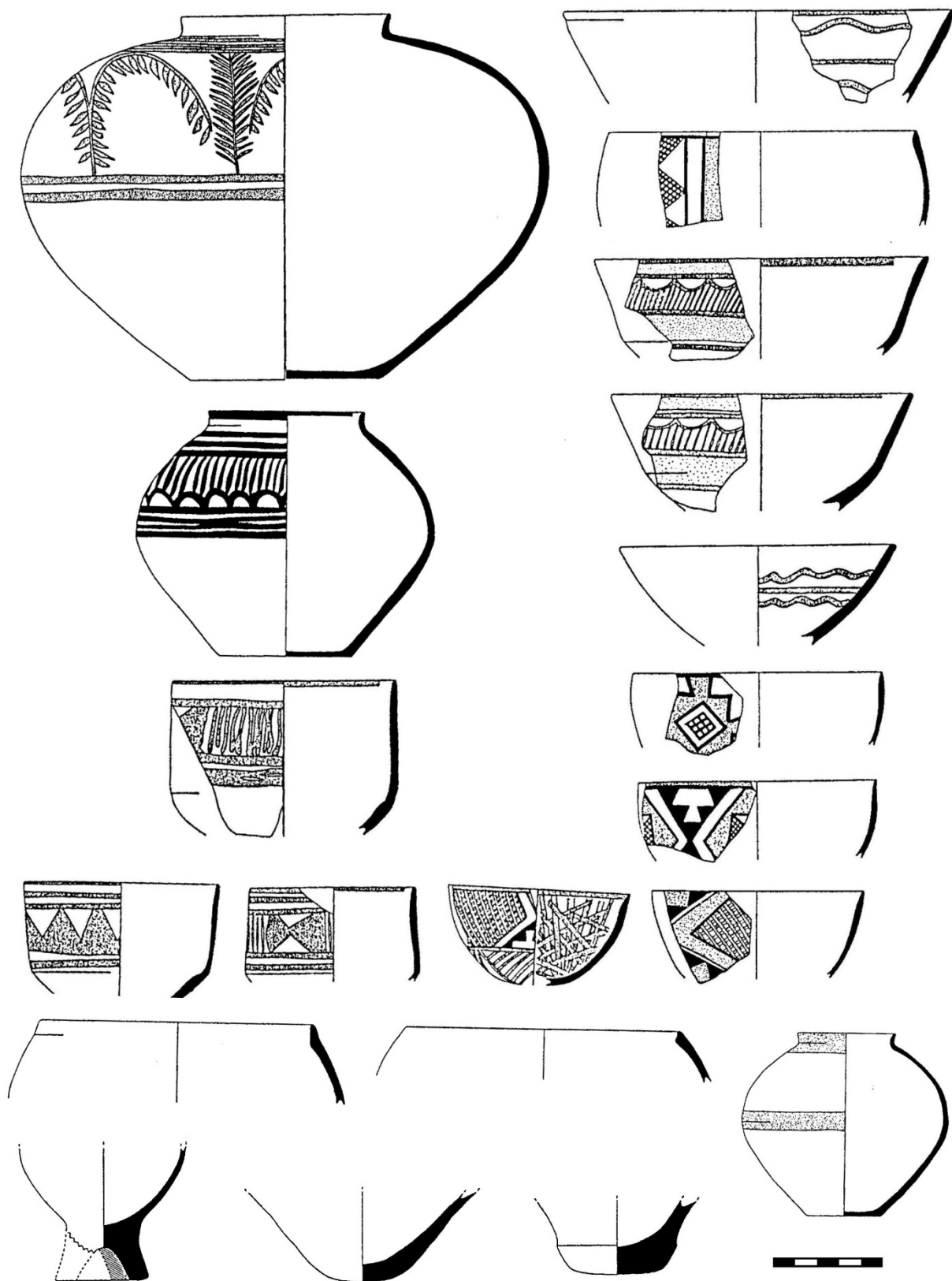

Рис. 7 Саразм. Энеолитическая керамика

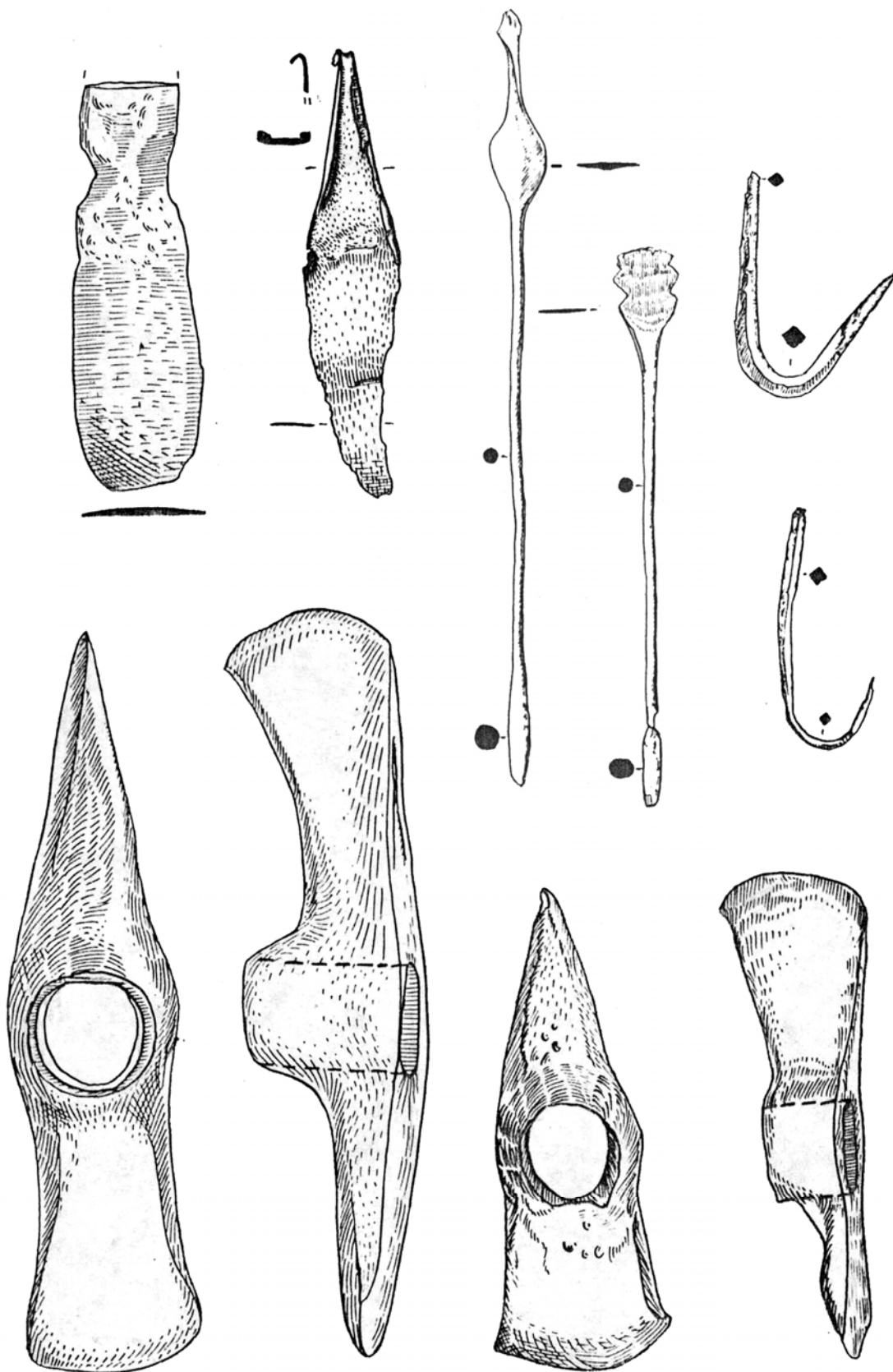

Рис. 8 Саразм. Металлические изделия ранней бронзы

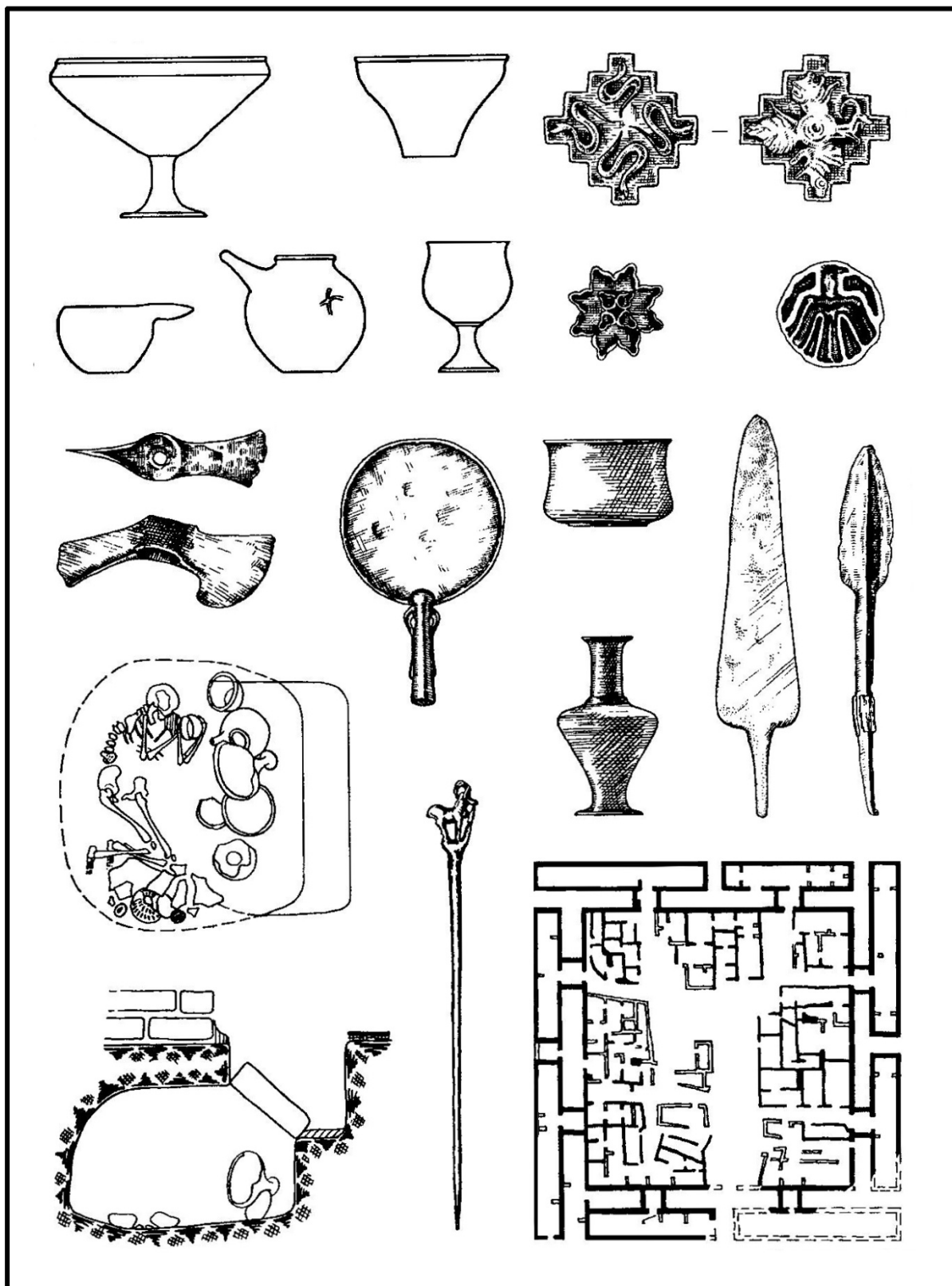
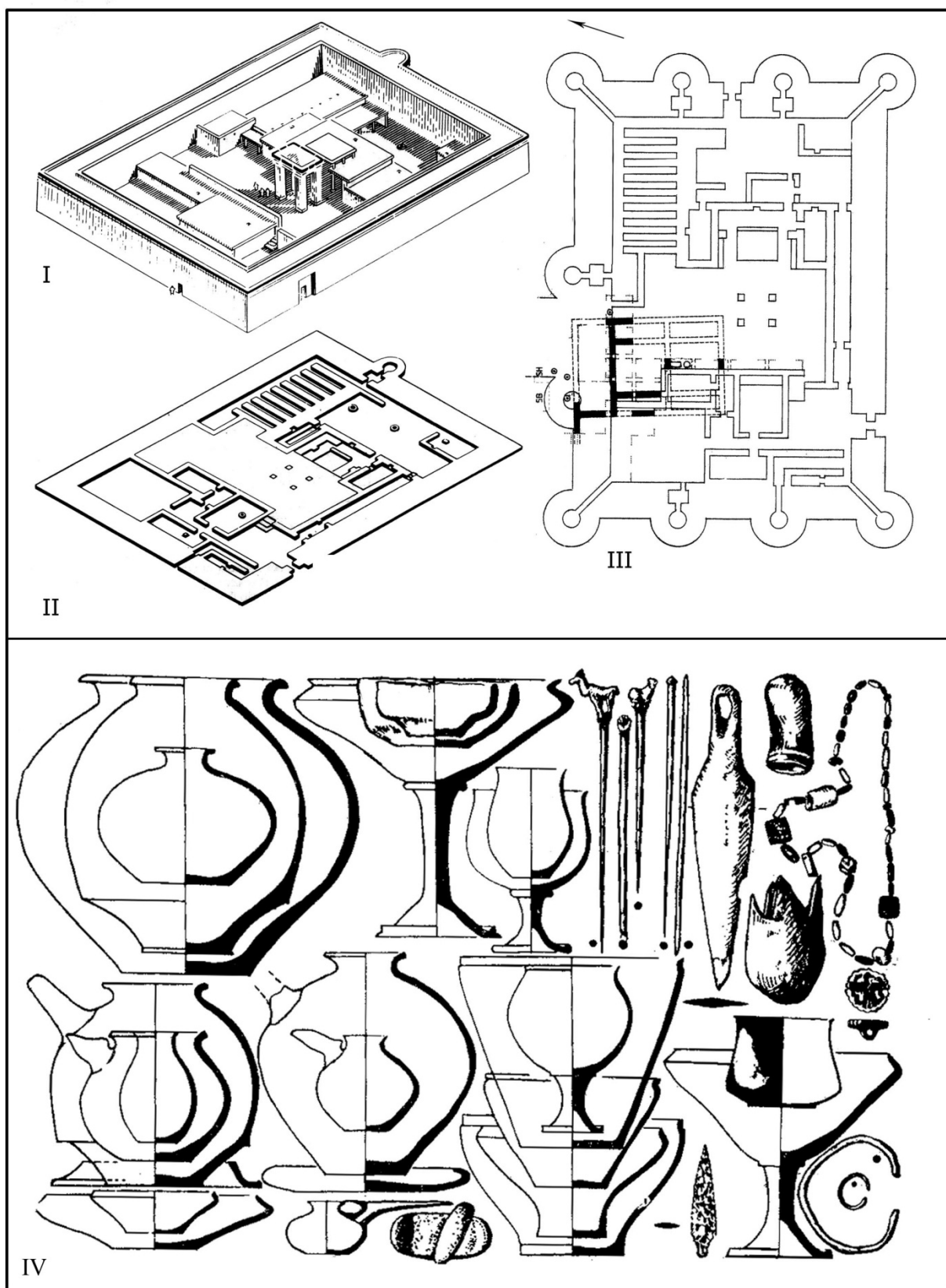

Рис. 9 Комплекс Сапалитепа

Рис. 10 Джаркутан:

Храм огня. I-II – общий план и реконструкция по А.А. Аскарову; III – общий план по Д. Хуффу; IV – джаркутанский археологический комплекс

Рис. 11 Некрополь Бустон VI:

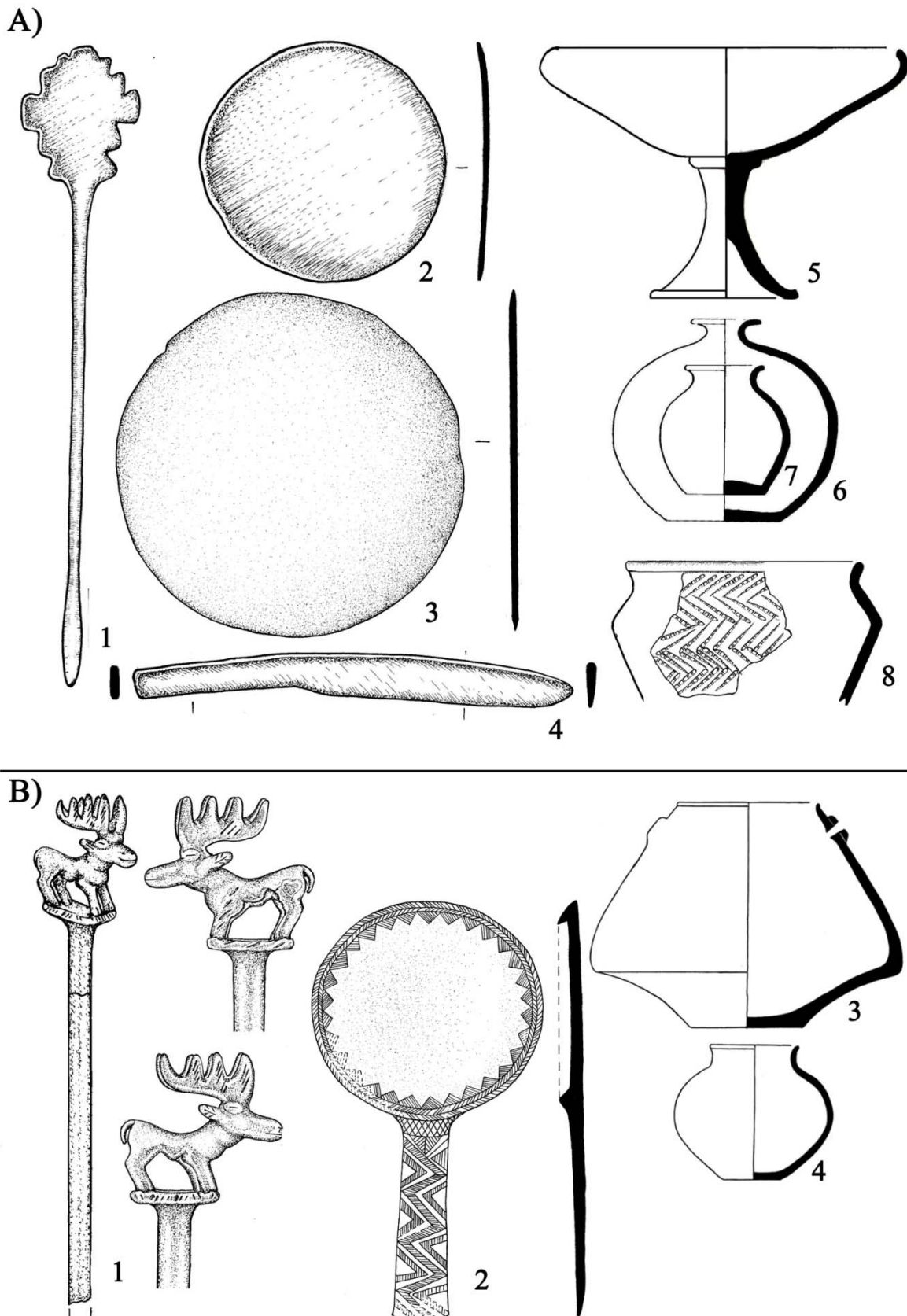
1 – ящики для трупосожжения; 2 – захоронение с кремацией; 3 – погребение человека с животным; 4 – инвентарный комплекс

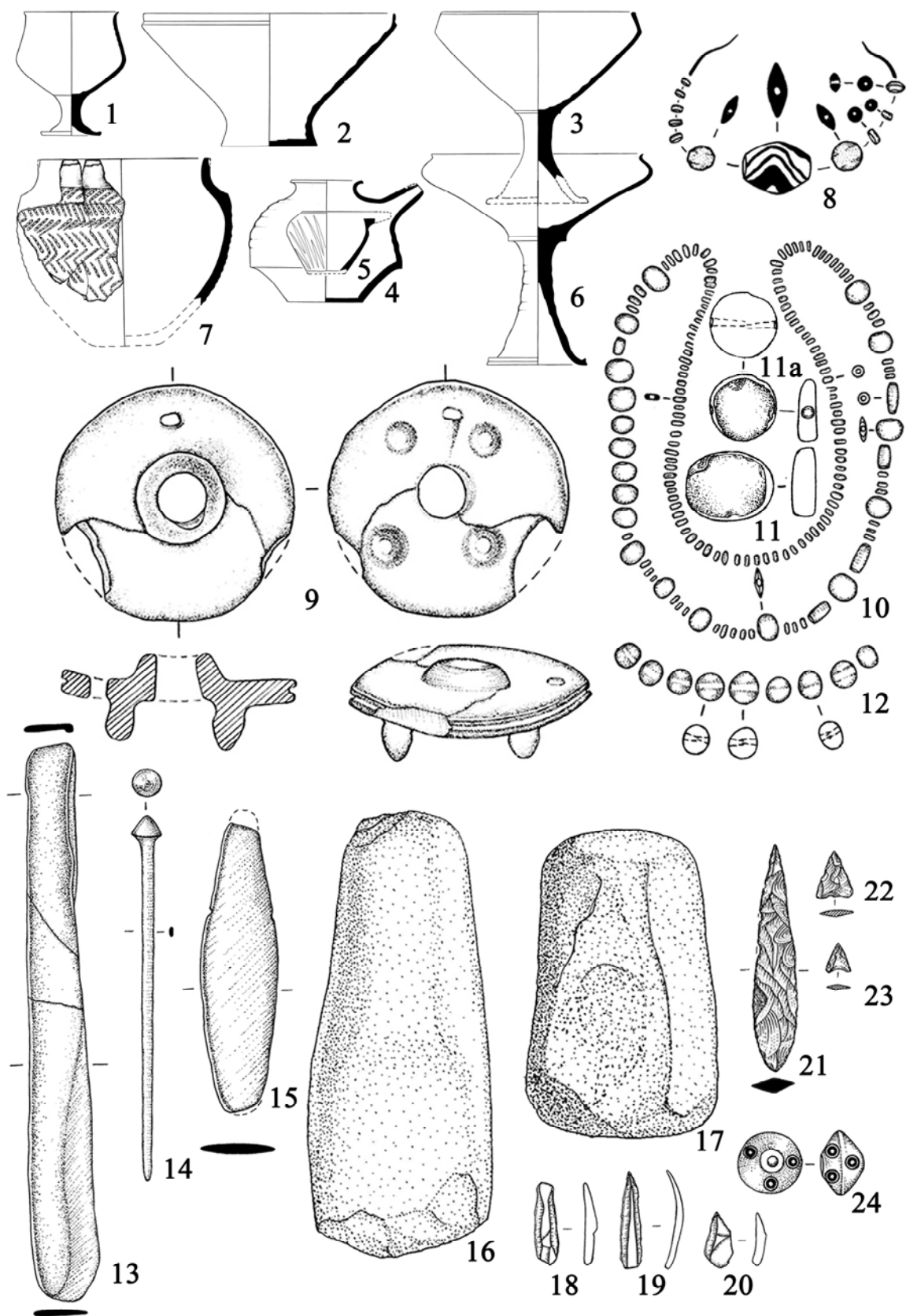

Рис. 12 Бактрийско-Маргианская археологическая культура:
 1 – общий план святилища Гонур-депе; 2 – инвентарь Гонур-депе

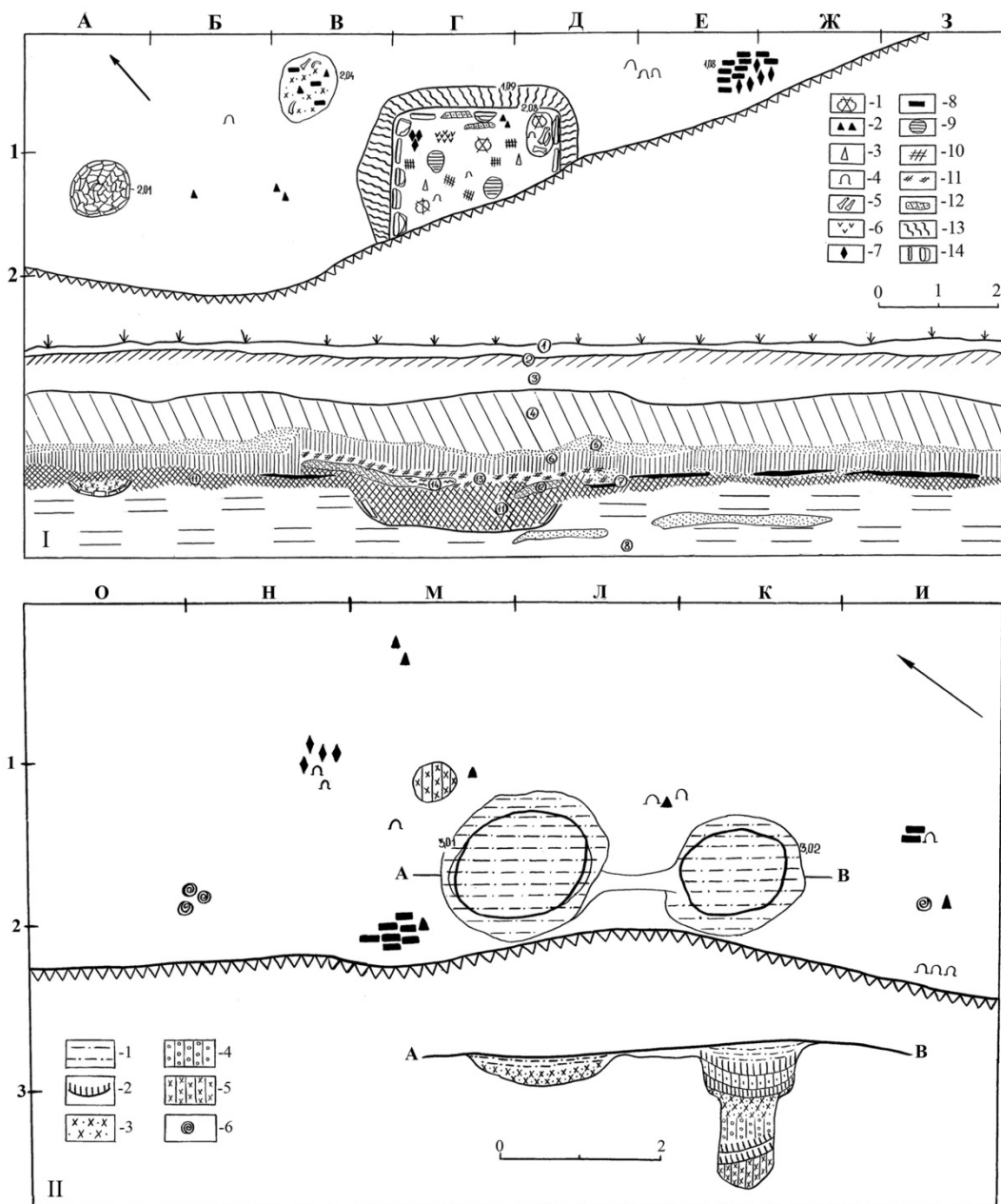

Рис. 13 Зеравшанский вариант БМАК.
 Дзам: 1-2 – погребальные комплексы

Рис. 14 Зеравшанский вариант БМАК.
Сазаганское староречье; погребальный инвентарь

Иллюстрации к главе III

Рис. 1 Зеравшанский вариант АИКО: поселение Тугай.

I. План раскопа и геоморфологический разрез обнажения террасы: 1- сосуд в развале; 2- фрагменты керамики; 3- гончарная керамика; 4- изделия из камня; 5- кости животного; 6- толченая раковина; 7- руда; 8- металлургический шлак; 9- очажный провал; 10- обмазка пола; 11- пепельно-золевая прослойка; 12- древесный тлен; 13- плотный слой глины; 14- камень.

II. Общий план раскопа производственной части и разрез медеплавильного сооружения

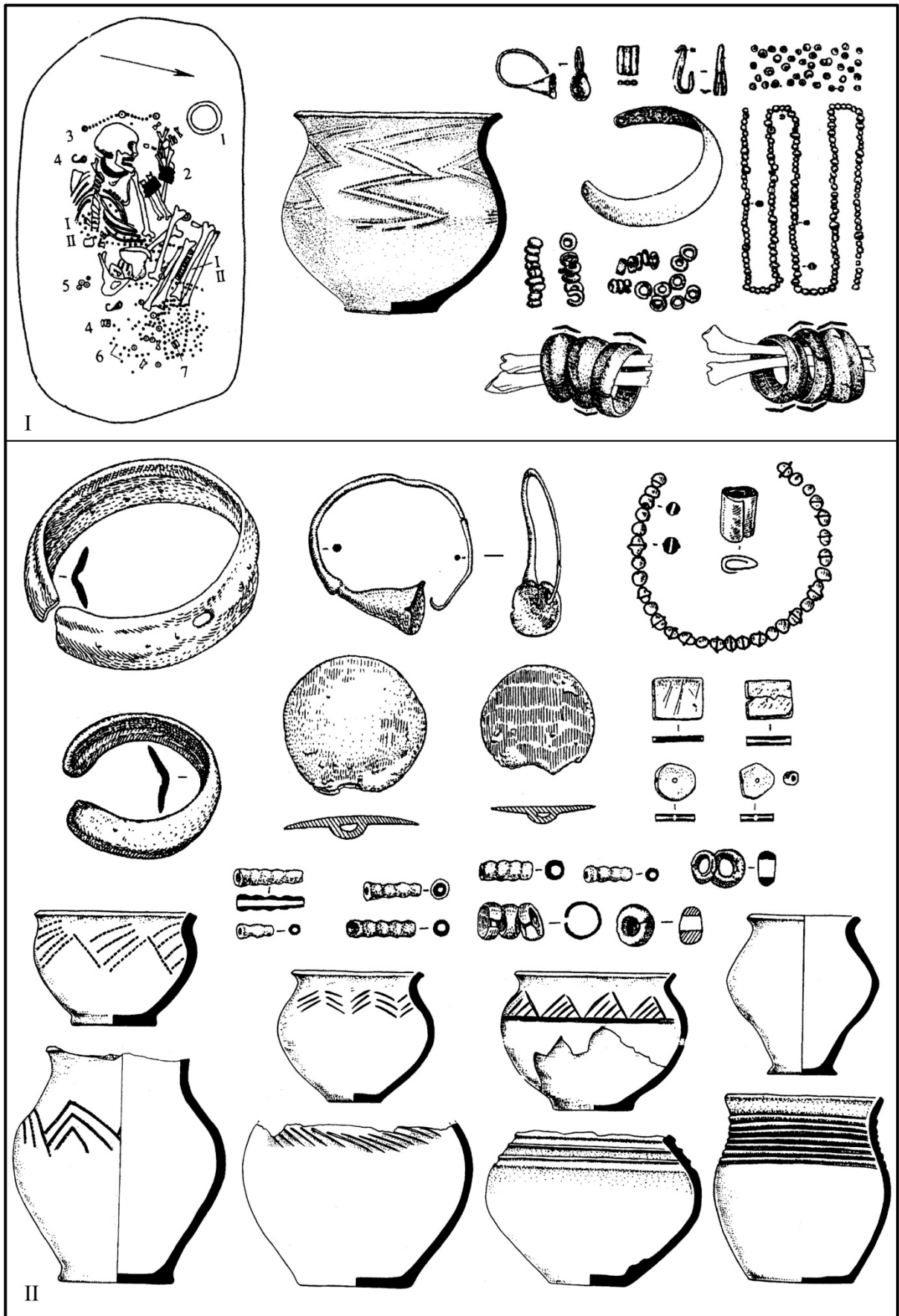
1- сосуд в развале; 2- фрагменты керамики; 3- гончарная керамика; 4- изделия из камня; 5. кости животного; 6. толченая раковина; 7- руда; 8- металлургический шлак; 9- очажный провал; 10- обмазка пола; 11- пепельно-золевая прослойка; 12- древесный тлен; 13- плотный слой глины; 14- камень.

Рис. 2 Зеравшанский вариант АИКО: инвентарный комплекс поселения Тугай

Рис. 4 Зеравшанский вариант АИКО: могильник Дашти-Козы: I – план и инвентарь погребения 15; II – украшения и керамика

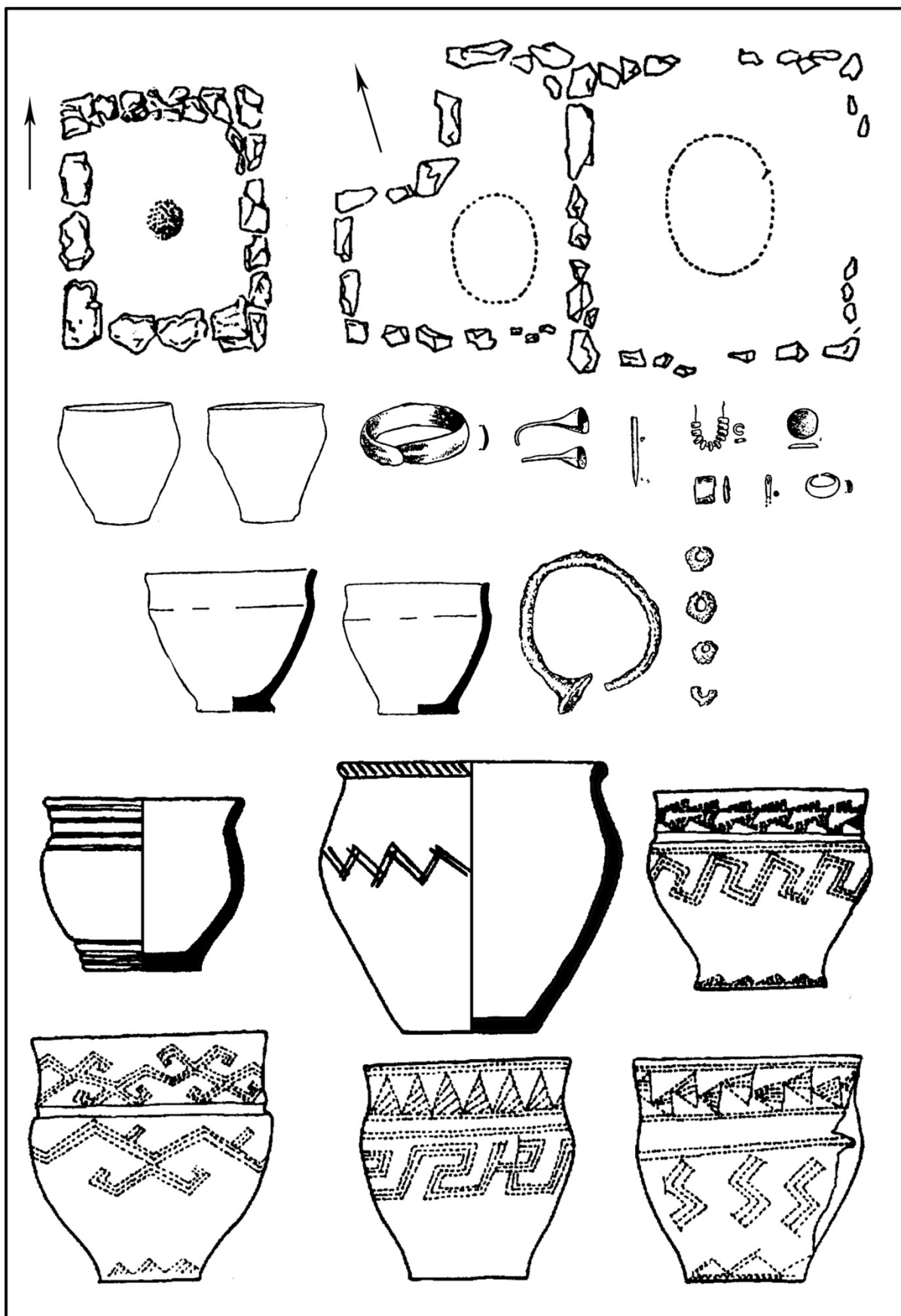

Рис. 5 Тяньшанско-Семиреченский вариант андроновской общности

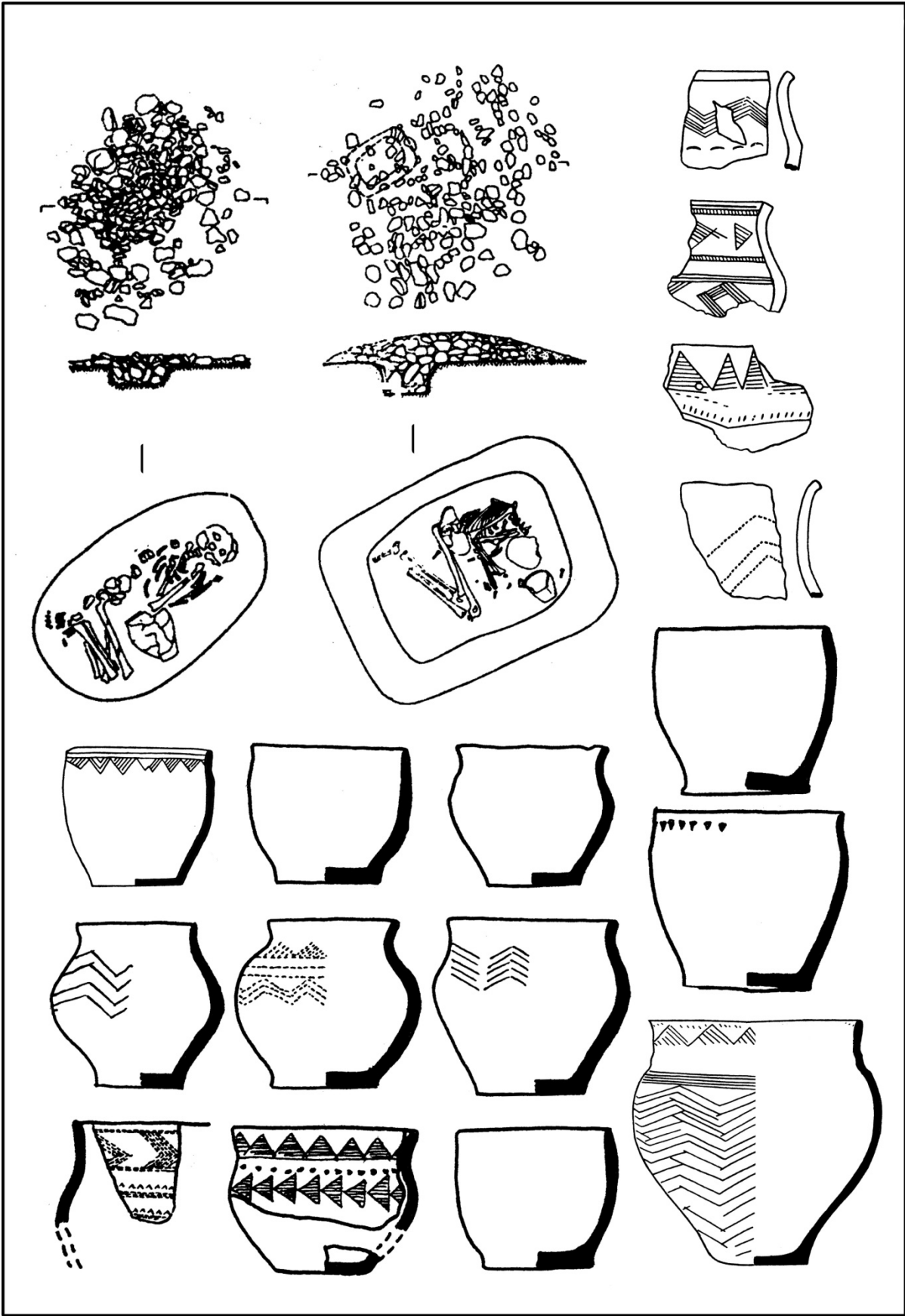
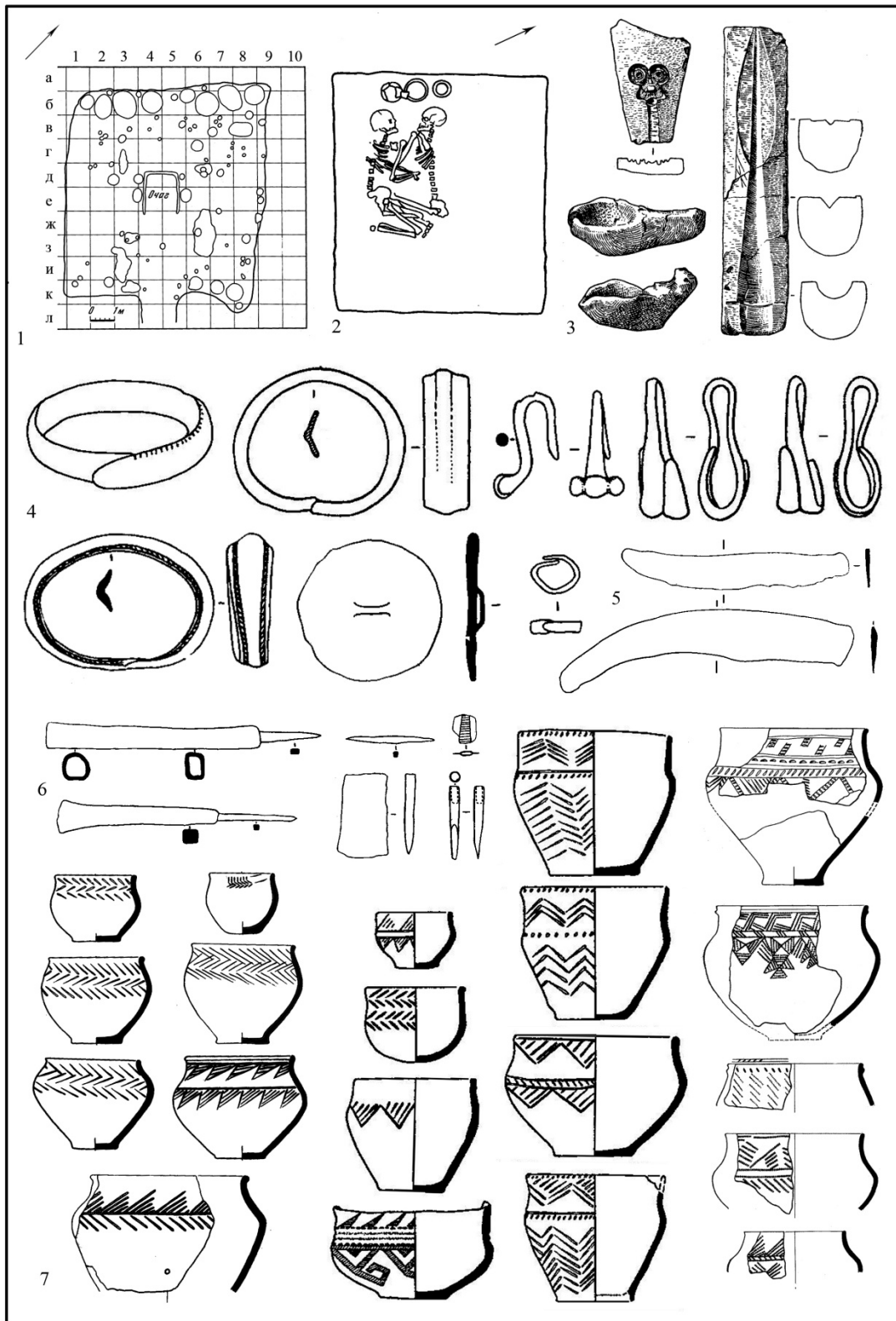
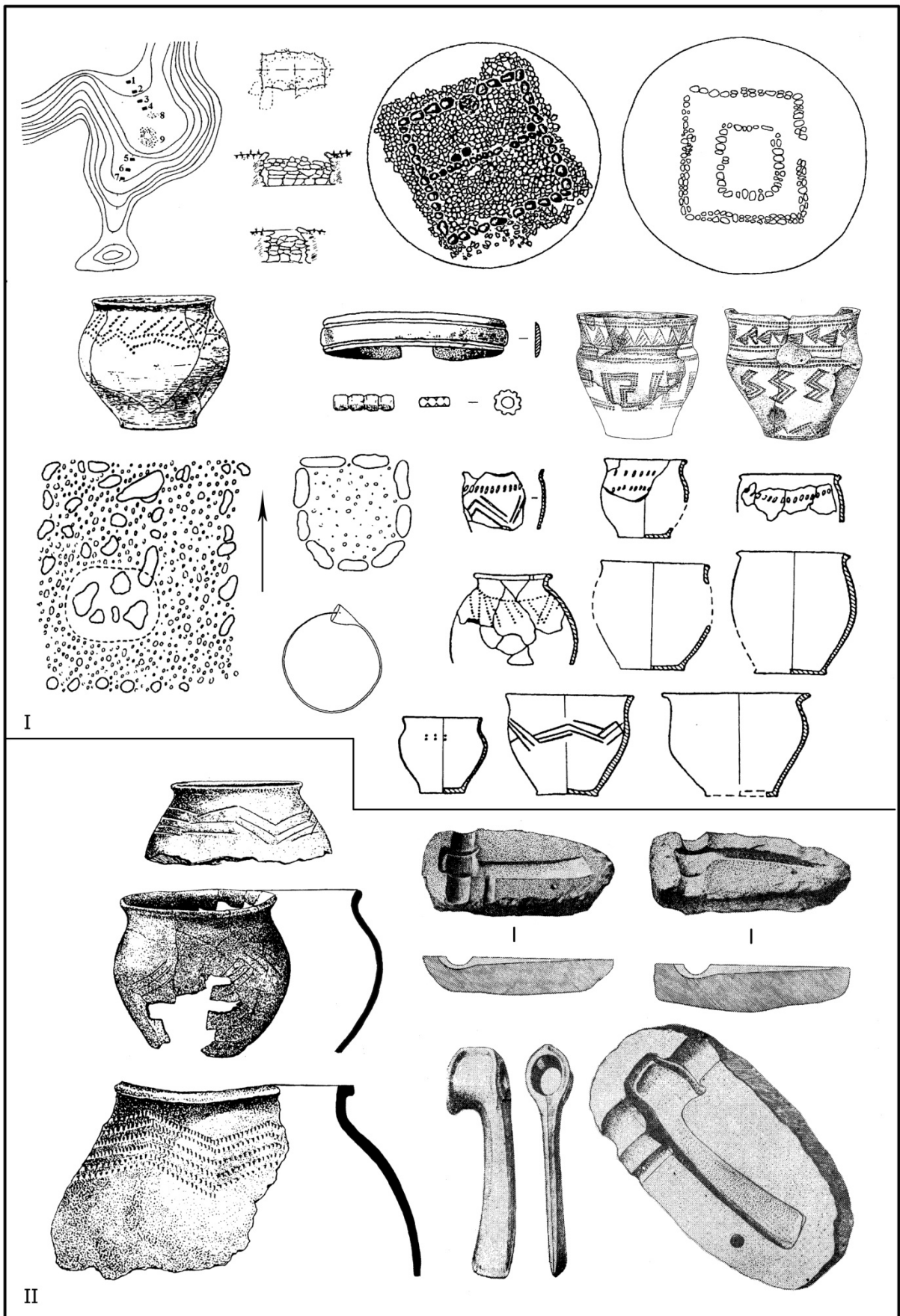

Рис. 6 Степные комплексы Среднеазиатского междуречья

Рис. 7 Тазабагъябская культура:

1 – общий план поселения Джанбас 30, дом 3; 2 – погребение Кокча 3; 3 – литейный комплекс поселения Кокча 15, Джанбас 21; 4 – украшения и предметы туалета могильника Кокча 3; 5-6 – орудия труда и орудие из поселений; 7 – керамический комплекс из поселения Джанбас 35 и могильника Кокча 3

Рис. 8 Кайраккумская культура:

I – могильники Дахана, Арпа, Вуадиль; II – поселение 16

Иллюстрации к IV главе

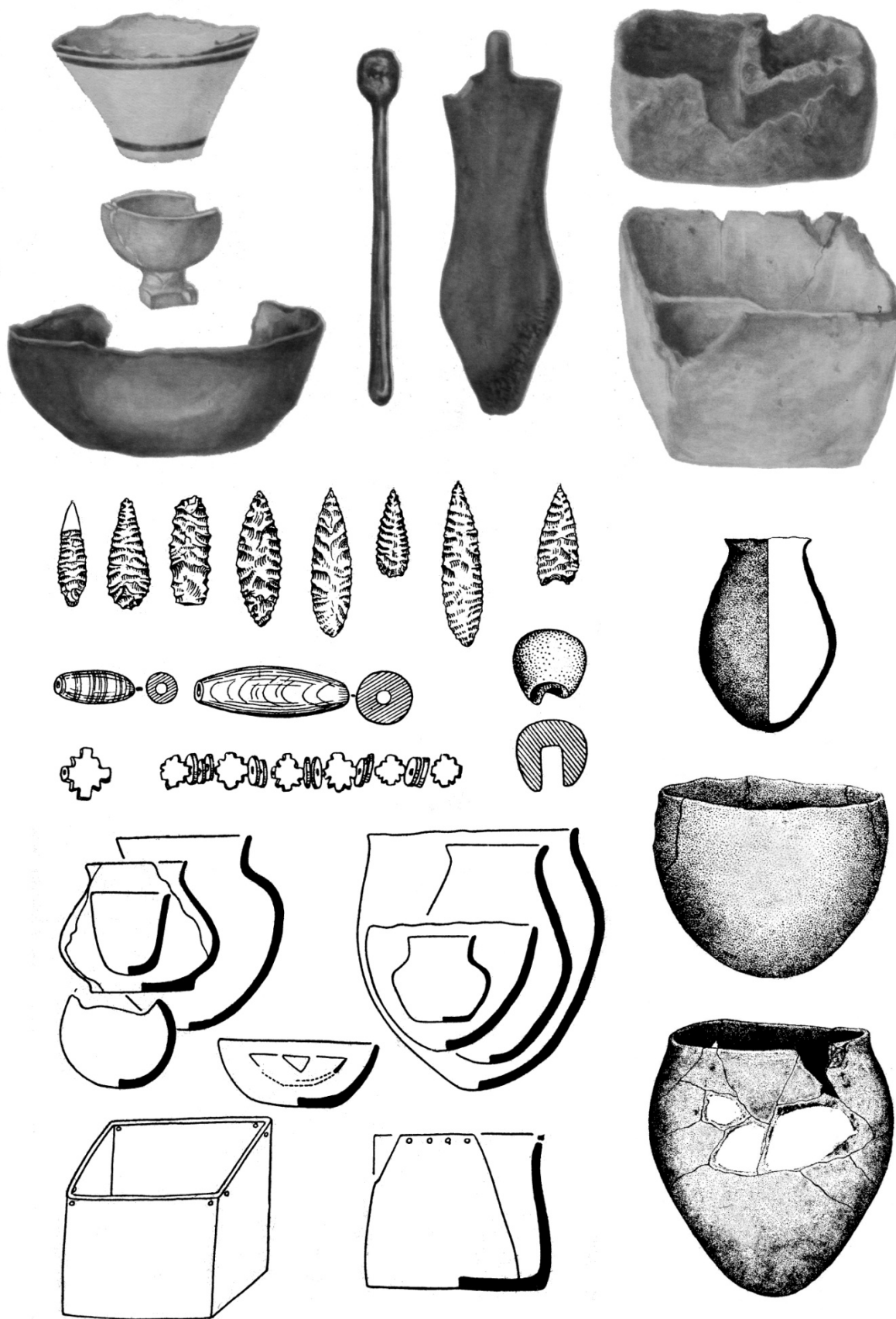

Рис. 1 Комплекс культуры Заманбаба

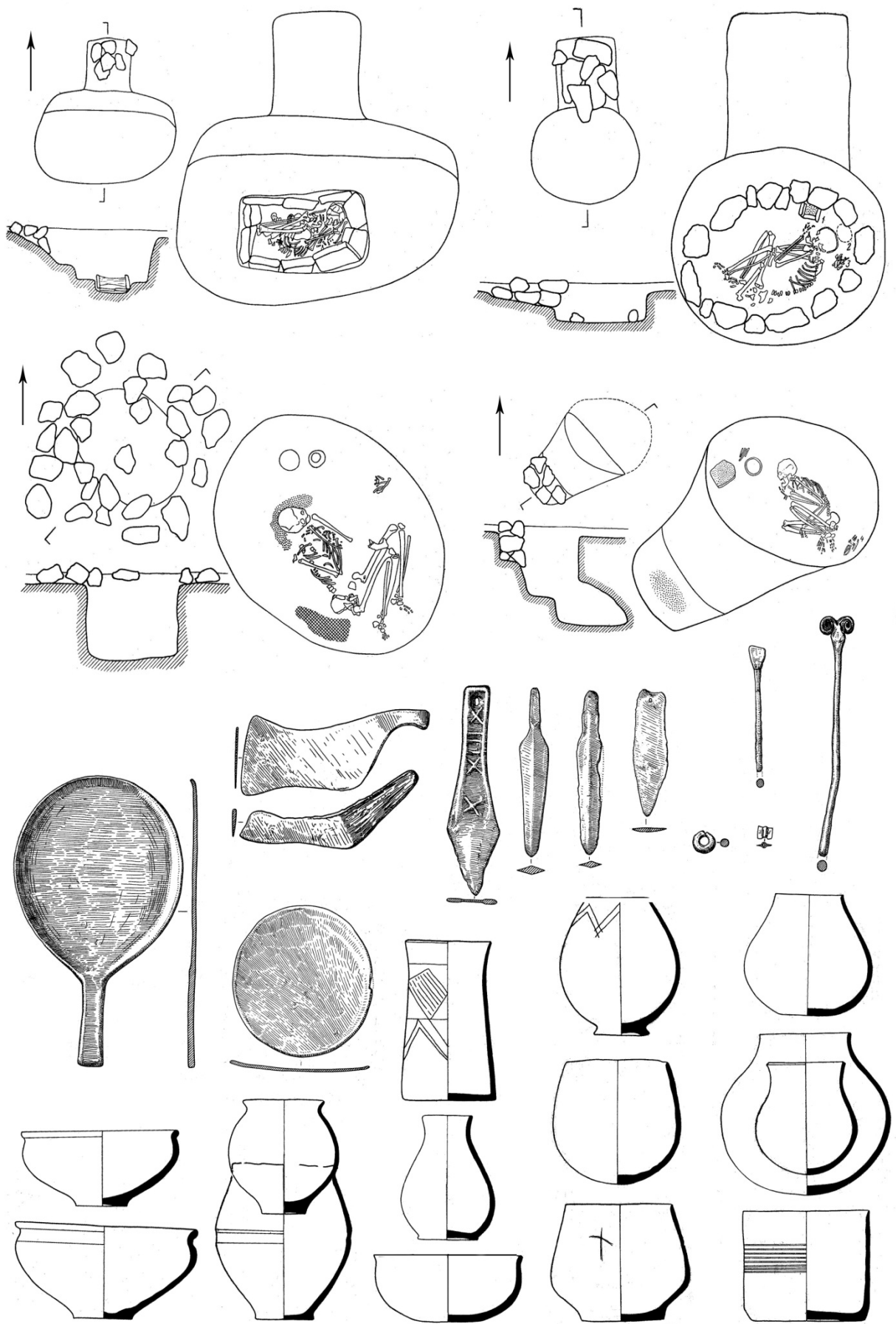

Рис. 2 Комплекс Бишкентской культуры

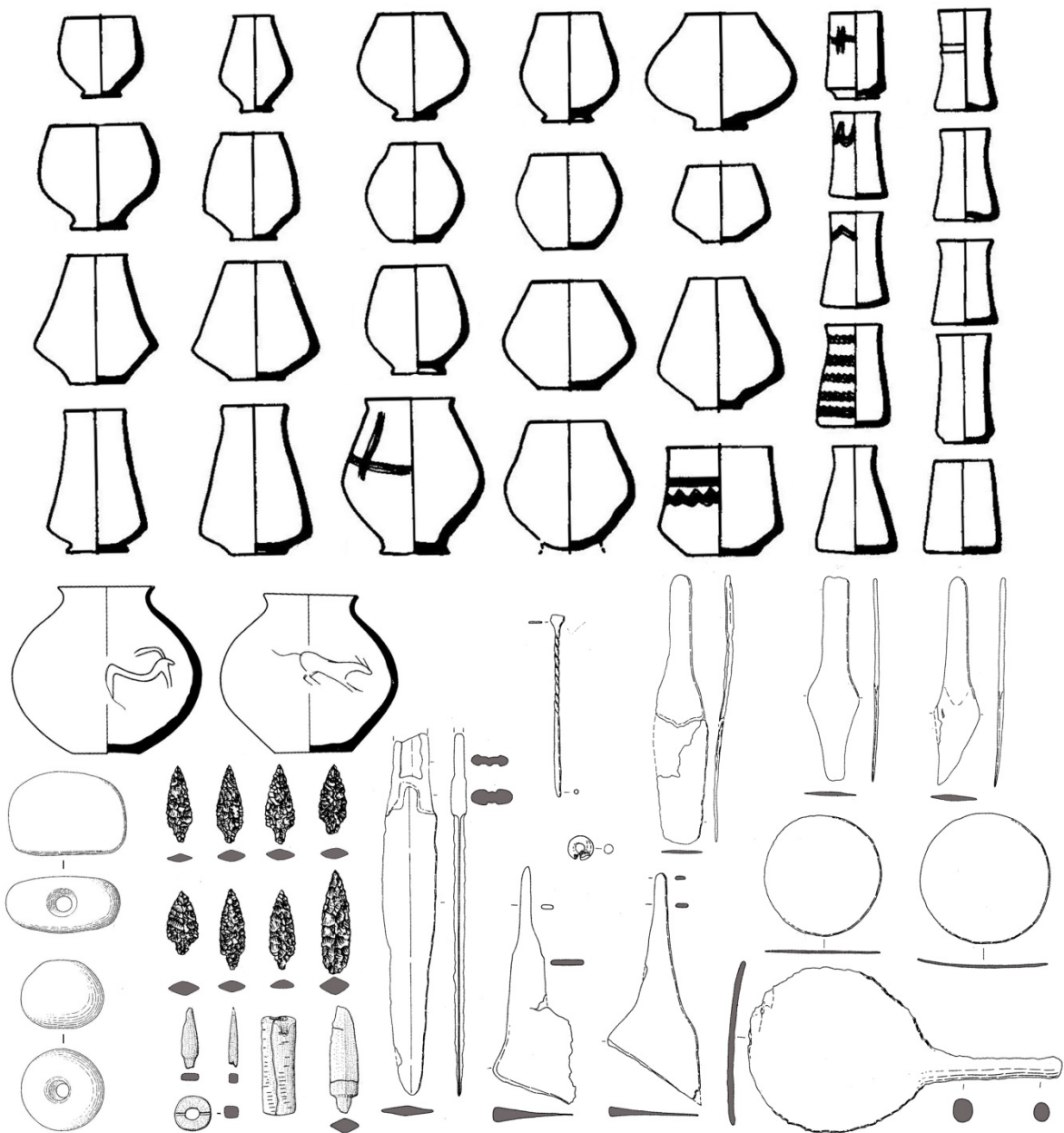
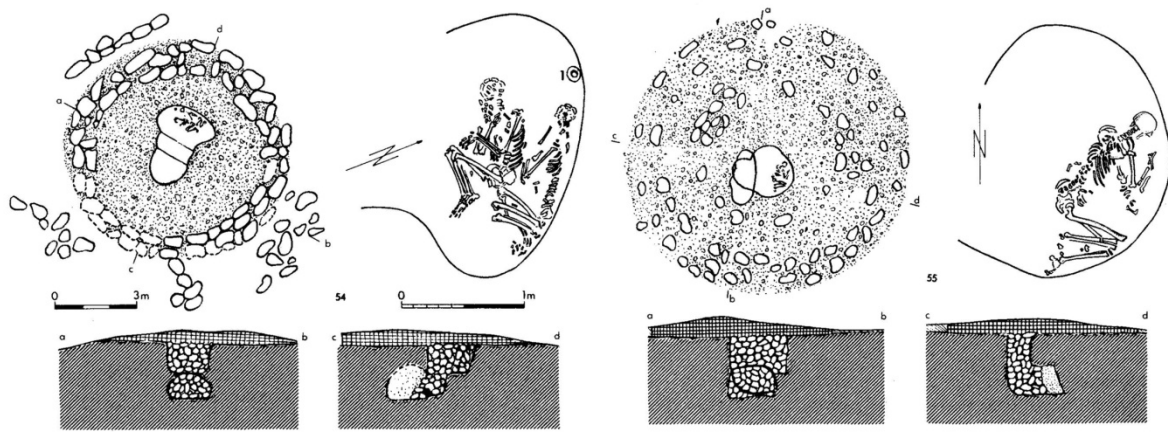

Рис. 3 Комплекс Вахшской культуры

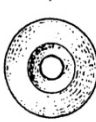
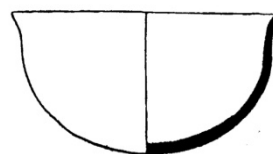
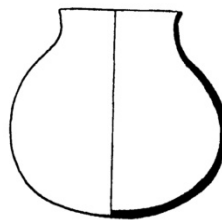
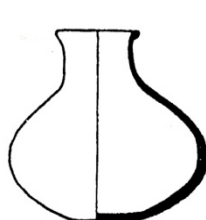
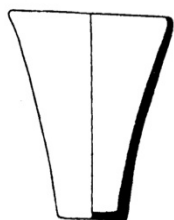
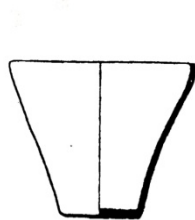
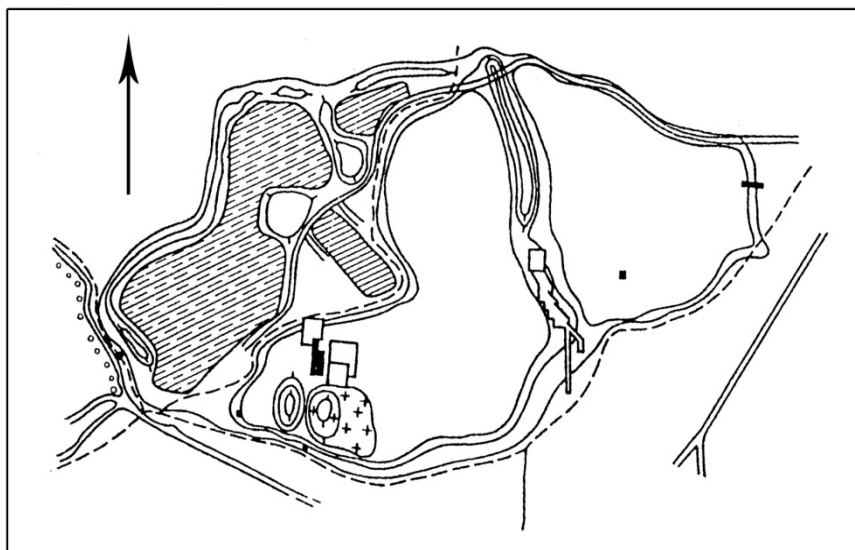

Рис. 4 Чустская культура: комплекс поселения Дальверзин

Н.А. АВАНЕСОВА

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ:

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Редактор:

Э. Мусурманов

Корректор:

М.Рузибоев

Технический редактор:

А.Р.Каспаров

Приказ № 68, 19.06.2008 г

Принято к изданию 17.03.2020 г.

Подписано в печать 23.03.2020 г.

Формат печати А3 1/8. Гарнитура Times.

Бумага офисная, формат А3.

Условно-печатных листов 17.5

Изд. печатных листов 17.0

Заказ № 63. Тираж 200 экз.

---

*Отпечатано в типографии "SHABNAM OMAD NUR".
г. Самарканд, ул. Зиёкорлар 1А.*

